

Государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования города Москвы «Московский городской педагогический
университет»
(ГАОУ ВО МГПУ)

На правах рукописи

Самарина Надежда Викторовна

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ
МЕСТОИМЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ
СТИЛЕЙ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Л.Г.Попова

Москва 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	13
1.1 Историческое развитие зарубежного и отечественного лингвистического функционализма.....	13
1.2 Изучение лингвистических явлений с позиции функциональной грамматики.....	18
1.3 Полевый подход в лингвистике	21
1.4 Гносеологический и лингвистический подходы к изучению категории определенности/неопределенности.....	29
1.5 Толкование неопределенных местоимений в лингвистике.....	47
Выводы по первой главе	77
ГЛАВА 2 СЕМАНТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	80
2.1 Семантическое наполнение неопределенных местоимений ядра семантического поля неопределенности (на материале художественных текстов) .	80
2.2 Семантическая представленность неопределенных местоимений периферии и границы семантического поля неопределенности в художественных текстах	97
Выводы по второй главе	107
ГЛАВА 3 СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В АНГЛИЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ	109
3.1 Семантика неопределенных местоимений ядра семантического поля неопределенности при их употреблении в публицистических текстах	109

3.2 Семантика неопределенных местоимений периферии и границы семантического поля неопределенности при их функционировании в английских публицистических текстах	132
3.3 Сопоставительный анализ функционирования неопределенных местоимений английского языка в художественных и публицистических текстах..	143
Выводы по третьей главе	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	161
Теоретические работы	161
Список художественных текстов, использованных в исследовательской работе	184
Список публицистических текстов, использованных в исследовательской работе.....	189
Список словарей, использованных в исследовательской работе.....	193

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистический функционализм начал активно развиваться в XX веке. Он представляет собой совокупность различных национальных школ и направлений. Одним из главных направлений является функциональная грамматика, которая рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их функций [Бондарко 1981, 1984, 1990, 1992, 1998, 2010; Данеш 1987; Дик 1983; Золотова 1973; Мартине 1972; Павлов 1981; Слюсарева 1985; Халлидей 1970, 1973, 1985; Шведова 1985; Шелякин 2001; Шендельс 1969, 2006 и др.]. Для исследования грамматических явлений успешно применяется *полевый подход* [Бондарко 1984, 1991, 1999; Гулыга / Шендельс 1969; Покровский 1959; Стернин 1985; Филичева 1977; Васильев 1971; Звегинцев 1977; Шмелев 1977; Щур 1974 и др.].

В лингвистике исследование языковых единиц посредством *полевого* подхода позволяет определить статус лежащих в основе полей семантических категорий. Одной из таких категорий выступает категория *определенности/неопределенности*. Данная категория получила довольно подробное освещение в языковедении. Семантика неопределенности стала предметом многочисленных работ лингвистов [Алехина 1975; Багирова 2000; Бархударов 2010; Бердникова 2006; Блох 2001; Васильева 2010; Вороновская 1984; Галкина-Федорук 1963; Гуревич 2003; Кузьмина 1989; Нефедов 2004; Николаева 1979, 1998; Поспелов 1971; Ревзина 1979; Санников 2002; Сергиенко 2003; Сулейманова 1987, 2015; Трунова 1991; Уляшева 2002; Хокинс 1978 и др.].

Категория *определенности /неопределенности* трактуется и в широком смысле как неполное знание, незнание, невозможность установления референции, и в узком смысле, ограничивающем спектр выражаемых смыслов собственно неопределенностью [Маштакова 2005]. Т.Н. Николаева относит данную семантическую категорию к категориям высказывания [Николаева

1998]. С.М. Кузьмина под *определенностью /неопределенностью* понимает разные виды противопоставлений [Кузьмина 1989]. С позиций теории референции указанная категория получает более широкое толкование [Багирокова 2000]. И.В. Нефедов рассматривает семантику и средства выражения *определенности / неопределенности* в артиклевых языках [Нефедов 2004]. И.В. Вороновская на материале русского языка описывает функционально-семантическую *категорию неопределенности* в терминах парадигматики в виде инварианта и дифференциальных семантических признаков [Вороновская 1984].

В английском языке категория *определенности/неопределенности* имеет морфологическое оформление в виде артиклей, указательных и притяжательных местоимений. Неопределенные местоимения английского языка также представляют данную категорию в языке. Исследование неопределенных местоимений связано со статусом и средствами выражения значений определенности и неопределенности, со спецификой референции, с теорией актуализации, способами построения текста. В функционально-семантическом плане неопределенные местоимения английского языка обладают неоднородными морфологическими и синтаксическими признаками, абстрактно - неопределенным значением и используются для указания на референцию именной части речи в предложении-высказывании, требуя дополнительного контекста для реализаций тех или иных значений. К группе неопределенных местоимений английского языка причисляют большое количество местоимений, разнообразных по значению и синтаксическим функциям.

В современной теоретической грамматике английского языка нет единого мнения по поводу статуса местоимений данного класса и их классификации [Гуревич 2001; Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981; Крылова, Гордон 2003; Aarts 2011; Biber, Leech, Johansson, Conrad, Finegan 2008; Close 1979; Crystal 2003; Hasselgard, Johansson 2012; Jespersen 2002; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1982, 1996 и др.]. В данной работе за основу берется

классификация неопределенных местоимений, предложенная авторами «Grammar of Spoken and Written English» [Biber, Leech, Johansson, Conrad, Finegan 2008].

Неопределенные местоимения всегда оставались и остаются в поле зрения как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Что касается последних исследований, то Н.В. Сергиенко изучает функциональную семантику английских неопределенных местоимений, производных от *some*, *any*, *every*, *no*, в сочетаниях с адьюнктом [Сергиенко 2003]. Л.А. Сучкова определяет синтаксическую семантику неопределенных местоимений в английском языке в аспекте компонентов предложения [Сучкова 1982]. К.Н. Симонова, занимаясь исследованием английских неопределенных местоимений в сопоставлении с русскими местоимениями, отмечает их квантификативный статус [Симонова 2003].

Актуальность исследования определяются необходимостью более углубленного анализа, касающегося статуса неопределенных местоимений английского языка, как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Кроме того, недостаточно изучена экспликация категории определенности/неопределенности, представленной посредством неопределенных местоимений в текстах разной стилистической направленности. Использование принципов функционализма в работе помогает раскрыть закономерности взаимодействия грамматических единиц, лексики и контекста в системе функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания.

Объектом исследования являются неопределенные местоимения английского языка – *some*, *any*, *every*, *no* и их производные с - *body*, - *one*, - *thing*, *none*, *much*, *many*, *(a) little*, *(a) few*, *all*, *both*, *either*, *neither*, *each other*, *another*, *one*.

Предметом исследования выступает семантическая репрезентация неопределенности в художественных и публицистических текстах, выраженная неопределенными местоимениями английского языка.

Целью исследования является установление разновидностей экспликации категории неопределенности, представленной посредством семантики неопределенных местоимений английского языка в текстах художественного и публицистического стилей, их сопоставительный анализ.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

- 1) Уточнить стратификацию неопределенных местоимений английского языка на базе фундаментальных лингвистических исследований;
- 2) репрезентировать с позиций функциональной грамматики неопределенные местоимения английского языка в виде семантического поля;
- 3) выяснить семантическую представленность разновидностей неопределенности посредством неопределенных местоимений в английских художественных текстах;
- 4) установить разновидности неопределенности, исходя из семантики неопределенных местоимений в английских публицистических текстах;
- 5) выявить общие и специфические черты в репрезентации категории неопределенности посредством неопределенных местоимений английского языка в исследуемых стилях.

Научная новизна диссертации обусловлена тем, что впервые на материале английского языка предлагается систематизировать неопределенные местоимения в виде семантического поля, выявить возможные разновидности неопределенности посредством семантики данного класса местоимений английского языка в текстах разных стилей с их дальнейшим сопоставительным анализом. Кроме того, впервые в работе вводится и обосновывается применение термина «условная неопределенность».

Теоретическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования продолжают вносить вклад в разработку проблем, касающихся систематизации и уточнения статуса неопределенных местоимений английского языка с учетом их функционирования в текстах разных стилей. Представленные в работе выводы могут способствовать развитию теории функциональных стилей, стилистики и сравнительно-стилистической типологии.

Практическая ценность научной работы обусловлена возможным применением полученных данных исследования в вузовских курсах теоретической и практической грамматики и стилистики английского языка, а также в преподавании спецкурсов и спецсеминаров по проблемам изучения морфологических средств выражения семантических категорий с позиций функциональной грамматики.

Материалом для исследования послужили данные толковых словарей английского языка, двуязычных словарей английского и русского языков. Кроме словарей в качестве источников исследовательского материала использовались прозаические художественные тексты XX – XXI веков, публицистические тексты на английском языке из британского корпуса примеров BNC. Общее количество примеров составило приблизительно 4640 из художественных (C.Ahern, J.Barnes, P.Cave, M.Dahl, H.Forrester, N.Hornby, R.James, V.King, E.Richmond, E. Murphy, G.Seymour, A.Taylor, C.West и др.) и 5270 из публицистических текстов (Amnesty, BBC Good Food, Central News, The Daily Telegraph, The Economist, Esquire, The Guardian, The Independent, The Liverpool Daily Post and Echo, The Northern Echo, Practical Fishkeeping, Scotsman Social material, The Art Newspaper, The Today, The Daily Mirror. и т.д.).

Теоретическую базу данной диссертации составили труды по функциональной грамматике и функциональной лингвистике Г. Адмони, Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, В.Г. Гака, Г.А. Золотовой, А.С. Мельничука, В.М. Павлова, Е.В. Падучевой, А.А. Потебни, Л.П. Рыжовой, В.М. Солнцева, Ю.С. Степанова, Н.А. Слюсаревой, М. Халлидея, А.А. Шахматова, Н.Ю. Шведовой, А.Д. Швейцера, Д.Н. Шмелева, Р.О. Якобсона и др. Фундаментом проведенного исследования послужили работы, где изучаются вопросы семантической категории определенности/неопределенности и средства ее выражения: М.И. Алехиной, Н.Д. Арутюновой, И.Г. Багироковой, Л.С. Бархударова, А.Л. Бегляровой, Л.П. Бердниковой, М.Я. Блоха, А.В. Бондарко, Л. Бриллюэна, Э.П. Васильевой, И.В. Вороновской, В.Г. Гака, В.В. Гуревича, Е.М. Галкиной-

Федорук, С.М. Кузьминой, М.В. Маштаковой, Т.В. Милевской, И.В. Нефедова, Т.М. Николаевой, В.З. Санникова, О.Н. Селиверстовой, О.А. Сулеймановой и др.

Данное исследование базировалось на трудах лингвистов, рассматривающих стратификацию неопределенных местоимений английского языка, – Б. Артса, И.П. Ивановой, В.В. Бурлаковой, Г.Г. Почепцова; В.В. Гуревича, О. Есперсена, Р. Клоуза, Т.Н. Крыловой и Е.М. Гордон; Д. Байбера, С. Йоханссона, С. Конрад, Дж. Лича, Э. Файнегэна; И. Свартвика, О.Н. Селиверстовой, С.Гринбаума, Д. Кристала, Х. Хассельгард и др. При написании работы были использованы теоретические положения по стилистике художественного и публицистического текстов: И.В. Арнольд, О.В. Афанасьевой, Д. Байбера и С. Конрад, С.С. Беркнера, С.В. Ильинской, М.П. Брандес, В.В. Виноградова, М.Н.Володиной, И.Р. Гальперина, М.Н. Кожинной, В.Г. Кузнецова, Е.М. Лазуткиной, Г.Я. Солганика и др.

В ходе проведенного исследования применялись следующие **методы**: метод семантического анализа, метод описания, метод функционального анализа, метод моделирования, сопоставительный метод, количественный метод, метод дистрибутивного анализа и метод сплошной выборки при отборе материала.

Апробация работы. Основные положения кандидатской диссертации отражены в докладах и выступлениях на научных конференциях разного уровня: III Международной научной интернет – конференции молодых ученых «Актуальные проблемы речевого общения – 3» (Москва, 2012); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы многоуровневой языковой подготовки в условиях модернизации высшего профессионального образования» (Мичуринск, 2012); в виде раздела коллективной монографии «Профессиональная коммуникация: культурологические, лингвистические и дидактические аспекты исследования 2012» (Тамбов, 2012). По материалам выступлений опубликованы 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК РФ: в Вестнике Адыгейского государственного универ-

ситета, Вып. 1. Майкоп, 2012); в Вестнике Сургутского государственного педагогического университета» Вып. №5 (26) – (Сургут, 2013); в Вестнике Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина». – №1 (Том 1) – (Санкт-Петербург, 2014), Филологические науки. Вопросы теории и практики. –№10 (76) – (Тамбов, 2017).

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Неопределенные местоимения английского языка систематизируются в виде семантического поля, ядром которого выступают местоимения *some, any, every, no* и их производные с *-body, -one, -thing*. К периферии относятся местоимения *none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each* и на границе поля – местоимения *other, another, one*.

2. В английских художественных текстах неопределенные местоимения ядра передают своей семантикой такие виды неопределенности, как: неопределенность лица/лиц, предмета/ов, пространства, «условное отсутствие» лица/лиц, предмета/ов, отрицание общего плана. Неопределенные местоимения периферии представляют такие разновидности неопределенности, как: неопределенность лица/лиц, предмета/ов, количества, «условное отсутствие» лица/лиц, предмета/ов. Неопределенные местоимения, находящиеся на границе поля, способны демонстрировать неопределенность такого плана, как: неопределенность лица/лиц, предмета/ов.

3. В английских публицистических текстах неопределенные местоимения ядра могут репрезентировать такие разновидности неопределенности, как: неопределенность лица и лиц, предмета/ов, количества, событий, действий, способа действий, окружения, информации, времени, явления, пространства, а также «условное отсутствие» лица/лиц, предмета/ов, действия, информации. Относящиеся к периферии неопределенные местоимения выражают своей семантикой неопределенность лица/лиц, предмета и предметов, количества, видов в природе, объектов, «условное отсутствие» лица/лиц, обстановки, действий, сферы деятельности. Местоимения, располагающиеся на границе семантического поля неопределенности, эксплици-

руют следующие виды неопределенности: неопределенность лиц/лиц, предмета/ов, действия, обобщенность мнения.

4. Частотность употребления неопределенных местоимений ядра, периферии и границы поля и спектр их семантики варьируется в зависимости от различных дискурсивных условий, коммуникативных ситуаций, что определяет и их коннотативные свойства. При анализе примеров из британского корпуса BNC, возможно присутствие *особых случаев* функционирования неопределенных местоимений английского языка в художественных и публицистических текстах.

Структура и объем работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы (379 позиции). Общий объем диссертации – 194 страницы.

Во **Введении** определяются объект, предмет исследования, обосновываются актуальность, научная новизна, раскрываются теоретическая ценность и практическая значимость работы, описываются методы исследования, формулируются цель, задачи, гипотеза и положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Теоретическое обоснование функционального подхода к изучению неопределенных местоимений английского языка»** рассматривается развитие отечественной и зарубежной функциональной лингвистики, раскрываются возможности *полевого подхода* к изучению грамматических явлений в современной лингвистике, анализируются лингвистические аспекты изучения семантической категории *определенности/неопределенности*. В главе перечисляются и анализируются разные точки зрения на статус неопределенных местоимений в англистике и предлагается систематизация неопределенных местоимений английского языка в виде семантического поля.

Во второй главе **«Семантика неопределенных местоимений английского языка в английских художественных текстах»** рассматривается семантическое наполнение неопределенных местоимений ядра, представ-

ляющих неопределенность разных видов в художественных текстах на английском языке. Далее устанавливается семантическая представленность неопределенных местоимений периферии и местоимений, находящихся за пределами поля, указывающих на виды неопределенности в текстах данной стилистической направленности.

В третьей главе **«Семантическая характеристика неопределенных местоимений в английских публицистических текстах»** определяется семантика неопределенных местоимений ядра в английских публицистических текстах, представляющая разные виды неопределенности. В главе рассматривается семантика местоимений периферии и местоимений, располагающихся за пределами поля в текстах данной стилистической направленности с целью выявления репрезентации видов неопределенности, а также сопоставляются и подвергаются анализу полученные данные.

В **Заключении** излагаются результаты исследования в обобщенном виде и перечисляются основные выводы, сделанные в ходе работы.

Список использованной литературы составляет 379 позиции из списка теоретических работ зарубежных и отечественных ученых, использованных словарей, художественных, публицистических текстов на английском языке, которые послужили источниками исследовательского материала.

ГЛАВА 1 ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

1.1 Историческое развитие зарубежного и отечественного лингвистического функционализма

Развитие языкознания на современном этапе характеризуется разнообразием научных школ, течений и направлений исследования. Одним из перспективных направлений сейчас является *функциональная лингвистика* как наука о языке в действии. Лингвистический функционализм в терминологическом смысле этого слова – детище XX века.

Лингвистическим функционализмом называется направление в языкознании, представители которого считают, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка. Основная идея функционализма – в объяснении языковой формы ее функциями [Демьянков 2000].

Как было отмечено выше, «функциональная лингвистика (функционализм)» – это «совокупность школ и направлений, возникших как одно из ответвлений структурной лингвистики, характеризующихся преимущественным вниманием к функционированию языка как средства общения» [Булыгина, Крылов 1990]. Основным принцип такого направления – «понимание языка как целенаправленной системы средств выражения (так называемый телеологический принцип) – был выдвинут Р.О. Якобсоном, Н.С. Трубецким и С.О. Карцевским в «Тезисах Пражского лингвистического кружка» в 1929 г., а затем развит в работах других представителей Пражской лингвистической школы, а также немецкого психолога К. Бюлера, обосновавшего концепцию *трех функций языка* – экспрессивной, апеллятивной и репрезентативной» [Булыгина, Крылов 1990].

В первой половине двадцатого века отмечается присутствие функционального подхода во многих лингвистических исследованиях. Традиции Пражской лингвистической школы проявились в трудах Р.О. Якобсона, а конкретнее в его исследовании функций речевой коммуникации, ориентированных на различные компоненты речевого акта: говорящего, адресата, контакт, ситуацию, код и сообщение [Якобсон 1985]. В работах А. Мартине были обоснованы положения фонологии как функциональной фонетики [Мартине 1972].

Среди других исследований стоит упомянуть функционалистские традиции модели языковой компетенции [Матезиус Электронный ресурс], функционалистские объяснения как разновидности функциональной грамматики [См.: Демьянков 2000]. Если иметь в виду отечественную функциональную лингвистику, то следует назвать учение о понятийных категориях И.И. Мещанинова [Мещанинов 1978], концепцию активной и пассивной грамматики Л.В. Щербы [Щерба 1957], функциональное исследование категории модальности В.В. Виноградова [Виноградов 1972] – [См.: Демьянков 2000].

Сегодня выделяются **четыре основных направления** развития функционализма в зависимости от начальной традиции: *западноевропейское, американское, советское и постсоветское*. Базой для формирования *западноевропейской функциональной лингвистики* послужили бихевиоризм, генеративизм, антропологизм и социологизм, где рассматривалось подробно функционирование языковой системы в речевых актах [Левицкий 2010]. *Американский функционализм* характеризуется когнитивной направленностью, так как активно используется в научных изысканиях фреймное моделирование [Там же]. *Советское направление* представлено идеями А.В. Бондарко. В рамках функциональной грамматики он разработал систему функционально-семантических полей, изучил функционирование моделей полей в тексте и в речи, функциональное моделирование речевой деятельности [Бондарко 1981, 1984, 1990, 1992, 1998, 2010]. В *постсоветской* функцио-

нальной лингвистике выделяются функциональная грамматика, функциональная стилистика, коммуникативно-деятельностная теория языка и анализ дискурса [Мурашова 2016].

В современной лингвистике *функциональный подход* предусматривает анализ теологической природы языковых явлений на основе их семантики и структуры, взаимодействия с другими единицами, категоризации и назначении в речи. Исследование языковых единиц осуществляется в двух направлениях – от функции до средства ее реализации и, наоборот, от средств реализации к функции. Такой двусторонний подход базируется на том, что определенная функция может быть реализована разными средствами, а одно средство может выполнять разные функции. Функциональный подход в современной лингвистике тем самым применим к анализу функций языка и коммуникативной деятельности, функциональных стилей и роли отдельных языковых единиц в речепорождении и речевосприятии, в обеспечении акта коммуникации [Левицкий 2010].

В современном языкознании существуют различные подходы к пониманию термина «функция». *Функция* является центральным понятием функциональной лингвистики. Тем не менее, разные школы функционализма придерживаются разных аспектов понятия: потенциального, целевого, ролевого, позиционного, семантического и ситуативно-коммуникативного [Гак 1985]. Отметим также существование двух основных направлений в трактовке «функции»: узкое – функция понимается как роль отдельных языковых единиц для выполнения своего предназначения в высказывании и широкое, где функция трактуется, как способность самого высказывания обеспечивать акт коммуникации. Для приверженцев широкого понимания функции *функциональный* – это служащий какой-то цели, выполняющий определенное назначение, а функциональные свойства вполне согласуются с представлением о том, что единицы языка могут классифицироваться по своим функциональным признакам. Использование слов вытекает из их общего значения, а зна-

чение, в свою очередь, приобретает грамматическую значимость благодаря наличию ряда моделей употребления [Петрова 1989, с. 6].

Различные аспекты соотношения значения, формы и функции слов, синтаксические свойства слов выступают вторичными и производными от их значений [Гайсина 1986, с. 54]. Любой элемент языка выполняет свою особую функцию, в которой проявляется его сущность как компонента структуры [Аврорин 1975, с. 33]. Отсюда следует, что функционирование языковых единиц напрямую зависит от целей акта коммуникации, обеспечивая его адекватность. Более специализированные (узкие) определения функции относятся к выделению функциональных характеристик единиц отдельных уровней языковой структуры. В частности, в диалектическом единстве знаковой природы и номинативной функции слов и словосочетаний видится значимость для лингвистики функции. Функциональный подход к лексике подразумевает описание системы знаков исходя из системы сигнификатов [Рудяков 1992]. В данном понимании функция предназначена для хранения и выражения конкретного языкового понятия [Рудяков 1992, с. 146]. При определении специализированных функций у грамматических значений слов могут быть выделены: 1) в системе языка – функция формирования и выражения частеречных грамматических значений и значений членов предложения; 2) в высказывании – а) функция актуализации сообщений о событиях и б) функция установления связей и отношений между структурными компонентами события и самими событиями в планах своих значений, что придает предложению (тексту) грамматически и семантически связанный, целостный характер [Шелякин 1997 с. 39]. *Синтаксическая функция* отождествляется с позицией слова в синтагматическом ряду и зависит от его окружения в составе некоторой синтаксической последовательности в предложении или переменном словосочетании [Иванова 1981, С. 184 – 185; Маслов 1987, с. 171; Уфимцева 1968, с. 125].

Специализированное определение функции предлагает и А.В. Бондарко. Суть его подхода заключается в признании функции как назначе-

ния, предназначения, цели употребления языковых единиц (в том числе грамматических) [Бондарко 1996 С. 43 – 44]. Понимание «функции» для обозначения роли единиц в синтаксисе и морфологии как значения формы и позиции в конструкции обусловило возникновение толкования функции как грамматического значения [Теньер 1988 с. 50]. В таком понимании слова – инструменты, каждый из которых предназначен для выполнения определенной задачи. Роль, которую играют слова в механизме выражения мысли, и есть функция. В итоге синтаксические связи без связей семантических не существуют [Бондарко 1996, с. 46].

Диалектика соотношения семантического и функционального такова, что мы постигаем первое, овладевая вторым. Это происходит из-за тесной взаимосвязи значимого и функционального как в системе языка, так и в ходе реализации языковых единиц в высказывании. Предлагаемое решение данной проблемы соотношения семантики и функции основывается на противопоставлении языка и его реализации в высказывании. Введение же А.В. Бондарко понятия «семантической функции» снимает вопросы, связанные с проблемой соотношения «значения» и «функции». Оно отличается ориентацией на выявление отношений «цель – средство», «стимул (каузация) – функционирование – результат» [Бондарко 1996, с. 46]. Следовательно, это понятие охватывает не только узловые значения тех или иных единиц языка, но и их окказиональные (речевые) значения, для формирования которых важны как широкий контекст (т. е. ситуация общения), так и «фоновые знания» коммуникантов, соотношение их коммуникативной и языковой компетенции.

Таким образом, *функцию* можно трактовать как многогранное явление, включающее в себя: потенциальную способность номинативной единицы выполнять определенную роль в высказывании; реализацию данной способности в конкретном акте коммуникации; обобщенное значение формы, конструкции и даже позиции номинативной единицы в высказывании; позицию единицы в составе речевой конструкции; отношение между единицами языка в высказывании. *Функция* – понятие относительное, определяемое сис-

темой языка. Оно, с одной стороны, определяется внутри этой системы, а с другой – реализуется в конкретных коммуникативных актах [Левицкий 1999].

Обобщая достижения функциональной лингвистики на современном этапе, необходимо отметить, что функциональный подход позволяет исследовать объекты в процессе их жизнедеятельности. Язык является системой, которая по своей сути функциональна, а потому не может быть описанной исходя лишь из ее структуры. Изучение функционирования языка дает возможность лучше познать его внутреннюю структуру как системы. В этом случае *функция* выступает как системообразующий фактор. Соответственно функционирование может быть понято как проявление сущности, способ существования языка. Кроме того, анализируя отношение объектов к среде, данный подход рассматривает функцию определенной языковой единицы по отношению к функции языка в целом. На современном этапе развития лингвистической науки функциональный подход сохраняет ведущую роль, что отвечает внутренней природе сложных систем. Следует отметить, что в перспективе развития функционального подхода находится построение упорядоченной системы научных знаний, в которой не будет междисциплинарных барьеров [Левицкий 1999].

Как было сказано выше, у функционализма существует множество разновидностей и направлений. Одной из главных является *функциональная грамматика*. Рассмотрим ее специфику более основательно, так как она занимает важное место в предлагаемом диссертационном исследовании.

1.2 Изучение лингвистических явлений с позиции функциональной грамматики

Исследования грамматического строя естественных языков, основанные на функциональном принципе, получили название *функциональной грамматики*. Описание грамматики строится исходя из содержания и на-

значения языковых единиц. Подобного рода подходы представлены в работах Ф. Брюно, О. Есперсена и других. Теоретическую основу функциональной грамматики заложил и развил С. Дик, который говорит о различных видах адекватности грамматики – психологической, типологической и прагматической. Французская школа функциональной лингвистики (А. Мартине и его последователи) ориентируется на грамматические аспекты речи, анализируемые с точки зрения коммуникативной функции языка. Представители Пражской лингвистической школы (Ф. Данеш, М. Докулил, П. Сгалл и др.) концентрируют внимание на соотношении языковой системы и использовании говорящим языковых средств в конкретной ситуации речи. Понятие *функции* играет ведущую роль в грамматических исследованиях ряда лингвистов бывшей ГДР (В. Шмидта, Г. Хельбига, В. Бёка, В. Гладрова, Р. Леча и др.) [См.: Сусов 2006].

Особое направление функциональной грамматики, стремящееся последовательно реализовать функциональную точку зрения на природу языка и его уровней, развивается в Голландии (С. Дик, К. де Гроот и др.). Лондонская школа сложилась и организационно оформилась в 40 - х гг. 20 в. Ее основоположник – Дж.Р. Фёрс, вокруг которого объединились У. Аллен, М.А.К. Халлидей, Р.Х. Робинс, У. Хаас, Ф.Р. Палмер и др. Это направление в изучении языка стремится к построению общей теории, в рамках которой можно было бы найти объяснение специфических особенностей конкретных языков, выработать адекватные методы структурно-функционального их исследования. Задача языкознания для этой школы – создание совокупности технических приемов изучения языковых явлений.

По мнению представителей Лондонской школы, языкознание автономно, т.е. не обязательно опирается на данные других наук – психологии, социологии и т.п. Конкретные исследования данной школы касаются следующих проблем: место и функции языка в обществе; язык и культура; сущность языка и его определение; движущие силы развития языка; строение языка; выделение языковых уровней и единиц; задачи языкознания; система лин-

гвистического описания; система терминов лингвистического описания; существенные признаки лингвистических категорий и критерии их установления; возможность привлечения экстралингвистических данных к лингвистическому анализу; языковое значение и его место в лингвистическом анализе; ситуационная теория значения; понятие контекста; виды контекста; функциональное расслоение языка; личность в связи с исследованием языка; просодический анализ. В Лондонской школе проводилось изучение функционирования языка в разных ситуациях общения: в общественных и религиозных церемониях, во взаимоотношениях людей разных рангов. Исследования, проводившиеся в рамках названной авторитетной школы, сыграли определенную роль в становлении *социолингвистики*, а также функциональной грамматики, контекстуальной грамматики и лингвистики текста [Сусов 2006].

В России оригинальную теорию функциональной грамматики развивает А.В. Бондарко. Центральным понятием его теории является *функционально - семантическое поле*, которое трактуется как «базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и «строевых» лексических, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т.п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [Бондарко 1984,1987,1990,1992, 2001]. При этом функциональная грамматика в своем развитии все более ориентируется на исследование речевых произведений (высказываний, сверхфразовых единств, связных текстов), стремясь раскрыть механизмы реализации семантических, структурных, прагматических, стилистических и иных функций языковых единиц [См.: Самарина 2012]. Следует подчеркнуть, что сегодня функциональная грамматика не замыкается на грамматическом уровне, и именно поэтому она способна не только перечислить все основные (узуральные) синтаксические формы, присущие коммуникативной ситуации того или иного типа, но и выявить коммуникативные, структурные

и иные признаки, опираясь на которые адресат речи адекватно воспринимает смысл высказывания.

А.В. Бондарко утверждает, что у функциональной грамматики есть свой предмет – функционирование грамматических единиц (форм и конструкций) и взаимодействующих с ними языковых средств в высказывании. Функционально-грамматическое исследование стремится раскрыть особого рода систему – систему взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста, систему закономерностей и правил функционирования языковых средств, служащих для передачи смысла высказывания [Бондарко 1983].

Итак, *функционализм* характеризуется разнообразием отечественных и зарубежных научных школ, течений и направлений. Одним из перспективных направлений сейчас является *функциональная лингвистика* как наука о языке в действии. Новые акценты, выставленные в современной лингвистической парадигме, позволяют переосмыслить суть, природу, функции языка, речи и речевой деятельности, выйти за грани сугубо рационального подхода к языку как объекту лингвистического исследования. Такое положение дел в современном языкознании свидетельствует о возрастающей роли функционализма и переосмыслении его традиций. Место функционализма в современной лингвистике определяется его пониманием как инструмента раскрытия взаимодействия коммуникативного и когнитивного начал в процессе использования различных единиц языка и речи и их аранжировки.

1.3 Пóлевый подход в лингвистике

В последнее время в лингвистической литературе все более актуальной и перспективной признается *пóлевая модель* системы языка, которая представляет ее как непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер [Стернин 1985]. На возможность существования разных типов лексиче-

ских объединений отечественные ученые обратили внимание еще в XIX веке. Так, М.М. Покровский неоднократно подчеркивал необходимость изучения семантики не отдельного слова, а рядов слов, семантически связанных друг с другом, системы в целом [Покровский 1959]. Понятие «поле» было введено в научный лингвистический обиход Г. Ипсеном в 1924 году. Оно определялось как совокупность слов, обладающих общим значением.

Традиционно *семантическое поле* в современном языкознании определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания (инвариантностью) и отражающих понятийные, предметные или функциональные свойства обозначаемых явлений. Для семантического поля постулируется наличие общего (интегрального) семантического признака, объединяющего все единицы поля и обычно выражаемого лексемой с обобщенным значением (архилексемой) [Васильев 1971, Звегинцев 1977, Шмелев 1977, Щур 1974].

Кроме того, возникновение данного понятия было связано с возрождением в 20 – 30 гг. прошлого века учения В.А. Гумбольдта о «внутренней форме языка», с длительной научной дискуссией о «внутреннем содержании» языка как основном предмете лингвистического исследования [Гумбольдт 1984]. Идею лексико-семантических групп слов, выражающих единые понятия, выдвигал и К. Ройнинг [Reuning 1941] – [См.: Самарина 2014].

Когнитивные классификации в лингвистике были впервые представлены основателем теории поля Й. Триром, который выделил в поле индивидуальные зоны от ядра к периферии, продемонстрировав различную релевантность языковых единиц для носителей данного языкового социума. Заслугой Й. Трира обычно считают то, что он расчленил понятия «лексическое» и «понятийное» поле и ввел в лингвистический обиход эти термины [Trier 1931]. Дальнейшее теоретическое осмысление понятия «поле» в лингвистике содержалось в работах В. Порцига [Porzig 1934], А. Йоллеса [Jolles 1934], Л. Вейсгербера [Weisgerber 1962], С. Ульмана [Ulmann 1967], Ф. Дорнзайфа [Dornseiff 1970] и многих других [См.: Самарина 2014].

Преобладающими подходами к теории поля являются *парадигматический*, *синтагматический* и *синтаксический*. Парадигматический подход, как правило, связывают с именами Й. Трира и Л. Вейсгербера, а синтаксический – с именем В. Порцига. Хотя, несомненно, в работах сторонников полевого подхода явно присутствуют моменты, не представленные в концепциях Й. Трира и В. Порцига, однако все эти работы характеризуются преобладанием парадигматического или синтаксического подхода. Теория поля Й. Трира и В. Порцига получила широкое распространение в отечественной лингвистике.

Так, например, крупным теоретиком полевой модели языка в отечественном языкознании является Г.С. Щур, который определяет поле как способ существования и группировки элементов языка, обладающими общими инвариантными свойствами [Щур 1974] – [См.: Самарина 2014].

Анализ теории семантического поля содержится в работе Ю.Н. Караулова, который, в частности, указывал, что семантическое поле – это отдельная небольшая по размеру лексическая подсистема, которая обладает относительной самостоятельностью [Караулов 1976]. Ученый обосновал размытость и неопределенность границ семантического поля. Открытость поля, его незавершенность, способность создавать новые слова выступают как его фундаментальные свойства. Исследователь предлагает определение лексико-семантического поля как группу слов одного языка, взаимосвязанных друг с другом по смыслу [Караулов 1972].

Ф.П. Филин использует для обозначения словесных семантических полей термин «лексико-семантические группы». Под лексико-семантическими группами он понимает лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями, представляющие собой специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития [Филин 1957, 1982].

Ю.Д. Апресян отмечает, что семантическое поле образуется множеством значений, но эти значения имеют хотя бы один общий семантический компонент. Семантические поля могут пересекаться друг с другом. Из любого семантического поля посредствующих звеньев можно попасть в дру-

гое поле. Поэтому семантическое пространство языка оказывается непрерывным [Апресян 1974].

Не так давно появилась тенденция рассматривать поле как межуровневое явление. Начало такому подходу, однако без использования термина «поле», было еще положено Ф. Брюно и О. Есперсенем. В работах подобного вида совмещаются два подхода – семасиологический и ономасиологический, при этом функциональная сторона рассматриваемых явлений играет определяющую роль. Также полевый метод успешно применяется для исследования не только лексических, но и лексико-грамматических явлений [Бондарко 1984, Гулыга, Шендельс 1969, Филичева 1977], в словообразовании [Кубрякова 1981], в лингвистике текста [Арнольд 1984] и т.д. Основанием для отнесения данной совокупности средств к полю служит наличие общего семантического признака, который в силу того, что он обнаруживается у явлений, относящихся к разным уровням, может иметь как грамматическую, так и лексическую природу [Адмони 1964, 1967, Бондарко 1967, 1972, 1984, Гулыга, Шендельс 1967, 1969 и др.].

Помимо собственно семантического, в языковой системе лингвистами выделяются следующие поля:

1. *Грамматическое поле, обладающее центром и периферией*, интерпретируется как структура и единица грамматического моделирования [Гухман 1968]. В качестве грамматического поля рассматривается залоговое поле, представленное в языке как грамматическими, так и другими средствами. Кроме того, ядро грамматического поля могут составлять парадигматические системы, а периферию образуют непарадигматические системы. Единицы центральной и периферийной зоны объединены понятийной общностью [Бондарко 1984].

2. *Частеречное поле*. Части речи рассматриваются как поля, обладающие центром и периферией и пересекающиеся с другими полями. Данное поле представлено в концепции В.Г. Адмони. Автор, анализируя прилагательные, считает, что ядро этой части речи образуют те многочисленные

слова, которые объединяют в себе комплекс важнейших грамматических признаков [Адмони 1973].

3. *Морфосемантическое поле*. Основой такого поля является общий дифференциальный признак, независимо от того, семантический он или морфологический, вследствие чего такого вида поля оказываются типичными как для лексики, так и для грамматики [Щур 1974].

4. *Ассоциативное поле*. Это поле основано на психологических ассоциациях как предметов и понятий, так и их знаков – самих слов [Балли 2001].

5. *Синтаксическое поле*. В рамках этого поля исследуется взаимодействие между центральной и периферийной подструктурами, которое выступает причиной исторической изменчивости поля [Филичева 1977].

6. *Лексико-грамматическое поле*. Разрабатывается проблема взаимодействия лексического и грамматического значений, влияние лексики на грамматические формы [Гулыга, Шендельс 1969].

7. *Лексико-семантическое поле*. В своем развитии оно проходит множество изменений и напрямую зависит от изменений в обществе, т.к. лексика представляет собой наиболее меняющийся ярус языка и чутко реагирует на всякие изменения в обществе. Она является наглядным показателем динамики изменения социума, ввиду чего целесообразно рассматривать и анализировать семантически связанные группировки слов, в том числе и лексико-семантические поля. С точки зрения роста количества элементов лексических группировок их можно подразделить на статичные и динамичные, закрытые и открытые системы [Сребрянская, Данилова 2012].

8. *Функционально-семантическое поле*. А.В. Бондарко определяет этот вид поля как систему разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т.п.), объединенных на основе общности и взаимодействия их функций. Понятие функционально-семантического поля связано с моделированием системы разноуровневых, структурно разнородных языковых средств. Функционально-семантическое по-

ле как модель связывается с условным представлением о некотором пространстве, в котором намечается конфигурация центральных и периферийных компонентов поля, выделяются зоны пересечения с другими полями [Бондарко 1984].

А.В. Бондарко утверждает, что противопоставление «центр (ядро) – периферия» многосторонне, и указывает важнейшие критерии их выделения:

1) сосредоточение, максимальная концентрация специфических признаков, характеризующих данную группировку (центр) – разреженность таких признаков (периферия);

2) сосредоточение связей, отношений, нахождение данного явления в области пересечения тех линий, которые связывают элементы данной группировки, участие в максимальном числе оппозиций (центр) – рассредоточение сетки связей, их ослабление, проявление той или иной степени изолированности (периферия);

3) максимальная функциональная нагрузка (центр) – уменьшение такой нагрузки (периферия);

4) наибольшая специализированность данного языкового средства или системы таких средств для реализации определенной семантической функции (центр) – меньшая степень специализации, побочная роль в реализации данной функции (периферия);

5) регулярность, высокая частота употребления данного языкового элемента (центр) – нерегулярность или меньшая регулярность, меньшая употребительность (периферия).

Рассмотренный ряд признаков центра и периферии не является исчерпывающим. В частности, как считает А.В. Бондарко, можно было бы отметить регулирующую и консолидирующую роль центральных явлений по отношению к периферийным. Отмеченные пять признаков характеризуют основные черты центра и периферии [Бондарко 1972].

Следовательно, в языкознании выделяются разнообразные типы полей. Они могут объединять в своем составе разнородные языковые сред-

ства, принадлежащие к различным грамматическим классам и уровням языка; для поля характерно наличие различных группировок, отношений и связей между элементами, а также в составе поля выделяются ядерные и периферийные составляющие; ядро образуется вокруг компонента-доминанты. В ядре сконцентрировано наибольшее количество полеобразующих признаков. Переход от ядра к периферии осуществляется постепенно. Граница между ядром и периферией, а также отдельными зонами периферии является нечеткой. Конституенты поля и периферии могут принадлежать к ядру одного поля и периферии другого поля и наоборот.

Особенно плодотворным оказалось применение полевого подхода в лексикографии при создании так называемых идеографических словарей или тезаурусов, основанных на принципе соединения теории семантического поля и ономастологического подхода к изучению лексики, предполагающего объединение языковых единиц на основе близости их значения [Baldinger 1980]. Это прежде всего тематический словарь П. Роже [Roget, 1964], словари немецкого языка Ф. Дорнзайфа [Dornseiff 1970], Р. Халлига, В. Вартбурга [Hallig/Wartburg 1952], В. Фридериха [Friederich 1976]. Среди словарей, построенных по этому принципу на материале русского языка, внимания заслуживает учебный словарь под редакцией В.В. Морковкина [Морковкин 1985], состоящий из градуальных лексических минимумов и тематического словаря-минимума. Важное теоретико-практическое значение имеют работы Ш. Балли [Балли 2001], Ю.Н. Караулова [Караулов 1981], А. М. Кузнецова [Кузнецов 1980].

Исключительную ценность представляет один из новейших и фундаментальных трудов в этой области – «Русский идеографический словарь...» под редакцией академика РАН Н.Ю. Шведовой. Данный словарь – опыт создания лексикона нового жанра – идеографический словарь концептов, который опирается на идеи (обобщения), заключенные в самом языке, организующие и скрепляющие его внутреннее строение [Шведова 2011].

Несомненно, список ученых, занимающихся исследованием полей в лингвистике можно продолжить. Это еще раз доказывает, что полевой подход к описанию явлений языка нашел в лингвистике широкое распространение и позволил получить перспективные результаты, так как при нем активно используются как отдельные языковые поля, так и полевой характер языка в целом. Проводимые исследования показывают плодотворность полевой модели языковой системы, которая представляет систему языка как непрерывную совокупность полей, переходящих друг в друга своими периферийными зонами и имеющих многоуровневый характер. Функциональная интерпретация семантического поля рассматривается в виде синтеза упомянутых выше типов полей. Она дает возможность аргументированно и наглядно представить семантическое поле не только как набор классов, но и как подвижную структуру строго взаимосвязанных единиц, формирующих тезаурус.

В данном исследовании придерживаемся общих положений функциональной грамматики и функционального подхода, где в качестве объекта изучения выступают функции единиц строя языка и закономерности их функционирования [См.: Самарина 2014]. При анализе языкового материала используется направление от функций к средствам как основное, определяющее построение грамматики в сочетании с направлением от средств к функциям. Материалом для анализа в функциональной грамматике служат грамматические формы слова и синтаксические конструкции, а также лексические единицы. Функциональная грамматика в своем развитии все более ориентируется на исследование речевых произведений (высказываний, сверхфразовых единств, связных текстов), стремясь раскрыть механизмы реализации семантических, структурных, прагматических, стилистических и иных функций языковых единиц. Функционально-грамматическое исследование способствует раскрытию особого рода системы – системы взаимодействия грамматической формы, лексики и контекста, системы закономерностей и правил функционирования языковых средств, служащих для пе-

редачи смысла высказывания. Поэтому в данном случае именно эти принципы функциональной грамматики позволят эффективно проанализировать функционирование неопределенных местоимений английского языка в текстах разных стилей.

1.4 Гносеологический и лингвистический подходы к изучению категории определенности/неопределенности

Исторически интерес к языку и сознательное его изучение возникает в связи с появлением письменности, а также особых, отличных от общеупотребимых языков – литературных, культовых. И если в Древней Индии и позже в средневековом Китае развивается описательное языкознание, то в Древней Греции основы собственно языкознания формируются на основе аристотелевской грамматики у стоиков и далее в Александрийской грамматической школе, а язык – прежде всего предмет философских рассуждений о возможностях познания истины. Согласно реконструкции А.Ф. Лосева, в центре внимания древнегреческих философов – отдельное слово, имя, его соотношение с установлением и природой (Гераклит, Демокрит, Анаксагор, Эмпедокл, Протагор, Горгий, Платон). Аристотель, а затем стоики различают слово внутреннее и произносимое и выделяют вторичность письменности. Уже в Античности складываются гипотезы о происхождении языка, детерминированном следующими факторами: а) воздействием природных условий обитания (Эмпедокл); б) как результат коллективной договоренности (Демокрит); в) следствие богатой эмоциональной жизни человека (эпикурейцы); г) влиянием звукоподражание (стоики). В религиозной философии (гностицизм, раввинская экзегетика, Оригена, арианство) возникает идея о едином праязыке, которая затем широко распространяется в эпоху Возрождения (Данте «О народном красноречии»). Схоластическая философия на основе идеи о единстве логического и грамматического разрабатывает институциональную систему языка [Лосев 1993].

Философия Нового времени (Декарт, Ф. Бэкон, Локк, Гоббс, Лейбниц) возвращает понимание языка как инструмента познания истины, на первый план вновь выходят проблемы правильного использования языка, риторических эффектов. На основе идей Декарта о закономерности логической связи между знаком и мыслью возникают проекты специального языка науки (Кондорсе), универсального философского языка (Лейбниц, Дальгарно), универсальной грамматики (логическая школа Пор-Рояля – Арно, Ласло), намечается стратегия понимания языка как всеобщих формализованных семантических систем. Одновременно усложняются концепции происхождения языка (А. Смит, Гердер, Руссо, Кондильяк, Нуаре, Вундт). Язык у Гамана, Гердера, Шлегеля и Гумбольдта («О различии строения человеческих языков» 1836) понимается как особый орган мысли, особая форма развития человеческого духа, своеобразно обуславливающая отношение человека к миру.

В начале XX века возникает ряд оригинальных теорий языка – «слововещей» Х. Шухардта, «лингвистических интуиций» К. Фосслера. Но наиболее влиятельной стала идея Ф. де Соссюра о разделении языка и речи в лингвистике. Он заложил основы семиотики и структурализма, что в дальнейшем было поддержано Б. де Куртенэ, Н. Крушевским, Ф. Фортунатовым и развитая впоследствии пражской (функционально-коммуникативный подход В. Матезиуса, Н. Трубецкого, Р. Якобсона), копенгагенской (глоссемантика и принцип иерархии Л. Ельмслева) и американской (дескриптивная лингвистика Л. Блумфильда, затем дистрибутивная лингвистика Харриса, Блока и Хоккета, и этнолингвистика со знаменитой гипотезой Э. Сепира-В. Уорфа о лингвистической относительности) школами. Отдельно следует сказать о влиянии идей структурной лингвистики на формирование в XX веке социолингвистики – А. Мейе, затем А. Доза, А. Мартине, М. Коэн, Ж. Марузо, Д. Фишман, В. Лейбов и др. К этому направлению можно отнести и отечественных выдающихся лингвистов – Е. Поливанова, Н. Марра, В. Виноградова и др. В трудах названных и других ученых этого направления язык изучает-

ся в движении, в виде антиномий. В их представлении даже в синхронном аспекте система языка предстает не в статической, а в динамической ипостаси. Под влиянием идей Гумбольдта формируется в феноменологической и герменевтической философии особое отношение к языку как непосредственному самораскрытию духа – сознания – бытия (неогумбольдтианская «содержательная грамматика» Ф. Финка и Л. Вайсгербера, «философия символических форм» Э. Кассирера, язык «исторического сознания» Г. Дильтея, философская антропология Гелена, феноменологическая онтология Хайдеггера, критика культуры Т. Адорно и К. Хоркхаймера, детрансцендентализм Г. Гадамера и др.).

Для современного этапа развития науки о языке характерна установка на переход от позитивного знания к глубинному постижению языка в широком теоретико-методологическом контексте. Эта установка находит свое выражение в том, что многие проблемы и темы, рассматриваемые ранее как «экстралингвистические», относящиеся к так называемой «внешней лингвистике», стали трактоваться в современной лингвистике как «интралингвистические» («внутренние»), имеющие непосредственное отношение к предмету изучения науки о языке, который стал пониматься при этом более широко – как духовная энергия и когнитивная активность человека, в отличие от чисто номиналистической интерпретации языка как системы знаков, характерной для предыдущего структуралистского периода.

К числу таких новых интралингвистических проблем в современной науке о языке относятся, помимо вопросов о соотношении языка и культуры, языка и общества, языка и религии, вопрос о взаимосвязи языка и философии. В самом общем понимании философия языка включает в себя широкую область исследований, направленных на изучение взаимоотношений между языком, бытием (реальностью, действительностью, миром) и мышлением, а также сами теоретико-методологические знания, выражающие и интерпретирующие эти взаимосвязи. Эти сферы – язык, бытие и мышление – могут трактоваться при этом в различных лингвофилософских концепциях

как: 1) самостоятельные и независимые друг от друга, 2) частично тождественные или 3) вообще не отличающиеся друг от друга. Так, в качестве самостоятельного начала в философии языка может рассматриваться бытие, а язык и мышление могут интерпретироваться как моменты включающего их сознания, противостоящего бытию. Задача философии языка сводится в этом случае к установлению соотношений между бытием и сознанием в его языковом проявлении. Соотношение языка, мышления и действительности далее может рассматриваться в самом общем виде или же сводиться к изучению соотношения лишь наиболее важных единиц и моментов этих областей или даже отдельных частей этих областей: 1) слова, имени, языкового знака, предложения, синтаксиса, грамматической категории и т.д., 2) мысли, понятия, логического суждения, знания, логики, логической категории и т.д. и 3) вещи, свойства, отношения и т.д., которые могут рассматриваться в отдельных лингвофилософских концепциях в качестве «первоначал» бытия и «первоэлементов» реальности [Козлова 1972].

Важнейшим вопросом, касающимся взаимосвязи языка и философии, является вопрос о так называемом «языке философии» и о его соотношении, с одной стороны, с языком, а с другой – с философией и, в частности, с самой философией языка. Идея о взаимосвязи языка и философии как двух форм миропонимания человека получает глубокое развитие в русской религиозной философии [Лосев 1993, Флоренский 1999]. В системе соотношений – язык, философия, язык философии – язык занимает центральное положение: питая философию своими интуициями, он оказывается «органом осознания этих интуиций». Этот последний момент служит основанием для отождествления в отдельных лингвофилософских концепциях всех трех сфер духовной активности человека – языка, философии и языка философии [Бибихин 2002].

Сегодня нередко выражение «философия языка» может трактоваться как синоним к термину «парадигма», под которой понимается «господствующий» взгляд на язык, связанный с определенной философской позицией. Лингвофилософские исследования могут далее включаться в состав

более общей сферы знания, синтезирующей как философский, так и конкретно-научный, и теологический подходы, как это имеет место, например, в русской религиозной философии школы Всеединства, развивающей идеи «цельного» (всеобъемлющего) знания как момента цельной жизни. Наконец, лингвофилософские исследования могут быть выведены в особое междисциплинарное пространство, находящееся на стыке философии, науки о языке и других видов знания, что вызвано стремлением избежать крайностей двух первых ориентаций: 1) редукционизма – ограниченности точки зрения на философию языка с позиций включающей дисциплины, свойственного первой ориентации, и 2) радикализма в реализации идеи синтеза, свойственного второй ориентации.

Таким образом, тема взаимосвязи языка и философии остается одной из самых сложных проблем гуманитарной мысли, и каждое поколение мыслителей дает свой ответ на извечный вопрос, как относиться к тому факту, что отправной точкой всякого познания является сформированный языком мир, что, в частности, и естествоиспытатель, и историк, и даже философ видят предметы первоначально так, как им преподносит их язык [Кассирер 2006]. Один из наиболее оптимальных путей разрешения этой проблемы в современной философии языка лежит на пути возвращения к гумбольдтовской традиции интерпретации языка и интеллектуальной активности человека как энергии и экспликации, лежащей в основании такого подхода синергично-персоналистической парадигмы изучения языка как духовной реальности.

Известно, что одной из центральных категорий философии является *категория определенности/неопределенности* (О/Н). Она носит универсальный гносеологический характер, так как отражает направление движения от незнания к знанию в процессе научного поиска. Парность данной категории вытекает из взаимообусловленности ее составляющих, которые формируются на понятийном уровне и являются объектами изучения не

только философии, но и логики, когнитивистики, теории информации, а также лингвистики [Васильева 2010].

Современная наука в целом не может обойтись без понятия «*неопределенности*». *Неопределенность* является объективным свойством материального мира: объектов природы, техники, самого процесса познания, по сути, всех норм бытия. Уже на заре человечества древними греками был поставлен вопрос о понятии неопределенности, его сущностных характеристик, роли в становлении жизни и в развитии человеческого познания.

Древние греки в целом обозначили весь круг проблем, связанных с *категорией неопределенности*, впрочем, как это было и с другими основополагающими понятиями и теориями языкознания. Первая оформленная в теорию характеристика неопределенности встречается у Анаксимандра при объяснении первоначала, первосущности всех конкретных вещей. Ученый считал первоматерией апейрон, обладающий качественной неопределенностью.

Идея о неопределенной основе конкретных вещей была подхвачена пифагорейцами. Они считали неопределенность существенной характеристикой беспредельного. Под *неопределенностью* пифагорейцы понимали бесконечное, неизмеримое, а также абсолютное отсутствие у бесконечного каких-либо качественных характеристик.

Своеобразное понимание данной категории встречается у Платона. Согласно Платону, идеальный мир, мир сущностей – это мир определенности, а материальный мир – это мир неопределенности [<http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia>].

Существенный вклад в разработку понятия «неопределенность» внес Аристотель. *Неопределенность* понимается им как объективное отсутствие определенного бытия, а именно: определенного качества, количества, места, времени.

Гегель начинает «Науку логики» с описания абстрактного бытия, лишённого всякой определенности. Это чистое бытие, по Гегелю. *Неопреде-*

ленность рассматривается философом как бытие без качества, сама его неопределенность составляет его качество [Новая философская энциклопедия 2010].

Понятие «неопределенности» оказалось востребованными в разных областях науки: биологии, кибернетике, социологии. Философские понятия *определенности* и *неопределенности* универсальны, т.е. свойственны всем языкам мира. Как было отмечено выше, *категория неопределенности* сначала активно разрабатывалась именно в философии. *Неопределенность* в философии стали рассматривать как одну из форм объективного существования явлений. Оказалось, что новая философская категория находится на пересечении с философскими категориями дискретности и непрерывности, необходимости и случайности, возможности и действительности.

Итак, философы ставят вопрос о локализации категории *определенности/неопределенности*: является ли она объективной или субъективной категорией, иначе говоря, следует ли рассматривать ее как имманентную характеристику воспринимающего субъекта. В лингвистике так прямо вопрос не ставился.

В XX столетии понятие «неопределенность» стало рассматриваться в науке как важнейшая характеристика объектов исследования и познавательных ситуаций. Одним из первых современных анализов понятий научной неопределенности провел французский ученый Л. Бриллюэн. Он показал, что *неопределенность*, содержащаяся в конечном результате исследования, является не недостатком, а необходимым условием получения информации [Бриллюэн 1996].

Категория неопределенности в логике и философии рассматривается как определенность в ее становлении. Необходимость диалектического подхода к этой категории как *лингвистическому понятию* обосновывается и в работах авторитетных лингвистов (М.В. Никитин, В.В. Гуревич) [Гуревич 1978, 1983; Никитин 1997]. Мнения расходятся в установлении параметров семантики неопределенности: она толкуется то, как неполное знание, то, как

незнание. Отмечается, что семантику неопределенности составляет сема неотчетливости, неясности, невозможности однозначной дефиниции. Внутри категории неопределенности отмечается расслоение: *полунеопределенность*, *слабая неопределенность* (объект неизвестен слушающему, но известен говорящему); *собственно неопределенность* (неизвестен обоим); *нереферентность* (объект не индивидуализирован). Неопределенная референция может быть вызвана незнанием, умолчанием, устранением избыточных сведений, стилистическими приемами, однако при этом достигается возможность быть неопределенным именно в той мере, в какой эта неопределенность не мешает взаимопониманию собеседников [Шейдаева 2005].

В лингвистике категориальная *оппозиция определенности/неопределенности* была затронута в ряде работ известных языковедов. Для нас интерес представляют общетеоретические суждения авторов по исследуемому феномену.

Так, Я.О. Уляшева отмечает, что в лингвистике обычно понятие о предмете речи проходит в речевом акте последовательные стадии развития, отражая восхождение мысли от абстрактного к конкретному. Процесс конкретизации понятия имеет *три стадии*. Сначала из системы языка берется общее понятие; применительно к какому-либо конкретному предмету оно становится частным. В результате комбинирования абстракций частное понятие становится конкретным, единичным. Таким образом, понятие в своем восхождении от общего к частному находит выражение в тех или иных формах категории *определенности/ неопределенности* [Уляшева 2002].

Для функционального подхода к категории О/Н важным является коммуникативный аспект, согласно которому говорящий должен учитывать осведомленность адресата об объекте речи, чтобы быть адекватно понятным [Галкина-Федорук 1963]. Также категорию О/Н называют контекстуальной категорией, поскольку ее значение раскрывается только в контексте.

С. М. Кузьмина такое понимание данной категории приближает к рассмотрению ее как функционально-семантической [Кузьмина 1989].

По мнению А.В. Бондарко, *определенность/неопределенность* может быть выражена разноуровневыми языковыми единицами, которые на основе общности семантики могут быть объединены в единое функционально-семантическое поле с вычленением в нем некоторых семантических сегментов или постепенным, диффузным переходом от определенности к неопределенности [Бондарко 1984, 1992] – [См.: Самарина 2013]. Поскольку категория детерминации выявляется во взаимодействии познающего и познаваемого, можно заключить, что по своей природе она является гносеологической, в более широком смысле антропоцентрической [Трунова 1991, с. 49].

По статусу в системе языка – это семантическая категория сложной конфигурации, включающая неоднородные семантические пласты. Внутренняя структура категории представляет собой функционально-семантическое поле [См.: Самарина 2013]. Степень *определенности/неопределенности* объекта, признака или ситуации контекстуально зависима и выявляется установлением соотносимого с языковым выражением референта. Названные характеристики выводят объект исследования в теорию референции, общую семантику и когнитологию [Сергиенко 2003].

Т.М. Николаева относит данную семантическую категорию к категориям высказывания. Ее функция состоит в актуализации и детерминации имени, демонстрации его единственности в описываемой ситуации (*определенность*) либо выражение его отношения к классу подобных ему феноменов (*неопределенность*) [Николаева 1979, 1998, с.349].

В лингвистике есть и другие толкования содержания *категории определенности/неопределенности*:

под *определенностью/неопределенностью* понимаются такие разнородные явления, как:

- 1) противопоставление известного неизвестному;

2) противопоставление фиксированного (конкретного, индивидуализированного, референтного) и нефиксированного (неконкретного, неиндивидуализированного, нереперентного);

3) противопоставление класса или абстрактного представителя класса члену класса;

4) противопоставление ранее упоминаемого в тексте и впервые вводимого в текст;

5) противопоставление уверенности и неуверенности говорящего (так называемая субъективная модальность неопределенности);

6) противопоставление точности и неточности информации [Кузьмина 1989].

В.З. Санников ввел понятие «*аппроксимация/неопределенность*», используя семантику неопределенных местоимений русского языка. Неопределенные местоимения, по его мнению, способны указывать на небольшое количество чего-либо. Языковед оперирует и такими понятиями, как «*неопределенно-количественные* или *аппроксимативно-количественные конструкции*», отличающихся от соответствующих количественных порядком слов (человек десять vs десять человек), и вводит специальные показатели приблизительности (типа *около, свыше, приблизительно*) [Санников 2002].

По мнению И.Г. Багировой, «*категория определенности / неопределенности* традиционно выделялась в грамматических описаниях ряда языков. С поворотом исследовательских интересов к анализу высказывания с позиций теории референции указанная категория получает более широкое толкование, и становится очевидным, что в качестве референциальной категории она, во-первых, универсальна, а во-вторых, многообразна в своих проявлениях» [Багирова 2000].

Н.Н. Николаева, высказывая свое мнение о *категории определенности/неопределенности*, утверждает, что данная категория не является имманентным свойством онтологического мира, а связана с познающим субъектом, его гносеологическими особенностями восприятия и интерпретации

окружающего пространства. Объект или явление могут квалифицироваться как определенное или неопределенное только в зависимости от уровня знания о них субъекта [Николаева 2014].

Ф. Корблин полагает, что *категория неопределенности*, будучи не чем иным, как перечислением, является контекстуально-независимой интерпретативной категорией. Лингвист подчеркивает, что функциональный анализ высказывания в плане референции заставляет разграничить указательность и определенность как два принципиально различных способа обозначения (целеуказания), вопреки утвердившейся тенденции рассматривать их как варианты друг друга [Corblin 1987].

О.А. Сулейманова в своей диссертационной работе также исследовала категорию детерминации (КД). Автор затрагивает некоторые важные аспекты данной категории, а именно: признак определенности / неопределенности с точки зрения его места в КД, а также с точки зрения его содержания, которое часто трактуется в лингвистике по-разному [Сулейманова 1987]. Языковед приходит к выводу о том, что при всей неопределенности содержания этой категории практически все исследователи включают в нее (в качестве ядра) признак определенности / неопределенности (хотя часто и вкладывают в сами термины *определенный* / *неопределенный* различное содержание). Например, местоимении группы *кое* - в отличие от группы - *то*, которые обычно относятся исследователями к средствам выражения КД, можно удовлетворительно описать через признак известности/неизвестности, который, в свою очередь, не обладает объяснительной силой для интерпретации, например, многих случаев употребления артиклей английского языка, когда известный объект описывается через неопределенный артикль, а, напротив, неизвестный – через определенный [Сулейманова 1987].

Кроме того, лингвист утверждает, что в содержание КД входит несколько признаков, вероятно не сводимых друг к другу; причем в числе этих признаков – признак *определенность/неопределенность* и *известность/неизвестность*. Далее, в своей работе О.А. Сулейманова продолжает анали-

зировать проблеме определенности. Она делает определенные умозаключения о том, что данный вопрос остается дискуссионным, и именно поэтому стали появляться работы, в которых понятию определенности не дается никакого определения. По-видимому, авторы считают содержание этого термина интуитивно очевидным (см., например Крушельницкая 1961). С другой стороны, анализ таких работ, обнаруживает принятую в них трактовку терминов *определенность/неопределенность*, которая различается от автора к автору. Так, П.Кристоферсен считает условием правильного употребления определенной дескрипции общее знакомство с референтом (см. Christophersen, 1939). У.Чейф полагает, что для приписания объекту признака определенности необходима предупомянутость объекта в разговоре, либо какой-то конкретный объект должен быть видимым для говорящего в момент разговора – иными словами, говорящий исходит из предположении о том, что слушатель уже знает, о каком именно объекте идет речь (см. Chafe 1971, 187). О.А. Сулейманова в своей работе подчеркивает, что существенным недостатком теорий, отождествляющих известность и определенность, является их неспособность объяснить случаи, когда объект, будучи известен говорящему и слушающему, описывается как неопределенный. Более того, трудно объяснить случаи, когда собеседники одновременно видят объект, но говорящий характеризует его как неопределенный: Look! There is a woman in our garden! [Сулейманова 1987].

Таким образом, проанализировав вышеизложенные концепции, касающиеся категории детерминации языковед приходит к выводу о том, что между оппозициями известное/неизвестное и определенное/неопределенное нельзя ставить знак равенства. Однако, с другой стороны, как утверждает О. А. Сулейманова, существует ряд теорий, где говорящий описывает объект при помощи определенной дескрипции (ОД), тем самым, выделяя объект из множества ему подобных. Например, Д. Серл полагает, что сущность определенной референции заключается в идентификации одного объекта, выделенного из числа других (см. Searle 1969, 193). По мнению

Доннеллана, если говорящий использует определенную дескрипцию референтно, то он использует ее для того, чтобы дать возможность слушателям выделить лицо или предмет о котором идет речь (Donnellan 1966). Эту же точку зрения разделяют Хокинс и Льюис [См.: Сулейманова 1987].

Итак, наличие большого разнообразия концепций, посвященных категории детерминации подчеркивает тот факт, что в лингвистике данному феномену уделялось и уделяется большое внимание. Что касается настоящего исследования, то в нем придерживаемся мнения о том, что категория детерминации – это семантическая категория сложной конфигурации [См.: Самарина 2013]. Степень *определенности/неопределенности* объекта, признака или ситуации контекстуально зависима и выявляется установлением соотносимого с языковым выражением референта. Кроме того, внутри самой *категории неопределенности* отмечается некая неоднозначность, нечетливость или неясность. Это может быть и *полунеопределенность*, *слабая неопределенность* (объект неизвестен слушающему, но известен говорящему); *собственно неопределенность* (неизвестен обоим); *нереферентность* (объект не индивидуализирован).

Как было отмечено выше, наличие этой категории в грамматической структуре языка предполагает *специальные средства ее выражения*. В европейских языках в основном – это артикли. В некоторых языках артикля как самостоятельной категории служебных элементов нет, хотя есть элементы, выполняющие артиклевую функцию.

По мнению Л.С. Бархударова, одним из средств выражения определенности/неопределенности является определенный артикль, который указывает на определенный предмет среди множества подобных ему предметов и выражает категорию частного. Неопределенный артикль выделяет один какой-то предмет из множества ему подобных и потому подчеркивает имеющуюся между всеми предметами этого класса общность [Бархударов 2010].

Для теории и типологии обсуждаемой категории И.Г. Багирова установлена в своей диссертационной работе соотнесенность и взаимодействие *определенности/неопределенности* с другими категориальными значениями, формирующими именную грамматику (такими, как падеж, число, указательность, притяжательность). Она рассматривает корреляцию определенных и неопределенных форм существительного с указательными местоимениями в адыгейском и английском языках и указывает на то, что в большинстве языков именно указательное местоимение является источником происхождения определенного артикля или артиклеподобного форманта, ср., например, англ. the, нем. das и т.д. [Багирова 2000].

И.В. Нефедов рассматривает семантику и средства выражения *определенности/неопределенности* в артиклевых языках и, ссылаясь на известных языковедов, отмечает, что долгое время *категория определенности/неопределенности* анализировалась в лингвистике лишь в связи с описанием семантики артикля в грамматиках артиклевых языков, однако во второй половине XX века ученые пришли к выводу о том, что артикли – лишь небольшая часть языковых средств выражения *определенности/неопределенности*. Было обнаружено много разноуровневых лингвистических средств, связанных с репрезентацией этой категории. Под различными наименованиями – понятийная, контекстологическая, семантическая, референциальная – она стала описываться в трудах, посвященных дейксису, детерминации, конкретизации, актуализации и т.п. (см. работы Падучевой, Крылова; Николаевой, Арутюновой, Гак и др.).

И.В. Нефедов приходит к выводу о том, что сегодня уже не вызывает сомнения тот факт, что категория О/Н универсальна и поэтому свойственна как артиклевым, так и безартиклевому языкам. Однако в последнее десятилетие усилился интерес к категории О/Н как функционально-семантической [Нефедов 2004].

Профессор М.Я. Блох в своей монографии разделяет мнение Й. Крамского о том, что артикль есть *только одно из средств*, выражающих некоторую

широкую категорию, а именно категорию *определенности/неопределенности*. Если рассматривать только артикли, то можно исследовать только часть этой проблемы. Если раньше при изучении средств выражения *категории определенности/неопределенности* основное внимание уделялось артиклям, то теперь в арсенал средств ее выражения включают и так называемые «коммуникативные» единицы: местоимения, прилагательные, описательные конструкции, падежные окончания, числительное «один», имплицитные указатели, порядок слов и интонацию [Блох 2001].

А.Л. Беглярова исследует семантические и коммуникативно-прагматические характеристики неопределенных местоимений в русском и французском языках. Высокая распространенность неопределенных местоимений в русском языке указывает на их значимость для русского дискурса. Несмотря на присутствие во французском языке неопределенного артикля, неопределенные местоимения также широко используются в речи. Исследователь подчеркивает, что местоимения представляют собой сложный для интерпретации объект. Это проявляется в разноречивых трактовках местоименной семантики в целом, неоднозначных толкованиях семантики и функций отдельных местоименных разрядов, разницей в оценке иерархии местоименных слов. Проблема их значения и употребления важна для понимания многих аспектов коммуникации, получая широкое распространение в различных речевых стилях и жанрах [Беглярова 2010].

И.В. Вороновская описывает в своей диссертации на материале русского языка функционально-семантическую категорию неопределенности в терминах парадигматики в виде инварианта и дифференциальных семантических признаков, дает их иерархию и элементарные дифференциальные семы, типы оппозиций и т.п. [Вороновская 1984].

Итак, подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что *категория определенности/неопределенности* получила достаточно широкое и разностороннее истолкование в лингвистике, как в виде самостоятельного объекта исследования, так и в виде составной части диады *определенности/неопре-*

деленности. Несмотря на то, что взгляды исследователей расходятся в определении семантики *неопределенности* и установлении ее параметров, в настоящее время многие ученые все же сходятся во мнении, что данная категория антропоцентрична и универсальна.

Известно, что в английском языке *категория определенности/неопределенности* носит грамматикализованный характер, поскольку выражена определенными морфемами. В первую очередь значение данной категории эксплицировано противопоставлением определенного и неопределенного артиклей.

Как пишет А.А. Реформатский, различение грамматической категории О/Н является одной из основных функций артикля (это касается тех языков, в которых есть парные артикли *the – an* в английском, *der – ein, die – eine, das – ein* в немецком и т.п.). Категория, сопровождающаяся определенным артиклем, выражает грамматически то, что уже известно собеседникам, либо то, что у собеседников во время разговора перед глазами, либо нечто особо индивидуально выделяемое; категория же, сопровождающаяся неопределенным артиклем, наоборот, показывает грамматически, что речь идет о том, что не окрашено индивидуальным, что берется в обобщенном плане и чего нет перед глазами во время данного разговора. Так, очевидна разница между двумя предложениями: *Give me a newspaper, please!* И *Give me the newspaper, please!* – в первом случае говорящий просит дать ему любую газету, а во втором – определенную. Таким образом, использование определенного артикля позволяет представить объект как уникальный в данной ситуации общения [Реформатский 2000].

Л.С. Бархударов считает, что при анализе языковых средств выражения *категории определенности/неопределенности* круг данных средств нередко ограничивается описанием функционирования определенного и неопределенного артиклей. Это объясняется тем, что именно артикли наделены значениями *определенности/неопределенности* в наиболее «чистом», абстрактном виде. Анализ реализации *категории определенности/неопределенности* на

дискурсивном уровне свидетельствует о том, что артикли являются в этом процессе ведущими, но *далеко не единственными языковыми средствами*. Для этих же целей могут использоваться слова других частей речи. На морфологическом уровне это, прежде всего местоимения и наречия, а также числительные. Кроме того, для выражения значения определенности в английском языке активно используются указательные местоимения *the same, this/these, that/those*, что вполне закономерно, принимая во внимание тот факт, что и сам определенный артикль восходит генетически к указательному местоимению анафорического дейксиса (*that*) [Бархударов 2010].

Согласно точке зрения В.В. Гуревича, с указательными местоимениями объединены связанные с ними общностью происхождения наречия *then, there, thus*, которые конкретизируют пространственно-временные характеристики события. Конкретизацию субъектов и объектов эффективно осуществляют личные и производные от них притяжательные и возвратные местоимения. Благодаря наличию у них таких грамматических характеристик, как лицо, число и частично род (в 3-м лице), они могут однозначно идентифицировать в тексте субъекта речи, адресата и лицо/предмет. Комплекс перечисленных выше средств – определенный артикль, указательные местоимения и наречия, а также личные, притяжательные и возвратные местоимения – обеспечивают четкую идентификацию объектов и событий:

The girl stood back and watched too... She did not want to fly. Most often it is the other way around, eager kids and cautious elders, but one gets a sense for these things when it's ones livelihood, and I knew that girl wouldn't fly with us if we waited all summer (Bach).

Аналогичная вышеописанной система средств используется в английском языке и для передачи значения неопределенности – это неопределенные местоимения и наречия (*some, any* и производные от них местоимения и наречия *somebody, something, somewhere, somehow, anything, anybody, anywhere*), а также наречие *once*, местоимение *another* [См.: Самарина 2014].

Способностью передавать неопределенность, неконкретность круга субъектов, адресатов и объектов речи обладают также личные местоимения *we, you, they* и неопределенно-личное *one*.

What a pity that in life we only get our lessons when they are of no use to us (Wilde) [Гуревич 2003].

В круг средств, передающих рассматриваемые значения, входят также числительные, для которых в целом характерна детерминация, конкретизация и ограничение количества или порядка следования (*five students, the fifth student*) [Васильева 2010].

Проанализировав материал, затрагивающий проблематику средств выражения *категории определенности/неопределенности* в английском языке, следует отметить, что ее понимание не имеет однозначного определения в языкознании. Если раньше понятие определенности связывалось с артиклем, то сейчас способы выражения данной категории находят более широкое истолкование. Так, с одной стороны, это могут быть артикли, а с другой – указательные и притяжательные местоимения, числительные, наречия, неопределенные местоимения и т.д.

Кроме того, в настоящее время лингвистика признает, что отсутствие артикля в языке не исключает возможности использования иных формальных средств (например, морфологических, синтаксических) для различения значений О/Н. Конечно же, необходимо принять во внимание тот факт, что вместе с развитием категории О/Н с течением времени изменились и теоретические представления о ней в лингвистике: понятие О/Н расширилось и дифференцировалось, среди названной категории обнаруживались все новые феномены. Новый этап в изучении *категории неопределенности* проявляется в том, что фонетическая и морфологическая терминология, связанная с неопределенностью, за небольшим исключением вышла из употребления, а синтаксическая расширяется, пополняется.

1.5 Толкование неопределенных местоимений в лингвистике

Термин «местоимение» (греч. «вместо имени») восходит к античной грамматике. По своему происхождению местоимения, как правило, во всех языках относятся к очень древним слоям словаря. Более того, достаточно долго в языкознании существовала (и продолжает существовать) гипотеза о первичности местоимений по отношению к другим классам слов [Воротников 2011]. Согласно определению В.Н. Ярцевой, местоимение – лексико-семантический класс знаменательных слов, в значение которых входит либо отсылка к данному речевому акту (к его участникам, речевой ситуации или к самому высказыванию), либо указание на тип речевой соотнесенности слова с внеязыковой действительностью [Ярцева 1998].

Местоимения обычно определяют как слова, не называющие предметы, признаки, количества, признаки признаков, а только указывающие на них. Основной функцией местоимений является дейксис (указание). Местоимения участвуют в номинации только косвенно, указывая на уже названный ранее предмет, но они не передают новой содержательной информации [Алехина 1988].

О местоимениях, в частности о сложности и противоречивости их природы, написано немало, но вопрос о месте местоимений в грамматической системе языка пока не имеет однозначного решения. Известно, что по традиции местоимения считают частью речи, включая в эту категорию все склоняемые слова или только слова с признаками существительных. Но также существует и более широкое понимание местоимений как целостного класса слов склоняемых и несклоняемых [Ермакова 1989, Селиверстова 1988].

О. Есперсен также исследует данный класс частей речи, в частности в английском языке. В своих научных трудах он пытается ответить на вопрос, в чем состоит их отличительная черта от других разрядов слов и приходит к выводу о том, что возникает слишком много неясности при попытке выделения местоимений в

отдельный класс. Он подчеркивает, что каждый из традиционно выделяемых подразрядов имеет определенную смысловую общность: личные местоимения с соответствующими притяжательными, указательные местоимения, относительные местоимения, вопросительные местоимения, неопределенные местоимения. Правда, в отношении последнего подразряда следует констатировать неясность границ (ср., например, *некоторые* и *многие*), поэтому грамматисты часто спорят о том, какие слова следует отнести к этому подразряду [Jespersen 2006].

Приведенная классификация мало отличается от любой другой грамматической классификации: всегда найдутся пограничные случаи. Обнаруживается целый ряд черт, которые отличают местоимения от других слов. Очень часто местоимения характеризуются функциональными и формальными аномалиями. В английском языке существует различие между двумя падежами: *he – him, they – them*, и между адьюнктной и неадьюнктной формами: *my – mine*; существуют также различия в роде: *he – she* (аналогично *who – what*); неправильное образование множественного числа в словах *he, she – they, that – those*; сочетания типа *somebody, something*, которых нет среди обычных прилагательных; употребление *each* без существительного или артикля и т. д.

По мнению И.П. Ивановой, В.В. Бурлаковой, Г.Г. Почепцова, разнообразие морфологических категорий и синтаксических функций явилось причиной разногласий между лингвистами в вопросе о целесообразности выделения местоимений как особой части речи. На материале различных европейских языков была выдвинута теория, отрицающая правомерность выделения местоимений как части речи. Авторы грамматик тех или иных языков, в том числе русского и английского, пытались распределить местоимения так, что они составляли часть разрядов прилагательных и существительных. Для этого были основания: синтаксически местоимения примыкают к одной из этих частей речи или к двум одновременно. Морфологическая категория числа, там, где она есть, отличается от категорий числа существительного только по форме выражения, но не по содержанию. Синтаксические категории совпадают с функциями

существительного и прилагательного. Однако при таком распределении местоимений по именным частям речи исчезает специфика местоимений, их специфическая черта – отсутствие постоянной предметной закреплённости; эта черта охватывает все разнородные подразряды, объединяя их в одну часть речи. Их свойства и функции перекрещиваются друг с другом и с другими частями речи; это нелогично [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981].

Продолжая анализировать данный вопрос, следует добавить, что О. Есперсен придерживается подобной точки зрения. Он утверждает, что термин «местоимение» иногда ограничивается (обычно в трудах французских авторов, но также и в «Сообщении Объединенного комитета по вопросам терминологии») только теми словами, которые в соответствии с их функцией считаются первичными словами; *my* считается у них «притяжательным прилагательным», а *this* в сочетании *this book* «указательным прилагательным». Нет, однако, ни малейших оснований разъединять *my* и *mine* или, еще хуже, *his* в предложении *His car was new* «Его шапка была новая» и *His was a new car* или *this* в предложении *This book is old* «Эта книга старая» и *This is an old book* «Это старая книга» и относить одну и ту же форму к различным «частям речи», тем более что при этом у прилагательных приходится выделять те же самые подразряды (притяжательные, указательные), какие существуют у местоимений. Он включает в местоимения так называемые местоименные наречия *then* «тогда», *there* «там, туда», *thence* «оттуда», *when* «когда», *where* «где», *whence* «откуда» и др., которые имеют ряд черт, свойственных местоимениям, и образованы от них (обратите внимание и на такие образования, как *whenever* «когда бы ни»; ср. *whoever* «кто бы ни», *somewhere* «где-то» и др.) формами [Jespersen 2006].

Числительные часто даются как самостоятельная часть речи. Однако было бы, вероятно, правильнее рассматривать их как особый подразряд внутри местоимений, с которыми они имеют несколько сходных черт. *One* «один», будучи числительным, представляет собой в английском языке, как и в других языках, также и неопределенное местоимение (*one never knows*

«никогда не знаешь»), ср. также сочетание *oneself*. Его фонетически слабой формой является так называемый «неопределенный артикль»; и если соответствующий ему «определенный артикль» справедливо причисляется к местоимениям, к ним же надо причислить и *a, an*, франц. *un* и т. д. Английское *other* было первоначально порядковым числительным «второй», подобно современному датскому *anden*; теперь же оно обычно причисляется к местоимениям, и это оправдывается его употреблением в составе сочетаний *each other, one another* «друг друга». Большинство числительных несклоняемы. Но в языках, где некоторые из них склоняются, они обнаруживают неправильности, сходные с теми, которые присущи другим местоимениям. Если включать числительные в местоимения, то туда же следует отнести и неопределенные числительные *many* «многие», *few* «немногие»: логически они стоят в том же самом ряду, что и местоимения *all* «все», *some* «некоторые» и отрицательные *none* и *no* «никакие», всегда считавшиеся местоимениями. В таком случае и *much, little* в сочетаниях *much harm* «много вреда», *little gold* «мало золота» следует включить в разряд местоимений (в сочетаниях с вещественным существительным). Все эти так называемые квантификативные слова отличаются от обычных квалификативных прилагательных, поскольку они могут употребляться самостоятельно (без артиклей) как «первичные слова»; например, мы говорим *Some (many, all, both, two) were absent* «Некоторые (многие, все, оба, двое) отсутствовали»; *All (much, little) is true* «Все (многое, немногое) является правдой»; эти слова всегда стоят перед квалификативными словами и не могут употребляться в функции предикатива: *a nice young lady* «приятная молодая дама» то же самое, что и *a lady who is nice and young* «дама, которая приятна и молода»; однако такое перемещение невозможно для сочетания *many ladies* «многие дамы», *much wine* «много вина», так же как оно невозможно для сочетаний *no ladies* «никакие дамы», *what ladies* «какие дамы», *that wine* «то вино» и др. [Jespersen 2006].

Итак, лингвист приходит к выводу о том, что местоимения в языке – одни из наиболее загадочных разрядов слов.

Известно, что в каждом языке местоимения можно распределить на различные классы и подклассы, которые разносторонне изучаются. Например, в английском языке существует следующий ряд подклассов местоимений, различных по лексическому содержанию, морфологическим формам и синтаксическим функциям:

- *личные местоимения* (personal pronouns): I, he, she, it, we, you, they;
- *притяжательные местоимения* (possessive pronouns): my, his, her, its, our, your, their; mine, his, hers, its, ours, theirs;
- *возвратные местоимения* (reflexive pronouns): myself, yourself, herself, himself, itself, ourselves, yourselves, themselves;
- *взаимные* (reciprocal pronouns): each, other, one another;
- *указательные* (demonstrative pronouns): this, that, these, those, such;
- *вопросительные* (interrogative pronouns): who (whom, whose), which, what;
- *относительные* (relative pronouns): who (whom, whose), which, that;
- *соединительные* (conjunctive pronouns): who (whom, whose), which, what;
- *отрицательные* (negative pronouns): no, none, neither, no one, nobody, nothing;
- *неопределенные местоимения* (indefinite pronouns): some, any, somebody, anybody, someone, anyone, something, anything, one и т.д. [Каушанская, 2008] – [См.: Самарина 2014].

Безусловно, в данной работе центральное место занимает именно *класс неопределенных местоимений*, т.к. он является объектом исследования.

Неопределенным местоимениям посвящено большое количество работ многих видных лингвистов [Алехина 1988, Гуревич 2001, Есперсен 2002, Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981; Крылова, Гордон 2003; Николаева 1979, 1998, Падучева 1985, Селиверстова 1988, 2004, Сулейманова 1987, Шведова, Белоусова 1995; Шелякин 1978, 2001, Aarts 2011, Close 1979, Biber,

Leech, Johansson, Conrad, Finegan 2008; Crystal 2004, Hasselgard, Johansson 2012; Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1996 и др.].

Большинство исследователей исходит из положения о том, что неопределенные местоимения передают общее, приблизительное указание на предмет или признак и оставляют невыясненным, неизвестным, точно не определенным конкретное представление о предмете, лице, свойстве, принадлежности предмета или порядковом номере его в ряду однородных предметов. Кроме того, местоимения вообще и неопределенные местоимения в частности изучались и изучаются в стилистическом аспекте (см. работы Г.Я. Солганика, М.Н. Кожинной и т.д.) [Солганик 2007, Кожина 2008].

Целенаправленно рассмотрим статус неопределенных местоимений в системном и функциональном аспектах в английском языке. К группе неопределенных местоимений английского языка, как правило, причисляют большое количество местоимений, разнообразных по значению и синтаксическим функциям. Так, например, к ним могут быть отнесены: *some, any, no* (их производные с *- body, - one, - thing*), *none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each, every* (его производные), *another, other, one*.

В работе необходимо отметить традиционную точку зрения на семантику данных местоимений. *Some* употребляется в утвердительных предложениях, а *any* – в отрицательных, общих вопросах и условных предложениях. Они функционируют как в качестве местоимений-прилагательных, так и в качестве местоимений-существительных. Однако в современной разговорной речи местоимение *some* часто используются и в общих вопросах [См.: Самарина 2014].

Some и *any* имеют следующие значения: «несколько», «какие-то», «какие-нибудь», «некоторое количество», «немного», «сколько-нибудь». Иногда они не переводятся на русский язык: в случаях, когда они стоят рядом с неисчисляемыми существительными или во множественном числе.

Some (а не *any*) употребляется в специальных вопросах, а также в общих вопросах, в которых что-то предлагается или выражается какая-нибудь

просьба. *Some* используется со значением «некоторые» в качестве местоимения-прилагательного перед существительными во множественном числе и в роли местоимения-существительного вместо существительных во множественном числе.

Когда *some* («некоторые») относится к определенной группе лиц или предметов, то после него употребляется предлог *of*. *Some* может стоять перед неисчисляемыми существительными со значением «часть» и приобретает значения «приблизительно, около» перед числительными. *Any* используется в утвердительных и вопросительных предложениях со значениями «всякий», «любой», «какой-нибудь» перед исчисляемыми существительными в единственном числе и неисчисляемыми существительными [См.: Самарина 2014].

Some и *any* в сочетании с *one*, *body*, и *thing* образуют неопределенные местоимения *someone*, *somebody* («кто-то», «кто-нибудь»), *anyone*, *anybody* («кто-нибудь», «кто-то»), *something* («что-то», «что-нибудь»), *anything* («что-то», «что-нибудь»). Подобно *some* и *any*, местоимения *someone*, *somebody*, *something* употребляются в утвердительных предложениях, а *anyone*, *anybody*, *anything* – в отрицательных, условных предложениях и общих вопросах. *Somebody*, *someone*, *something* также, как и само местоимение *some*, употребляются в специальных вопросах и в общих вопросах, в которых что-то предлагается или выражается просьба [См.: Самарина 2014]. *Anybody*, *anyone*, *anything*, как и *any*, используются в утвердительных и в вопросительных предложениях.

Местоимение *no* употребляется в качестве местоимения-прилагательного перед существительными в единственном и во множественном числе. *No* имеет то же самое значение, что и *not... a* и *not... any* (перед исчисляемыми существительными во множественном числе и неисчисляемыми). Перед существительными в роли подлежащего обычно ставится местоимение *no* (а не *not... a* или *not... any*), которое выражает значения «ни один», «никакой». *No* не выступает в качестве местоимения-существительного. Вместо него ис-

пользуется местоимение *none*. В свою очередь, местоимение *none* никогда не функционирует как местоимение-прилагательное.

No в сочетании с *body, one, thing* образует местоимения *nobody, no one* («никто»), *nothing* («ничего»), которые употребляются только в качестве местоимений-существительных. *Nobody, no one* равны по значению *not anybody, anyone, a nothing – not anything*.

Местоимение *one* «некто, кто-то» может иметь форму множественного числа и притяжательного падежа. Оно употребляется в предложении в функции подлежащего, когда действующее лицо неизвестно. Вместе с модальными глаголами оно выражает значения «можно», «нужно», «следует». Неопределенные местоимения *one* «некто, кто-то» и *other* «другой» могут иметь форму множественного числа.

Местоимение *all*, обладая значениями «весь, вся, все, всё», выражает совокупность более двух предметов или лиц. Оно может употребляться как с неисчисляемыми, так и с исчисляемыми существительными в единственном и во множественном числе.

All часто используется в словосочетаниях типа *all of us* (все мы), *all of them* (все они). Оно функционирует в сочетании *we, they, you: we all, you all, they all*. Эти сочетания равны по значению сочетаниям *all of us, all of you, all of them*. Вместо *all* в значении «все» чаще употребляется *everybody* или *everyone*, а вместо *all* (всё) – *everything*.

Неопределенное местоимение *each* означает «каждый (в отдельности)», а местоимение *every* имеет значения «всякий, любой», «каждый». Местоимения *each, every* употребляются только с исчисляемыми существительными в единственном числе. *Each* может заменить существительное. Это местоимение по отношению к ограниченному числу лиц или предметов может выступать как в качестве местоимения-прилагательного, так и в качестве местоимения-существительного. В первом случае *each* ставится перед исчисляемым существительными в единственном числе. Во втором – за ним часто следует предлог *of*.

Местоимение *every*, в отличие от *each*, употребляется в том случае, когда не имеется в виду ограниченное количество лиц или предметов. В роли местоимения-прилагательного *every* ставится перед исчисляемым существительным в единственном числе. *Every* в сочетании с *body*, *one* и *thing* образует местоимения *everybody*, *everyone* «каждый», «всякий», «все» и *everything* «всё». Местоимения *both* «оба», *either* «каждый из двух», «и тот и *they both* (они оба) другой» могут употребляться, когда речь идет только о двух лицах или предметах. *Both* означает «оба как единое целое». Оно употребляется в качестве местоимения-прилагательного и местоимения-существительного. *Both* часто функционирует в сочетании с местоимениями *we*, *you*, *they*: *we both* (мы оба), *you both* (вы оба). В отрицательных предложениях вместо *both* употребляется местоимение *neither*. *Either* имеет значения «каждый из двух, и тот и другой», а также «один из двух». Местоимение *either* относится к двум лицам или предметам и употребляется со значениями «тот или другой», «один из двух», «любой из двух». *Either* может выступать в качестве местоимения-прилагательного и местоимения-существительного. Как местоимение-прилагательное оно ставится перед исчисляемым существительным в единственном числе. Когда *either* выступает в качестве местоимения-существительного, за ним часто следует предлог *of*. *Either* употребляется также со значениями «и тот и другой», «оба», «каждый» (из двух). Местоимение *neither* «ни тот, ни другой» является отрицательной формой местоимения *either*. *Either* употребляется в отрицательных предложениях в качестве наречия со значением «так же». *Neither* выступает в качестве наречия в обороте типа *neither do I*. В английском языке также существуют следующие обороты: *either... or* или ... или, *neither...nor* ни ... ни.

Another используется с исчисляемыми существительными в единственном числе и имеет значение «еще один, другой (не этот)». Неопределенное местоимение *other* употребляется с существительными как в единственном, так и во множественном числе и обладает значением «другой, другие». *Other* может выступать в качестве как местоимения-прилагательного, так и местоимения-существительного. В качестве местоимения-прилагательного оно ставится перед существительными в единственном или во множественном числе. После *other* может стоять неопреде-

ленное местоимение *one* во избежание повторения ранее упомянутого существительного. В качестве местоимения-существительного вместо существительного в единственном числе с неопределенным артиклем используется *another*, а вместо существительного с определенным артиклем – *the other*. *Other* входит в состав взаимных местоимений *each other* и *one another* «друг друга».

В английском языке местоимения *many* – «много», «многие», *few* – «мало», *a few* – «несколько» употребляются с исчисляемыми существительными во множественном числе. Местоимения *much* «много», *little* «мало», *a little* «немного» употребляются с неисчисляемыми существительными. *Much* и *little* могут использоваться самостоятельно без определяемого существительного. Местоимения *few*, *little*, *a few*, *a little* различаются по своему значению: *few*, *little* обладают значением «мало»; *a few*, *a little* означают «немного, несколько» [Качалова, Израилевич 1998].

Целесообразно обратиться к анализу и систематизации традиционных современных подходов к исследованию неопределенных местоимений в английском языке.

Как было упомянуто выше, вопрос о выделении класса неопределенных местоимений в современном английском языке является открытым. Известно, что на данный момент, как в отечественной, так и в зарубежной англистике отсутствует определенный инвентарь неопределенных местоимений. Дело в том, что разряд неопределенных местоимений не имеет четкой структуры, и границы его состава не ясны. Проблема осложняется дискуссионным частеречным статусом местоимений в целом [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981, С. 44 – 45].

Если обратиться к теориям, где рассматривается проблематика неопределенных местоимений английского языка, то, проанализировав несколько научных работ, можно сказать о том, что они изучаются и как местоименные словосочетания типа: *many of them*, *some of them*, и как «квантификаторы, уточняющие сущность семантики количества» [Молчанов 1980].

Н.В. Сергиенко в работе, посвященной изучению функциональной семантики английских неопределенных местоимений, производных от *some*, *any*, *every*, *no*, в сочетаниях с адьюнктом, рассматривает семантическую категорию О/Н в научной парадигме, а именно в рамках теории референции. Ею выявляется контекстуальная семантика неопределенных местоимений производных от *some*, *any*, *every*, *no* в местоименно-атрибутивных сочетаниях, определяется общая модель этих сочетаний [Сергиенко 2003].

В диссертации Л.А. Сучковой неопределенные местоимения исследуются в аспекте компонентов предложения, изучаются индефинитные синтаксемы, выступающие в позиции того или иного компонента предложения [См.: Самарина 2013]. Исследование индефинитных элементов ведется от содержания к форме: вначале анализируются содержательные признаки синтаксем, затем их дистрибутивные особенности. Лингвист подчеркивает, что элементы, обладающие индефинитной семантикой и используемые в разных синтаксических позициях, могут представлять варианты одной и той же индефинитной синтаксемы, где признак индефинитности является ведущим [Сучкова 1982].

В монографии О.Н. Селиверстовой «Местоимения в языке и речи» рассматриваются общие принципы построения семантики местоимений, которая представлена как многоярусная структура. В работе систематизированы разные точки зрения на местоименное значение, предпринята попытка их объединения. Предложенная автором концепция разработана на материале личных, неопределенных, кванторных и других местоимений русского и английского языков [Селиверстова 1988].

К.Н. Симонова, о работе которой было сказано выше, занимаясь исследованием английских неопределенных местоимений в сопоставлении с русскими местоимениями, подробно описывает их семантику. Она утверждает, что эти единицы языка являются «квантификативными», поскольку так или иначе связаны со значением некоторого количества однородных предметов [См.: Самарина 2013]. Лингвист исследует функционально-семантическое

поле количественности посредством семантики неопределенных местоимений, ряда существительных и числительных [Симонова 2003].

Для выяснения главного вопроса, касающегося состава и классификации неопределенных местоимений английского языка, были проанализированы работы ведущих современных отечественных и зарубежных грамматистов, а именно: Б. Артса, Д. Байбера, С. Йоханссона, Дж. Лича, С. Конрад, Э. Файнгэна; В.В. Гуревича, О. Есперсена, И.П. Ивановой, В.В. Бурлаковой, Г.Г. Почепцова; Р. Кверка, С. Гринбаума; Р. Клоуза, Д. Кристала, Т.Н. Крыловой, Е.М. Гордон; Х. Хассельгард [Гуревич 2001, Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981; Крылова, Гордон 2003; Aarts 2011, Biber, Leech, Johansson, Conrad, Finegan 2008; Close 1979, Crystal 2004, Hasselgard, Johansson 2012; Jespersen 2006, Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1982, 1996].

Сначала рассмотрим точки зрения отечественных грамматистов. Неопределенные местоимения, по мнению таких лингвистов, как И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов, представляют собой разряд местоимений, указывающие на некий предмет или лицо, не идентифицируя его. Этот разряд не имеет четкой структуры; однако *ядро* его составляют местоимения *some, any, no* и их производные – *something, anything, nothing; somebody, anybody, nobody; someone, anyone, no one* [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981, С. 44 – 45] – [См.: Самарина 2014]. Эти местоимения передают четкое противопоставление положительного и отрицательного, а также противопоставление лица и не лица. Иногда, по мнению данных лингвистов, это противопоставление рассматривается как проявление категории одушевленности/неодушевленности, что представляется сомнительным, так как местоимения с компонентом – *body, – one* обычно не применяются к животным: если, например, в комнате находится собака или кошка, то на вопрос *Is there anybody in your room?* ответ будет *There is nobody there*, если в комнате нет человека. Что касается неопределенного местоимения *no*, то и по морфологической структуре, и по синтаксическим возможностям и его производные не отличаются от других неопределенных местоимений этой груп-

пы; их отличает только отрицательное значение. Учитывая параллелизм структуры и функции, названные выше грамматисты не выделяют местоимения с отрицательным значением в особую группу, в отличие от других языковедов [Иванова, Бурлакова, Почепцов, 1981].

И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов считают, что наибольшее сомнение вызывает группа местоимений *much, many, little, few*. Они относят их к прилагательным на основании морфологического признака – наличия у них степеней сравнения, что является неотъемлемым свойством только прилагательного. Вместе с тем единицы анализируемой группы обладают и явными местоименными признаками: они занимают с равной легкостью позицию определения или предметного члена предложения, причем это не субстантивация, как у прилагательного, а категориально свойственные им функции: *There is much to do. There is little doubt about it*. Их сочетаемость с артиклем регулируется особыми правилами: ср. *There had been so much activity in the last few years. We walked a few yards further*. По другим свойствам они близки к числительным (например, *one*). По существу данная группа местоимений стоит между тремя частями речи. Представляется, что ее следует рассматривать как межполевую группу, объединяющую в себе свойства числительных, прилагательных и местоимений [Иванова, Бурлакова, Почепцов 1981]. Здесь будет совершенно уместно справедливое замечание Б.А. Ильиша, что единицы данной группы являются своего рода гибридами [Ильиш 2009].

В.В. Гуревич утверждает, что в класс местоимений, выражающих неопределенность в английском языке, входят *some, any*, и их производные, а такие местоимения, как *all, every, each*, выражают обобщенность. Далее он противопоставляет местоимения по определенности/неопределенности группы, из которой производится выбор объекта, например: *everybody – everyone, somebody – someone*. Как отмечает сам В.В. Гуревич, «эти разграничения не являются жесткими, при отсутствии значения «определенная группа» возможна свободная взаимозамена»: *Somebody/Someone knocked at the door*.

Однако при наличии предлога *of* и иных указаний на определенность группы требуется слово с *-one*. Аналогичные различия он отмечает в парах *everything, everybody*, с одной стороны, – и *all (all of it, all of them)*, – с другой; *nothing – none(of it); nobody – no one/none of them*. В группе близких по значению местоимений *some, certain, several, a few* два последних акцентируют неопределенность количества объектов, тогда как *some, certain* обычно указывают на неопределенность качества объектов [Гуревич 2001 С. 21 – 25].

Т.Н. Крылова и Е.М. Гордон подразделяют неопределенные местоимения английского языка на три группы:

1. Собственно неопределенные местоимения (indefinite pronouns proper):

a) *some, any, no*;

b) *somebody, anybody, nobody, someone, anyone, no one, something, anything, nothing*.

2. Дистрибутивные (distributive pronouns):

a) *all, every, each, other, either, neither, both*;

b) *everybody, everyone, everything*.

3. Количественные (quantitative pronouns): *much, many, (a) little, (a) few, a lot of, lots of, a great deal, a great many, etc.* [Крылова, Гордон 2003].

Теперь обратимся к анализу мнений крупных зарубежных лингвистов, касающихся состава неопределенных местоимений английского языка.

Д. Байбер, С. Йоханссон, Д. Лич, С. Конрад и Э. Файнегэн являются известными профессорами в области лингвистики и прикладной лингвистики и авторами «Longman Grammar of Spoken and Written English» [Biber, Leech, Johansson, Conrad, Finegan 2008]. К собственно неопределенным местоимениям они относят **4 основные группы**: *every, some, any, no* и их производные с *-body, -one, -thing*, которые по своей природе являются квантификаторами, а их производные, в свою очередь, были образованы от этих кван-

тификаторов. Все остальные неопределенные местоимения они причисляют к квантификаторам, или детерминативам без разницы в их значении.

Кроме того, Д. Байбер, С. Йоханссон, Д. Лич, С. Конрад и Э. Файнегэн проводили исследования по функционированию английских неопределенных местоимений в разных регистрах речи в Британском национальном корпусе примеров и исследования, направленные на выявление соотношения неопределенных местоимений с компонентами – body и – one в американском варианте английского языка и британском варианте в стиле художественной речи.

Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1

Частотность употребление английских неопределенных местоимений в разных регистрах речи (на 1 миллион слов)

● — 200 ○ — меньше 100

	Conv	Fict	News	Acad
everybody	●	●	○	○
everyone	●	●	●	○
everything	●●	●●	●	○
every (quantifier)	●●	●●	●●	●●
somebody	●●	●	○	○
someone	●	●●	●	●
something	●●●●●●●●	●●●●●●	●●●●●●●●	●
some (quantifier)	●●●● ●●●●	●●●● ●●●●	●●●●●●	●●●●●● ●●●●●●
anybody	●	○	○	○
anyone	●	●	●	○
anything	●●●	●●●	●	○
any (quantifier)	●●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●	●●●●●●●●

nobody	●	●	○	○
no one	○	●	○	○
nothing	●●●	●●●●●●	●	●
no (quantifier)	●●●●●●●	●●●●●●● ●●●●●●●	●●●●●●●●	●●●●●

Проанализировав таблицу, можно сказать, что в *разговорной речи* широко используются такие местоимения, как *something, some* (quantifier), *no* (quantifier); В *стиле художественной речи* – *something, some* (quantifier), *any* (quantifier), *nothing, no* (quantifier); в *публицистическом стиле* – *something, some* (quantifier), *no* (quantifier), *any* (quantifier); в *научном* – *some* (quantifier), *any* (quantifier), *no* (quantifier).

Таблица 2

Соотношение неопределенных местоимений с компонентами –**body** и –**one** в американском варианте английского языка и британском варианте в стиле художественной речи

● – 5%

% – **body**% – **one**AmE

any-

●●●●●●●●

●●●●●●●●●●

every-

●●●●●●●●

●●●●●●●●●●

no-

●●●●●●●●●●

●●●●●●●●

some-

●●●●●●●●

●●●●●●●●●●

BrE

any-

●●●●

●●●●●●●●●●●●●●

every-

●●●●●●

●●●●●●●●●●●●●●

no-	●●●●●●	●●●●●●●●●●●●●●●●
.....
some-	●●●●●	●●●●●●●●●●●●●●●●

По представленным данным таблицы можно заключить, что и в американском, и в британском варианте английского языка неопределенные местоимения с компонентом – *one* используются чаще, чем с – *body*. В свою очередь, местоимения с компонентом – *body* чаще встречаются в американском варианте английского языка, чем в британском. Однако данный вопрос требует самостоятельного рассмотрения и не входит в задачи нашего исследования.

Согласно дополнительным исследованиям данных лингвистов, все группы неопределенных местоимений встретились в основном в разговорном и художественном стилях речи, меньшая частотность их использования присуща научному стилю. Местоимения с компонентом – *body* имеют более нейтральную окраску и присущи для разговорной речи, в то время как местоимения с компонентом – *one* в большем количестве зафиксированы в письменных речевых регистрах [Biber, Leech, Johansson, Conrad, Finegan 2008, p. 353].

Продолжая анализировать точку зрения Д. Байбера, С. Йоханссона, Д.Лича, С. Конрад и Э. Файнегэна, следует отметить тот факт, что такие местоимения, как *all, both, each, every, many, much, some, little, a little, few, a few, either, neither* они относят к квантификаторам, которые, в свою очередь, подразделяются на несколько групп, а именно:

1. Инклюзивные (inclusive) – both, all, each, every

e.g. all that money.

2. Квантификаторы, обозначающие большое количество (large quantity) – much, many

e. g. much attention.

3. Квантификаторы, обозначающие умеренное или малое количество (moderate or small quantity) – some, little, a little, few, a few

e.g. some money.

4. Квантификаторы, обозначающие произвольное или отрицательное количество (arbitrary/negative member or amount) – any, either, no, none neither

e.g. Neither method is entirely satisfactory [Biber, Leech, Johansson, Conrad, Finegan 2008].

Данный перечень не является окончательным, т.к. эти лингвисты причисляют и ряд других слов к квантификаторам: *more, most, a lot of, less, several, a couple of, a number of, plenty of*.

Частотность употребления 4 основных групп квантификаторов в разных регистрах речи представлена в таблице 3.

Таблица 3

Частотность употребления 4 основных групп квантификаторов в разных регистрах речи на миллион слов

● — 500

	Conv	Fict	News	Acad
inclusive	●●●●● ●●●●	●●●●●● ●●●●	●●●●●●	●●●●● ●●●
large quantity	●●●●●	●●●●●	●●●●●	●●●●●●
moderate /small	●●●●●	●●●●●	●●●●	●●●●●●●
arbitrary/negative	●●●●●	●●●●●●●	●●●●●	●●●●●

Из таблицы видно, что в *разговорной речи* преобладают инклюзивные квантификаторы; в *художественном стиле* – инклюзивные и квантификаторы, обозначающие произвольное или отрицательное количество; в *публицистическом* – инклюзивные квантификаторы; в *научном* – инклюзивные и квантификаторы, обозначающие умеренное или малое количество.

Таким образом, инклюзивные квантификаторы превалируют во всех основных стилях речи. Что же касается такого слова, как *one*, то языкове-

ды рассматривают его либо как слово-заместитель вместо имени существительного во избежание повторения, либо как «местоимение с обобщенным значением», которое употребляется для описания чего-либо в общем смысле (*generic one*). Также *one* может быть использовано и в качестве неопределенного местоимения с предлогом *of*.

e. g. One doesn't raise taxes with enthusiasm, but the alternative in public sector borrowing going through the roof (news).

Местоимения *other* и *another* рассматриваются как *слова-полуопределители*, т. е. слова, имеющие в своем составе и адъективные, и детерминирующие характеристики [Biber, Leech, Johansson, Conrad, Finegan 2008, P. 273 – 280].

Здесь считаем необходимым подчеркнуть, что и современные отечественные англисты проводят исследования подобного рода. Рассмотрим наиболее важные работы, которые внесли существенный вклад в изучение семантики неопределенных местоимений английского языка. Так, крупнейший ученый, О.Н. Селиверстова проводила лингвистические исследования, направленные на изучение семантики неопределенных местоимений в русском и английском языках. Анализ этих исследований показал следующее:

- Семантическая структура местоимений чрезвычайно сложна, так как в их семантике присутствует неопределенность, незнание участников описываемых событий, обобщенность в описании участников коммуникации.
- Проанализированные значения русских и английских местоимений в основном описываются через один и тот же набор признаков. Различия связаны с разбиением признаков на отдельные значения. В английском языке в отличие от русского языка нет противопоставления, представленного русскими местоимениями с *-то* и *-нибудь*).
- Значение *any* и его производных не тождественно квантору общности, так как сохраняется компонент «количество – один» или «по крайней мере один».
- Своеобразие неопределенных местоимений заключается в том, что в их значение встраиваются признаки, которые определяют семантическую

структуру высказывания в целом. К примеру, в значение некоторых местоимений может включаться элемент модальности, демонстрирующая альтернативность.

– Анализ значений местоимений показывает, что в языковой картине мира русского и английского языков важное место занимают разные способы представления индивида как личности. Семантические признаки местоимений объясняют различные закономерности их употребления в речи [Селиверстова 1988, 2002].

Н.Н. Николаева изучает неопределенно-личные местоимения *somebody* и *someone* в современном английском языке с позиции биокогнитивного подхода. В частности анализируется семантика этих местоимений. Она сопоставляет дефиниции местоимений, ссылаясь на современные словари и грамматические справочники, а также анализирует мнения самих носителей языка с привлечением Интернет-пространства.

Анализ показал, что как русскоязычные, так и англоязычные сайты с контентом по грамматике английского языка часто ограничиваются традиционной фразой о синонимичном употреблении *somebody* и *someone*. В целом встречаются похожие примеры на разных сайтах [См.: Самарина 2014].

Частотность мнений о корректности традиционного правила употребления этих местоимений свидетельствует о существовании в когнитивной системе пишущих стереотипизированного, довольно устойчивого общекультурного знания о правилах использования данных местоимений. По мнению носителей английского языка, на выбор того или иного местоимения могут влиять следующие факторы: *фактор локации, фактор количества, фактор стиля, фактор реальности, фактор интимной близости, фактор важности, фактор физического присутствия*. Данный список не является исчерпывающим.

В ходе исследования Н.Н. Николаева приходит к выводам о том, что употребление *someone* и *somebody*, а также личных местоимений, антеце-

дентно и зависит не столько от структуральных знаний, зафиксированных в словарях и учебниках, сколько от феноменологических знаний, непосредственно связанных с экзистенциально-ценностным существованием человека в биосоциокультурном мире. Именно поэтому статус данных местоимений неоднозначен, ситуативен и варьирует в зависимости от различных дискурсивных условий, коммуникативных ситуаций. Об этом свидетельствуют как сами носители языка, так и собранный эмпирический материал, результаты анализа которого в целом подтверждают «правила», интуитивно сформулированные респондентами [См.: Самарина 2014].

Также, общекультурный фонд знаний и опыт общения в едином языковом пространстве взаимодействий, несомненно, предопределяет выбор *someone* или *somebody* в определенных референтных ситуациях общения, что дало возможность сформулировать правила употребления данных местоимений в зависимости от когнитивной интерпретации говорящих/пишущих референтов этих местоимений. Так, было установлено, что прототипическим значением местоимения *somebody* является указание на экзистенцию человека в пространственно-временных рамках, а местоимения *someone* – актуализация значимых социальных характеристик неопределенного лица, придания им признака обобщенности и важности. Именно поэтому употребление местоимения *someone* связано с выражением определенных, часто положительных, отношений говорящего к референту, которые оцениваются сквозь призму своих собственных знаний, опыта, чувств и эмоций. Семантика сенситивной или интеллектуальной близости, социальной валидности референта сквозь призму ассоциаций с его или ее общественной ролью профилируют употребление *someone* в ситуациях, связанных с общественной жизнью человека. Неопределенность референта *someone*, скорее, указывает на придание лицу обобщенных лично значимых характеристик в определенных социокультурных рамках взаимодействия. В ситуациях же референции к реальности человека, его «телесности», указания на факт его существования/несуществования в окружающем мире употребляется

somebody, что часто связано с отрицательной оценкой идентификации лица в связи с угрозой нарушения целостности и безопасности мира говорящего. У местоимения *somebody* есть особое значение – указание на «значимое» лицо, обладающее властными полномочиями или материальным достатком, иногда *somebody* в этом значении употребляется в уничижительном или саркастическом смысле, что также может имплицировать потенциальную «опасность» референта, а сарказм в данном случае выполняет защитные функции с эмоциональной точки зрения. Кроме того, как подчеркивает автор статьи, в современном английском языке, особенно в его американском варианте, происходит *постепенное нивелирование стилевого различия* в употреблении *somebody/someone* [Николаева 2014].

На наш взгляд, исследование Н.Н. Николаевой тесно связано с концепцией Д. Болинджера и, поэтому считаем необходимым сделать оговорку о том, что впервые различие между производными – *one* и – *body* было показано именно в его работе [Bolinger 1975]. При исследовании были опрошены 8 англичан: шесть слушателей русского языка в Лондонском университете (возраст 20-28 л.) и двое преподавателей английского языка (28 л.). До этого считалось, что их значения тождественны, например, [Jespersen 2006], хотя и отмечались отдельные расхождения в условиях употребления. Д. Болинджер выдвигает следующую гипотезу:

– *one* и его производные маркированы по признакам близости к говорящему и индивидуализации, напротив, производные с – *body* не маркированы по этим признакам. Вследствие этого производные с – *body* больше похожи на существительные множественного числа с показателем неопределенности; они не показывают, что внимание говорящего/слушателя акцентируется на личности референта [Bolinger 1975, 230]. Сходным образом определяется различие между рассматриваемыми единицами и в более поздней работе Болинджера. Он пишет, что местоимения с – *one* связаны с представлениями о близости как в пространственном, так и в психологическом плане. Приводится также следующая формулировка одного из инфор-

мантов, которая рассматривается как соответствующая постулируемой гипотезе: « – *one* 'близость, определенность, индивидуальность'; – *body* 'дальность, неопределенная референция, коллективность'» [Bolinger 1977, с.15].

Однако есть и некоторые различия. Болинджер выдвигает фактически три близких, но не тождественных признака: *близость/дальность* (пространственная и психологическая), *индивидуализация/отсутствие индивидуализации (коллективность)*; *определенность/неопределенность*. Признак индивидуализация/отсутствие индивидуализации может по-разному реализоваться в зависимости от типа денотата. Представление о психологической или пространственной близости/дальности может ассоциироваться с данным признаком, но не имеет самостоятельной значимости. Различие же по признаку определенности/неопределенности существенно лишь в некоторых условиях употребления производных с – *one* и – *body*. В других случаях этот признак не реализуется, т.к. в понятие неопределенности вкладывается часто весьма различное содержание. Но в англистике это понятие, прежде всего, связано со значением неопределенного артикля, который показывает, что денотат имени характеризуется как член класса [Bolinger 1975, 230].

Продолжая исследовать мнения, касающиеся неопределенных местоимений английского языка, следует отметить, что также заслуживает внимания точка зрения Б. Артса – британского профессора по лингвистике. Он выделяет следующие группы неопределенных местоимений в английском языке:

- 1. Аддитивные местоимения**(additive) – another.
- 2. Местоимения степени** (degree) – few, fewer, less, little, many, more, most, much.
- 3. Обобщающие местоимения** (disjunctive) – either, neither.
- 4. Дистрибутивные местоимения** (distributive) – each, every, everybody, everyone, everything, everywhere.

5. Экзистенциальные местоимения (existential) – any, some, somebody, someone, something.

6. Местоимения с отрицательным значением (negative) – nobody, no one, none, nothing.

7. Местоимения с положительным значением (positive) – a few, a little, several.

8. Универсальные местоимения (universal) – all, anybody, anyone, anything, both [Aarts 2011].

Что касается местоимения *other*, то в данной группе оно не представлено. Также, по мнению этого лингвиста, многие формы неопределенных местоимений совпадают с формами местоимений-определителей, которые по своему значению ничем не отличаются от квантификаторов. Как видим, данная точка зрения существенно отличается от предыдущей.

Совершенно иное мнение мы встречаем в глоссарии по грамматике современного английского языка, под редакцией Х. Хассельгард и С. Йоханссона. Грамматисты относят следующие местоимения к неопределенным: *some, any, no* (их производные), *none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each, every* (его производные), *other, one* [Hasselgard, Johansson 2012, P. 78 – 79].

Р. Кверк и С. Гринбаум утверждают, что неопределенные местоимения английского языка можно разделить на **две группы**. Первая группа подразделяется на 4 взаимосвязанные подгруппы:

1. утвердительные (assertive): *some* и его производные (*somebody/ someone, something*):

– Oh well I've never been *something* like that.

– Listen, can't we do this at *some* other time;

2. неутвердительные (non-assertive): *any* и его производные (*anybody/ anyone, anything*); *either*.

– I said I don't want to do *any* more essays.

– Did you see *either* of those two gentlemen;

3. отрицательные (negative): none, no one, nobody, nothing, neither:

– There have been six federal presidents since the birth of the federal state and *none* has been popular as the present president.

– *Nobody* ever makes it the way she used to make it.

– **No** авторы относят к детерминативам;

4. универсальные (universal): all, everybody, everyone, everything, both, each:

– I want to talk *to everybody*.

– Did you eat *all* of the peanuts?

Вторая группа неопределенных местоимений является квантификаторами. К таким местоимениям данные лингвисты относят:

1. Many, more, most, a few fewer fewest, several enough.

2. Much, more, most, a little, less, least, enough.

3. Few, little.

– And *many* of these earthquakes are caused by a rupture along a single fault.

– You may have *a little* trouble getting in.

– There are very *few* clubs now which are exclusively male.

Эти авторы подчеркивают, что практически все эти местоимения могут функционировать и в качестве детерминативов [Quirk, Greenbaum, Leech, Svartvik 1996].

Дж. Лич и И. Свартвик выделяют следующие классы местоимений:

1. Negative pronouns: nobody, no one, nothing, none (of).

2. Quantifiers: some, any, every (и их производные с -body, - one, -thing) all, both, either, each, much, many, (a) few, several, enough, more, most, (a) little, less, least, several, enough etc.

3. Quantifiers of large amount: many, a lot, a large number, much, a lot, a great deal.

4. Quantifiers of small amount: a few, a little.

5. Quantifiers of not large amount: not many, few, not much, little.

6. Quantifier pronouns which may take an of-construction:

Group A (singular and plural): all (of), each (of), half (of), both (of).

Group B (singular and plural): some (of), any (of), either (of).

Group C (singular and plural): many (of), more (of), most (of), enough (of), (a) few (of), fewer (of), less (of), fewest (of), several (of).

Group D (singular): one (of).

Group E (singular and plural): none (of), neither (of).

7. Quantifiers which are determiners:

Group A determiners of inclusive meaning (singular and plural): all, half, every, each, both.

Group B some and any words (singular and plural): some, any, either.

Group C degrees of quantity (plural): many, more, most, enough, (a) few, fewer, less, fewest, several.

Group D (singular): one.

Group E negative (singular and plural): no, neither.

8. Other pronouns

Personal reflection Non-personal reflection

Group A anybody, everyone everything

Group B somebody, someone, anybody, anyone something, anything

Group C nobody, no one nothing

9. Determiners

1) Predeterminers: all, both, half; double, twice, one-third, what, such, etc.

2) Central determiners:

articles: a/an, the;

demonstratives: this, those etc;

possessives and genitives: my, your, etc;

quantifiers: some, any, no, every, etc;

wh-determiners: what (ever), which (ever), whose, etc.

Postdeterminers:

cardinal numerals: one, two, a hundred, etc;

ordinal numerals: first, second, etc;
 general ordinals: next, last, other, etc;
 quantifiers: many, few, little, several.

Далее проанализируем точку зрения, касающуюся неопределенных местоимений английского языка известного лингвиста Р. Клоуза. Он выделяет следующие:

1. Definite quantifiers: cardinal numbers (1, 200, 1000) etc.

2. Indefinite quantifiers:

a) **with count nouns:** (a) few, fewer, less, the fewest, several, many a (great) number of;

b) **with mass:** a bit, a little, less, the least, a great deal/amount of, much;

c) **with either:** all, plenty of, a lot of, lots of, enough, more, most, some, any.

3. Determiners which are either identifiers or quantifiers: all, both, some, any, no, every, each, either, neither.

4. Quantifiers: some, any, no, none (of) every, each, either (of), neither (of).

5. Indefinite pronouns: some, any, every, no + – body, – one, – thing .

Современный британский лингвист Д. Кристалл считает, что неопределенные местоимения английского языка выражают понятие количественности. Он выделяет две основные группы: составные местоимения, состоящие из 2 элементов – some-, every-, any-, no- + второй элемент – one, – body, – thing (например, someone, anything). Вторая группа неопределенных местоимений – местоимения с предлогом of. Они могут функционировать как с предлогом of, так и без него (I've eaten **all the cake/all of the cake**). Также в данную группу местоимений входят следующие: all, both, none, few, each, much, many, more, most, less, fewer, some, neither [Crystal 1994].

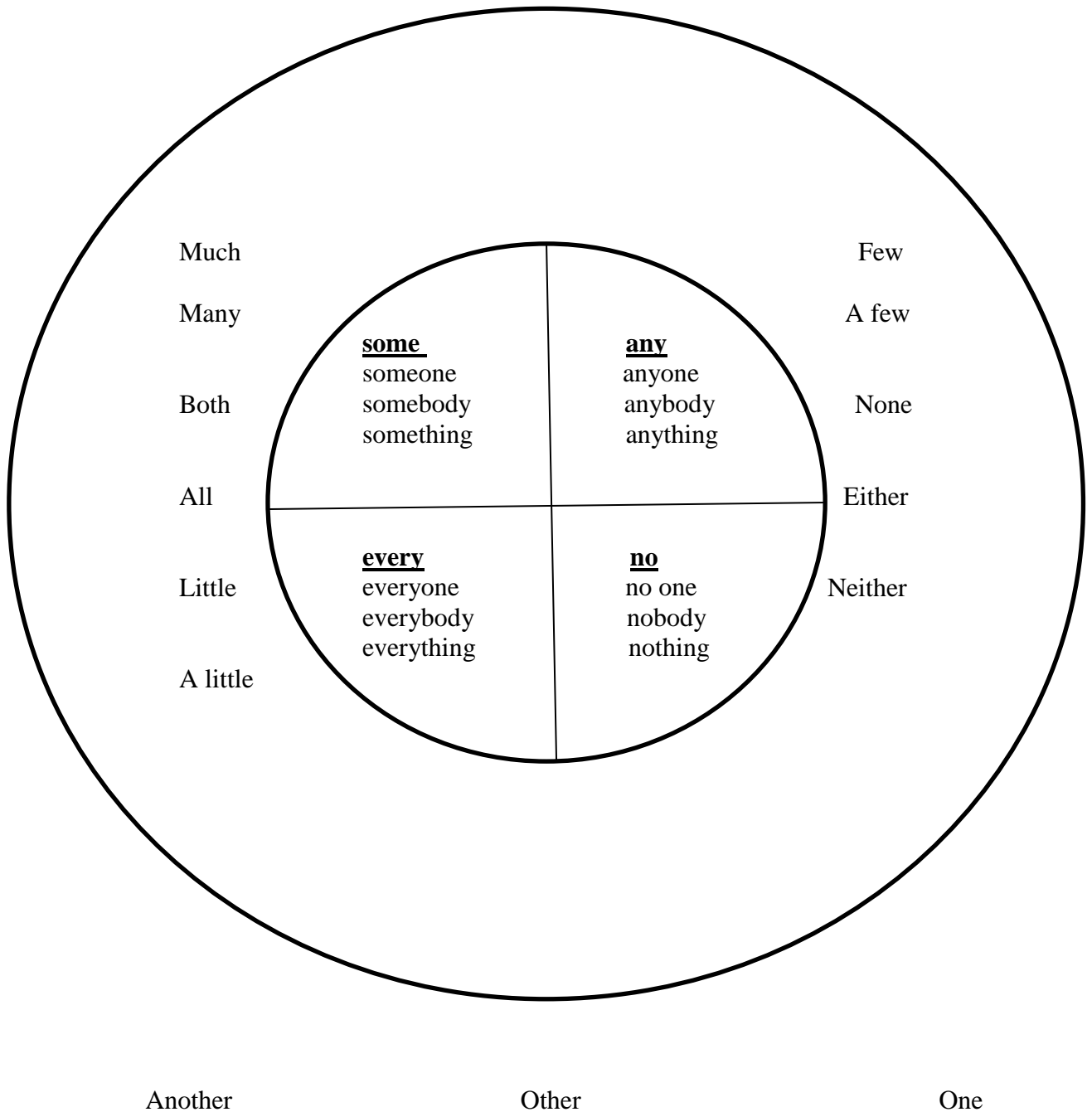
Вне всяких сомнений, список работ, посвященных исследованию неопределенных местоимений, можно было бы продолжить. В предлагаемом исследовании были рассмотрены точки зрения ведущих отечественных и зарубежных лингвистов, которые внесли большой вклад в изучение неоп-

ределенных местоимений английского языка. Это еще раз доказывает, что данный вопрос все еще остается актуальным.

В данной работе за основу берется классификация неопределенных местоимений, предложенная современными британскими лингвистами Д. Байбер, С. Йоханссон, Д. Лич, С. Конрад и Э. Файнегэн «Grammar of Spoken and Written English», поскольку данные языковеды дают тщательное обоснование, касающееся неопределенных местоимений английского языка и рассматривают их в диахроническом аспекте. Именно эта классификация оказалась наиболее полная на наш взгляд [Biber, Leech, Johansson, Conrad, Finegan, 2008].

Что касается настоящего исследования, то отметим, что анализ художественных и публицистических текстов в корпусе BNC и методы контент-анализа, дистрибутивный метод, метод семантического анализа, метод функционального анализа позволили в диссертации в виде семантического поля (СП) распределить неопределенные местоимения английского языка следующим образом.

Семантическое поле неопределенности

Базовым принципом распределения неопределенных местоимений в виде семантического поля послужила мера четкости выражения понятия неопределенности с учетом частотности употребления данных местоимений в текстах разных стилей английского языка. Из схемы видно, что **ядро** составляют неопределенные местоимения английского языка *some, any, every, no* и *их производные*, так как все грамматисты считают, что данные местоимения передают четкое противопоставление положительного и отрицательного, а также противопоставление лица и не лица, предмета и не предмета. На **периферии** находятся *much, many, both, all, each, every, any, either, no, neither, some, little, a little, few, a few*, которые все исследователи относят к неопределенным местоимениям с долей оговорки, называя их квантификаторами, выражающими в основном обобщенность значения. *One, other, another* стоят вне периферии, на **границе поля**, ибо грамматисты относят их к неопределенным местоимениям, но с некой неясностью.

Несомненный научный интерес представляет рассмотрение семантики неопределенных местоимений в текстах разных стилей, что будет проанализировано в последующих главах.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Лингвистический функционализм возникает в языкознании в XX веке. Его представители считают, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка. Основная идея функционализма – в объяснении языковой формы ее функциями. Идеи функциональной грамматики основаны на традициях различных национальных школ. У функционализма существует множество разновидностей и направлений. Одной из главных является функциональная грамматика – разновидность традиционной грамматики. В качестве объекта ее изучения выступают функции единиц строя языка и закономерности их функционирования. При анализе языкового материала используется направление от функций к средствам как основное, но возможно и сочетание с направлением от средств к функциям. Материалом для анализа могут служить в функциональной грамматике грамматические формы слова, синтаксические конструкции и лексические единицы. К числу важнейших задач функциональной грамматики относятся систематизация и более глубокое исследование языковых единиц в виде функционально-семантического поля, под которым понимается базирующаяся на определенной семантической категории группировка грамматических и лексических единиц, различных комбинированных, лексико-синтаксических средств языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций.

Одной из центральных категорий как в философии, так и лингвистике является *категория определенности/неопределенности*. Она носит универсальный гносеологический характер и свойственна всем языкам мира.

Что касается лингвистики, то категориальная оппозиция определенности/неопределенности, в частности на материале английского языка, была затронута в ряде работ крупных зарубежных и отечественных лингвистов и получила достаточно объемное и разностороннее истолкование в лингвистике.

Наличие этой категории в грамматической структуре языка предполагает существование специальных средств ее выражения. В английском языке – это в основном артикли. Однако в настоящее время лингвистика признает, что отсутствие артикля в языке не исключает возможности использования иных формальных средств (например, морфологических, синтаксических) для различения значений О/Н. Помимо этого, указательные и притяжательные местоимения, числительные, наречия, с одной стороны, а также неопределенные местоимения с другой, – вербализируют и эксплицируют данное категориальное значения, поскольку семантика этих местоимений имеет либо обобщающий, либо индивидуализирующий характер соответственно.

Представляя собой самостоятельную часть речи, местоимения обладают формой, значением и функцией. Но пестрота морфологических категорий и синтаксических функций явилась причиной разногласий между лингвистами в вопросе существования местоимений как части речи и, поэтому, данная проблема все еще остается неразрешенной.

В современной отечественной и зарубежной англистике нет единого мнения по поводу состава и классификации разряда неопределенных местоимений, т.к. он не имеет четкой структуры и границы его состава не ясны. Проблема осложняется дискуссионным частеречным статусом местоимений в целом. Тем не менее, к группе неопределенных местоимений английского языка причисляют большое количество местоимений, разнообразных по значению и синтаксическим функциям: *some, any, no* (их производные), *none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each, every* (его производные), *another, other, one*.

Сегодня в лингвистике существуют разные подходы к изучению неопределенных местоимений, к числу которых относятся: *исследование семантики* местоимений, производных от *some, any, every, no*, в сочетаниях с адьюнктом; *рассмотрение общих принципов* построения семантики этих местоимений с отметкой специфики ее организации; неопределенные место-

имения квалифицировались и как местоименные словосочетания типа: *many of them, some of them*, и как «квантификаторы», уточняющие сущность семантики количества однородных предметов; исследование неопределенных местоимений связано со статусом и средствами выражения значений *определенности* и *неопределенности*, спецификой референции, теорией актуализации, способами построения текста и др. В функционально-семантическом плане неопределенные местоимения сближаются по своему значению и употреблению со служебными или лексически несамостоятельными словами, обладая неоднородными морфологическими и синтаксическими признаками и абстрактно-неопределенным значением.

В настоящей работе неопределенные местоимения английского языка систематизируются в виде семантического поля, ядром которого местоимения *some, any, every, no* и их производные. К периферии причисляются местоимения *none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each* и на границе поля местоимения *other, another, one*.

ГЛАВА 2 СЕМАНТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

2.1 Семантическое наполнение неопределенных местоимений ядра семантического поля неопределенности (на материале художественных текстов)

Проблемам функциональной стилистики как особому направлению лингвистических исследований начали уделять внимание в начале XX века такие русские языковеды, как И.А. Бодуэн де Куртене [Бодуэн де Куртене Электронный ресурс], Е.Д. Поливанов [Поливанов 1968], В.В. Виноградов [Виноградов 1963]. Большой вклад в функциональную стилистику внесли и развили идеи о функциональных стилях как о языковой системе языковеды И. В. Арнольд, И.Р. Гальперин, М.Н. Кожина и другие [Арнольд 2002, Гальперин 1958, 1981; Кожина 2010].

Функционирования языка в различных сферах человеческой общественной деятельности стало предметом многих последующих исследований. Проблемы функционально-стилевой дифференциации языка все больше привлекают лингвистов вследствие того, что язык нельзя рассматривать как нечто единое и абсолютно однородное по своему функционально-стилевому, жанровому составу, без учета внутреннего параллелизма и пересечения его составляющих. Вариативность языка проявляется именно в его функционировании, соответствующей определенной коммуникативной задаче. Такое соответствие обеспечивает уникальность функционального стиля (ФС) как системы языковых средств, используемых для выполнения определенной функциональной задачи в определенной коммуникативной среде. Стили речи зависят от социального контекста, в котором происходит процесс коммуникации. Слово может подходить или не подходить для определенной ситуации. Стилистическая характеристика слова позволяет использовать его в каком-либо из функциональных стилей.

Известный отечественный англист И.В. Арнольд считает функциональные стили «подсистемами языка, каждая из которых обладает своими специфическими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях, а иногда и в фонетике. Каждый стиль представляет собой систему тесно связанных лексических, грамматических и фонетических средств [Арнольд 1981, с.45].

Н.М. Разинкина, занимающаяся функциональной стилистикой, определяет *функциональный стиль* как «совокупность текстов, письменных и устных, характеризующихся более или менее определенной целевой направленностью и наличием языковых средств (на различных уровнях), для которых типичны специальный отбор и специфическая обработка» [Разинкина 1989, с.182].

М.Н. Кожина, ведущий специалист по функциональной стилистике считает, что функциональный стиль – это своеобразный характер речистой или иной ее социальной разновидности, соответствующий определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней формой сознания, создаваемый особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией, создающей определенную общую стилистическую окраску /макроокраску/ [Кожина 1977, 2010].

Все эти многочисленные определения объединяет, прежде всего, учет экстралингвистического фактора при выделении функциональных стилей. Именно цели и задачи коммуникации в конкретной сфере общения определяют выбор языковых средств, хотя фактор ситуации не является единственным критерием при таком отборе.

В наши дни в стилистике существуют *разные подходы* к выделению основных функциональных стилей. Так, М.П. Брандес на материале немецкого языка впервые с позиции когнитивной лингвистики предлагает целостную концепцию стиля как технологию и технику употребления языка в разных условиях письменной и устной коммуникации. В этом качестве стиль предстает как социальная, нормативно-ценностная система, своеобразный

трансформатор, с помощью которого естественный язык превращается в живую, очеловеченную, осмысленную речь, в реальные высказывания разных форматов. Она предлагает выделить следующие функциональные стили: *официально-деловой, научный, газетно-публицистический, обиходный, словесно-художественный* [Брандес 2004].

В функциональной стилистике английского языка такие крупные языковеды, как И.В. Арнольд и И.Р. Гальперин, различают следующие стили: *поэтический, научный, газетный, разговорный* [Арнольд 2002]; *стиль художественной речи, газетный, публицистический, ораторский, стиль научной прозы, стиль английских официальных документов* [Гальперин 1958, 1981].

Г.Я. Солганик отмечает четыре основных книжно-письменных стиля: *официально-деловой, научный стиль, стиль массовой коммуникации и художественно-литературный* – и устный – *разговорно-бытовой*, которые противопоставлены с точки зрения основной формы существования (письменной или устной). По другой классификации четверем стилям, имеющим дело с объектами реальной жизни, противопоставлен литературно-художественный стиль, отражающий эстетическую реальность [Солганик 2007].

М.Н. Кожина говорит о следующих функциональных стилях: *научном, официально-деловом, публицистическом, художественном, церковно-религиозном, разговорно-обиходном* [Кожина 2008, 2010, 2014].

Поскольку в работе исследуется функционирование неопределенных местоимений английского языка в художественных текстах (в частности текстах художественной прозы), то будет целесообразно кратко рассмотреть ключевые характеристики *художественного стиля*, который выделяется всеми лингвистами.

В нашей работе за основу берется теория художественного стиля, разработанная на материале английского языка И.Р. Гальпериным. Основные положения его концепции считаем необходимым изложить кратко в нашей работе. Художественный стиль используется в произведениях худо-

жественной литературы, относится к книжной речи. Он представляет собой сложное единство разнородных черт, и этим он отличается от всех других стилей современного английского литературного языка. Данное обстоятельство ставит его в несколько особое положение по отношению к другим стилям [Гальперин 1958, 1981].

Стиль художественной речи имеет следующие разновидности: стихотворная речь, художественная проза, язык драматургии. Разностильность, как характерная черта языка художественной прозы, получившая особенное развитие в первые десятилетия XX века, – это сознательная творческая обработка языковых средств в стиле художественной речи [Там же].

Языковед подчеркивает, что язык художественной прозы как разновидность стиля художественной речи четко реагирует на изменения норм литературного языка. Он и сам оказывает некоторое влияние на изменение и развитие норм литературного языка. Но ведущие черты этого стиля простираются с достаточной определенностью и легко противопоставляются ведущим чертам других стилей речи. [Там же].

Как известно, стили языка – категория историческая. Это значит, что они изменяются, развиваются, могут, как появляться, так и исчезать. Это касается и современного стиля художественной речи английского языка. Необходимо отметить, что он допускает использование таких элементов языка, которые на данном этапе развития литературной нормы языка иногда бывают недопустимы. Так, в языке художественных произведений современных английских и американских писателей можно обнаружить языковые факты, выходящие за нормы литературного языка, например, жаргонизмы, вульгаризмы, диалектизмы и т. д., предстающие, как в обработанном, типизированном, отобранном виде, так и необработанном. Следует обратить внимание и на тот факт, что в текстах художественной речи XX – XXI веков отмечена четкая тенденция проникновения разговорных слов, оборотов и жаргонизмов в художественную прозу. Происходит явное «огрубление» языкового выражения. Наряду с обогащением словарного состава языка,

происходят некоторые изменения и грамматических норм. Причем явно присутствует тенденция к упрощению отдельных структур [Беркнер, Ильинская 1995].

Основной функцией стиля художественной речи И.Р. Гальперин считает *образность*. Под которой он понимает использование языковых и специфических стилистических средств, которые способствуют замыслу автора раскрыть перед читателем внутренние причины условий существования, развития или отмирания того или иного факта действительности, описываемой в художественном тексте. Образ вызывает чувственное восприятие действительности и способствует созданию желаемого эффекта и реакции на сказанное у читателя. Для создания образов автор художественного текста использует различные выразительные средства, к числу которых И.Р. Гальперин причисляет *тропы, фигуры речи* (анафора, антитеза, градация, инверсия, параллелизм, риторический вопрос), *ритм, рифму* (в поэтическом произведении) [Гальперин 1958, 1981].

Следующей характерной чертой стиля художественной речи, выделяемой И.Р. Гальпериным, являются особые формы связи между частями высказывания. Как и образность, они соотносятся с эмоциональной окрашенностью высказываний. Для этого используются бессоюзие, присоединение (получившее свое грамматическое признание лишь в результате наблюдений над особенностями синтаксической организации литературно-художественной речи), многосоюзие [Гальперин 1958, 1981]. К характерным чертам стиля художественной речи лингвист относит исторически обусловленный синтез устного и письменного типов речи. Индивидуальная манера авторского повествования обуславливает преобладание одних элементов над другими [Там же].

Продолжая рассматривать основные характеристики стиля художественной речи, следует подчеркнуть, что в данном стиле личность автора и его индивидуальность определяют многое. В художественной литературе имеет значение принадлежность писателя к определенному литературно-

му течению, где проявляется его индивидуальность. Она может проявляться во всем: в замысле произведения, в вымысле и сюжете, в образном строе, в обращении со словом в широком смысле, в создании и использовании языковых приемов и средств изображения [См.: Лаптева 2003].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что мир художественной литературы – это «перевоссозданный» мир, изображаемая действительность представляет собой в определенной степени авторский вымысел, а значит, в художественном стиле речи главную роль играет субъективный момент. Вся окружающая действительность представлена через видение автора. В художественном тексте мы видим не только мир писателя, но и писателя в этом мире: его предпочтения, осуждения, восхищение, неприятие и т.п. С этим связаны эмоциональность и экспрессивность, метафоричность, содержательная многоплановость художественного стиля речи. Тот факт, что данный стиль допускает использование элементов других стилей, ставит его в несколько особое положение по отношению к другим речевым жанрам [Арнольд 2002, Виноградов 1995, 1961, 1963, Гальперин 1958, 1981, Кожина 2010, Костомаров 1995, Розенталь 2001].

Для выяснения семантики неопределенных местоимений английского языка, используемых в текстах художественной прозы, обратимся к анализу примеров, взятых из Британского национального корпуса (British National Corpus). Нами были использованы произведения следующих авторов: C.Ahern “If you could see me now”, 2006; L. Appignanesi “Memory and desire”, 1992; J. Ashe “Sweet deceiver”, 1993; J. Barnes Arthur & George”, 2007; J.Bassett The life and times of William Shakespeare”, 1993; Ch. Bingham “In sunshine or in shadow”, 1992; W. Burley “Wycliffe and the cycle of death”, 1991; P. Chester “Murder forestalled”, 1990; D. Clifford The affair of the forest”, 1983; C. Cookson “The house of women”, 1993; H. Forrester, “The latchkey kid”, 1990; N. Hornby “How to be Good”, 2002; R. James Payback”, 1993; G. Josipovic “The big glass”, 1991; P. Kearney “The way to Babylon”, 1992; A.MacLean “Santorini”, 1987; E. Murphy “A nest of singing birds”, 1993; E.Nash “Strawberries and wine”,

1993; M. Pearce “The Mamur Zapt and the night of the dog”, 1991; M. Roberts “Daughters of the house”, 1993; G. Seymour “Condition black”, 1991; M. Staples “Sergeant Joe”, 1992; A. Taylor “The raven on the water”, 1992; D. Wingrove “Chung Kuo book one: the Middle Kingdom”, 1989 и др.

Также был определен перечень неопределенных местоимений, используемых в Британском национальном корпусе. Это местоимения ядра: *some, any, no, every* (их производные); местоимения периферии: *none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each*; местоимения границы поля: *another, other, one*. Отметим тот факт, что в художественных текстах встретились все неопределенные местоимения английского языка.

В работе предлагается рассмотрение семантики изучаемых местоимений, репрезентирующих неопределенность, с учетом их распределения в составе семантического поля. За основу берутся данные предложенного нами семантического поля этих местоимений. Сначала рассматривается представленность местоимений ядра, затем периферии и границы поля с использованием контекстуального анализа для выяснения видов неопределенности, выраженной исследуемыми местоимениями английского языка [См.: Самарина 2014]. При анализе мы оставляем, к сожалению, без должного внимания идиостиль каждого из перечисленных прозаиков англоязычной литературы, так как данный вопрос требует самостоятельного изучения и не входит в задачи нашего исследования.

Местоимения ядра способны в художественных текстах представлять такие виды неопределенности, как:

1. Неопределенность лица/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.
3. Неопределенность пространства.
4. «Условное отсутствие» лица/лиц.
5. «Условное отсутствие» предмета/ов.
6. Отрицание общего плана.

В настоящем исследовании представлено по одному примеру на каждый вид неопределенности. Рассмотрим каждый случай конкретно, оставив в качестве перспективы дальнейшей разработки заявленной темы исследования вопрос о специфике употребления неопределенных местоимений в произведениях конкретных авторов художественного текстов, где в каждом из указанных выше произведений присутствует определенный идиостиль. Выясним те общие особенности проявления семантики неопределенных местоимений в текстах англоязычной прозы.

Неопределенность лица в художественных текстах своей семантикой выражают местоимения: *some, any, someone, somebody, anybody, anyone, every, everyone, everybody* [См.: Самарина 2013].

Неопределенное местоимение *some* в художественных текстах может иметь значение «некоторый»:

... “*Would he see the bird rising? Would he hear the centre of the earth?*” *Strangers stared ahead ecstatically, or some were calm, burning like the black moorland burns before it is swept by rain* [Geoffrey, Jay, For now 1991, Электронный ресурс]. В этом случае речь идет о неясности, неопределенности поведения некоторых из присутствующих лиц (*Strangers*), и именно местоимение *some* помогает раскрыть неуверенность в интерпретации их поведения.

Someone в художественных текстах обладает значениями «кто-то», «кто-нибудь»:

... *Then Sesostris said: “You are tired, old friend. It has been a hard battle and you have borne the brunt of it. Keep going for just a little longer and then I will have someone else take over”* [Michael, The Mamur Zapt and the night of the dog 1991, Электронный ресурс]. В художественных текстах встречаем прием использования неопределенного местоимения *someone* для выражения задержки принятия решения по поводу создавшегося положения (*Keep going for just a little longer and then I will have someone else take over*).

Местоимение *somebody* выражает значения «кто-то», «кто-нибудь»:

... “*You need somebody,*” Buzz said firmly. “*And she'll have to sleep in my bedroom because it's nearest to yours.*” Elinor smiled at Adam [Conran, Crimson 1992, Электронный ресурс]. В этом случае мы констатируем также использование неопределенного местоимения *somebody* в рекомендации прибегнуть к помощи другого человека. На это указывает последующее пояснение (*And she'll have to sleep in my bedroom because it's nearest to yours*).

Неопределенное местоимение *any* в художественных текстах может эксплицировать значения «любой», «какой-то», «кто-нибудь» (в отрицательных и вопросительных предложениях):

... “*They... er... wondered if they featured in the photographs.*” Yes, I rather think they did. You'd better put them in touch with me”. “Yes.” Charles was getting the information he wanted. Obviously Mrs Sweet hadn't a clue who *any* of the people in the photographs were [Kearney, The way to Babylon 1992, Электронный ресурс]. Неопределенное местоимение *any* демонстрирует в данном случае отсутствие осведомленности одного из героев произведения по поводу создавшейся ситуации повествования (*Mrs Sweet hadn't a clue*).

Значения «кто-то», «кто-нибудь» мы встречаем у местоимения *anybody* на материале художественных текстов:

... Kersey said: “*So somebody drove the Mini to Exeter – could it have been anybody other than Inez?*” [Burley, Wycliffe and the cycle of death 1991, Электронный ресурс]. Подобное незнание сложившейся ситуации, неуверенность мы обнаруживаем и при использовании местоимения *anybody* в примере у другого автора художественного текста (*could it have been anybody other than Inez*).

У *anyone* в художественных текстах отмечены значения «кто-нибудь», «кто-либо»:

... “*Poor child, poor child. Léonie lifted her sleeve and wiped her nose on it. Just to test whether anyone was watching her. They weren't*” [Roberts, Daughters of the house 1993, Электронный ресурс] – [См.: Самарина 2013]. В текстах отмечается использование местоимения *anyone* для пояснения по-

ступка героини проверить наличия слежки за ней (*Just to test whether anyone was watching her. They weren't*).

Every имеет значения «каждый», «любой» в художественных текстах:

... “*Do you honestly do that?*” *Matilda asked. “Of course I do,” Miss Honey said. Every poor person in England used to wash that way until not so very long ago*” [Dahl, Roald 1989, Электронный ресурс]. Местоимение *every* может за счет своего употребления в тексте подчеркнуть при отсутствии конкретики обыденность описываемого явления (*Every poor person in England used to wash that way*).

Неопределенное местоимение **everyone** при функционировании в художественных текстах выражает значения «каждый», «всякий», «все»:

... *I don't want to go home, she thought. I want to stay here, where everyone says hello, where one day Feargal might, or might not, believe me* [Richmond, Love of my heart 1993, Электронный ресурс] – [См.: Самарина 2013]. Посредством употребления местоимения *everyone* в художественном тексте акцентируется отсутствие конкретики. Имеет место обобщенность в номинации лиц, присутствие которых приятно героине, где отмечается доброжелательность отношений людей друг к другу (*where everyone says hello*).

Местоимение **everybody** эксплицирует значения «все», «каждый»:

... *I can do the work OK; they're giving me really good grades, which is more than my dear dumb sister. They do Shakespeare every year. Everybody laughs at my accent* [Brayfield, The prince 1990, Электронный ресурс] – [См.: Самарина 2013]. Как и в предыдущих примерах, употребление местоимения *everybody* подчеркивает отсутствие конкретики, выражает обобщенность восприятия окружающих людей (*Everybody laughs at my accent*), и именно эта обобщенность неприятно подчеркивает постоянное присутствие недостатка речи у героя.

Итак, **неопределенность лица/лиц** в художественных текстах представляют неопределенные местоимения ядра посредством своих значений: «некоторый» (*some*), «кто-то», «кто-нибудь» (*someone, somebody, any, any-*

body, anyone), «любой», «какой-то» (*any*) «каждый», «всякий», «любой», «все» (*everyone, everybody, every*). Неопределенность лица или лиц в художественных текстах проявляется за счет употребления неопределенных местоимений, когда следует выделить и показать неясность понимания поведения некоторых из присутствующих лиц, отсутствие осведомленности о лицах, конкретики при описании ситуации, которая способна продемонстрировать задержку принятия решения по поводу создавшегося положения, также охарактеризовать внутреннее состояние героев произведений.

Неопределенные местоимения английского языка в художественных текстах могут выражать значение **неопределенности предмета/ов**. Таким свойством обладают следующие местоимения: *some, any, something, anything, everything, every*.

Неопределенное местоимение *some (of)* – (с *предлогом of*) обладает значениями «некоторые из», «несколько»:

... *One day, when we were back in London, I was reading some of his latest sonnets* [Bassett, The life and times of William Shakespeare 1993, Электронный ресурс]. Использование местоимения *some* может подчеркнуть в текстах отсутствие важности и значимости восприятия предметов (*I was reading some of his latest sonnets*).

В художественных текстах используется местоимение *something*, эксплицируя значения «что-нибудь», «что-то»:

... *Everything seems to be here. I think it was a search rather than a robbery. "What on earth could anyone be searching for? Something small, which might have been hidden almost anywhere. Look at the way the pots of herbs have been tipped out. And why else should the cushion covers have been ripped off?"* [Grant-Adamson, Guilty knowledge 1988, Электронный ресурс]. Данное местоимение способно выразить своей семантикой в текстах неуверенность героя, показывая момент его размышлений по поводу сложившейся ситуации (*Something small, which might have been hidden almost anywhere*).

Неопределенное местоимение **any** в художественных текстах выражает значения «любой», «что-то», «что-нибудь», «никакой», «какой-нибудь»:

... *“I've been to every chemist in town in search of these chemicals of his, but they were never right. They weren't pure enough, he said. I had to take them back to the shop, and try another chemist. I don't know what these chemicals are, but the person in that study wants them terribly badly. Did you keep **any** of these written orders?” asked Mr Utterson* [Border, Dr Jekyll and Mr Hyde 1991, Электронный ресурс]. Местоимение *any* подчеркивает необходимость присутствия хотя бы какого-нибудь из рассматриваемых предметов (предписаний), выделяя важность их для говорящего (*Did you keep any of these written orders?” asked Mr Utterson*).

Anything имеет значения «что-то», «что-нибудь», указывающие на неопределенность одного предмета или предметов:

... *“Why are you going so early?” asked Philip. “I'm going to have a look at wall-papers. We'll do all the rooms up fresh in that house in Hill View. Is there **anything** you fancy in your room?”*[Hassall, Jubilee wood 1989, Электронный ресурс]. В подобных случаях неопределенность предметов выражается за счет использования местоимения *anything* для постановки традиционного вопроса с целью узнать подробности обстановки в комнате (*Is there anything you fancy in your room?*).

Every при своем употреблении в художественных текстах может проявлять значения «каждый», «любой», указывающие на неопределенность одного предмета.

... *The Taylor Report, famously and I think rightly, recommended that **every** football ground should become all - seater* [Hornby, Fever pitch 1992, Электронный ресурс]. В художественных текстах местоимение *every* может выделить обобщенность восприятия предметов действительности, когда есть цель довести до нужных стандартов все из присутствующих предметов, объектов действительности (*that every football ground should become all – seater*).

Следовательно, в художественных текстах **неопределенность предмета/ов** эксплицируют местоимения своими значениями: «некоторые из», «несколько» (*some (of)*), «что-нибудь», «что-то» (*something, any, anything*), «любой» (*any, every*), «никакой» (*any*). Их использование выражает неопределенность предметов, объектов окружающей действительности, когда важно в текстах подчеркнуть неуверенность героя, показывая момент его размышлений, важность или, наоборот, безразличие при перечислении предметов, обобщенность их восприятия.

Неопределенные местоимения *everything* и *nothing* могут в художественных текстах выражать **неопределенность пространства** (неопределенное материальное окружение и обозначение пустоты) посредством своих значений «все», «ничто», «ничего»:

*... The trouble began when grandfather Garland died about thirty years ago – in my father's time – and left almost **everything** to Edwin* [Hassall, Jubilee wood 1989, Электронный ресурс]. В этом случае речь идет о неопределенном материальном окружении и выражает отсутствие конкретики (*grandfather Garland... left almost everything to Edwin*).

*... I join the conversation at breakfast, especially when it's entertaining, distracting, provocative, or annoying, and afterwards, I might feel soiled and wish for night, the end of any long day, when **nothing** was expected from me and I expected **nothing** and could lie in bed, on top or under the sheets, surrounded by books and magazines* [Hassall, Jubilee wood 1989, Электронный ресурс]. Местоимение *nothing* может демонстрировать пустое, неконкретное пространство действий, указывая на отсутствие желания героя совершить что-либо.

Таким образом, **неопределенность пространства** в художественных текстах выражена неопределенными местоимениями *nothing, everything*. *Nothing* указывает на пустоту, демонстрируя желание бездействия героя, а *everything* – на наличие неопределенного материального окружения. Эти примеры мы встретили в прозе Хассала, что намечает перспективу даль-

нейшего исследования идиостиля данного прозаика, но, к сожалению, не входит в задачи нашего исследования.

В художественных текстах присутствует возможность такого выражения неопределенности как отсутствие чего-либо, например лица. В работе предлагается назвать такие случаи «условным отсутствием» чего-либо, так как в реальности лица, предметы и тому подобное физически могут присутствовать. К разновидностям «условного отсутствия» в художественных текстах относятся «условное отсутствие лица/лиц», «условное отсутствие предмета/ов».

Обратимся к выяснению возможностей маркирования **условного отсутствия лица/лиц** в семантике неопределенных местоимений, функционирующих в художественных текстах. «Условное отсутствие лица» способны показать следующие местоимения: *no, no one, nobody*. Рассмотрим подробно семантику каждого из названных местоимений.

No в художественных текстах имеет значение «никакой», также имеет отрицательное значение «не»:

... *She laughed again. "A balcony" she said, "but no Romeo" She took me to a corner where a miniature chest stood on a table* [Beechey, The reluctant Samaritan 1991, Электронный ресурс]. Здесь имеется в виду присутствие другого человека, который не может сравниться с шекспировским Ромео, появившемся на балконе Джульетты (*A balcony" she said, "but no Romeo"*). Это случай условного отсутствия лица, так как имеет место присутствие другого лица.

Местоимение *no one* может в художественных текстах указывать на «условное отсутствие» лица, обладает значением «никто»:

... *He asks around at shops and tea houses, but no one recalls having seen Gregory, or better, they recall having seen a lot of young men who could have been Gregory* [Oberndorf, Writers of the Future 2010, Электронный ресурс]. Условное отсутствие лица выражено в том, что на самом деле люди присутствовали, но их реакция на вопросы персонажа текста не помогала, а

усложняла его поиск (*but no one recalls having seen Gregory, or better, they recall having seen a lot of young men who could have been Gregory*).

Семантика местоимения **nobody** может также выражать «условное отсутствие» лица и имеет значение «никто»:

... *Palmberg started, and stared, and threw up both hands as if to ward off an accident. At first nobody understood what it was* [Nilson, Palmberg, who took out death in advance 1995, Электронный ресурс]. Как и в предыдущих случаях, мы имеем дело с условным отсутствием лиц. На самом деле люди присутствовали, но неопределенное местоимение *nobody* подчеркивает специфику реакции окружающих людей на действие персонажа текста (*At first nobody understood what it was*).

Итак, «условное отсутствие» лица в художественных текстах могут указать своей семантикой неопределенные местоимения ядра: «никакой» (**no**), «никто» (**no one, nobody**). И именно условность выражена в том, что люди все же присутствуют в описываемых ситуациях. Однако их реакции на происходящее не соответствуют ожиданиям персонажей текстов [См.: Попова, Самарина 2017].

В художественных текстах на английском языке неопределенные местоимения ядра могут выразить «условное отсутствие» предмета/ов. К числу таких местоимений относится **no**.

Неопределенное местоимение **no** указывает на отсутствие предмета/ов, выражая значение «никакой». При этом в текстах маркируется как отсутствие одного предмета, так и предмета из группы:

... *A window. There must have been a window. "Why? If he really wanted to keep this room a secret, having no window onto the outside would be the best way, surely?"* [Wingrove, Chung Kuo book one: the Middle Kingdom 1989, Электронный ресурс]. На самом деле в данной ситуации окно как предмет, объект действительности присутствует. Но употребление местоимения **no** позволяет выразить тайный замысел героя произведения (*If he really wanted to*

keep this room a secret, having no window onto the outside would be the best way, surely?).

Итак, «условное отсутствие» предмета/ов маркирует семантикой «никакой» в художественных текстах неопределенное местоимение ядра *no*. В этом случае в англоязычной прозе имеет место представленность условного отсутствия предмета, объекта действительности. Подобным образом автор произведения может выражать тайные намерения персонажа текста.

Особое место среди неопределенных местоимений занимает ядерное местоимение *nothing*. Оно может использоваться как **отрицание общего плана**, выражающее значение «ничего»:

*... it is not for myself I speak but for you, not for myself I mourn but for the waste of all that generosity, when they pour those words over you, character, generosity, warmth, looking sad, shedding tears, putting on a brave face, saying don't pay any attention to me, or, it's **nothing**, forget it...* [Josipovici, The big glass 1991, Электронный ресурс]. Использование местоимения *nothing* в тексте позволяет выразить желание персонажа создать противопоставление описываемой картине своего поведения, когда человек блокирует свое объяснение, прерывает его, стараясь спрятать свои чувства (*or, it's nothing, forget it*).

Следовательно, в художественных текстах отрицание общего плана выражает семантикой «ничего», «ничто» неопределенное ядерное местоимение *nothing*. Оно используется в англоязычной прозе в том случае, когда персонаж текста желает прекратить дальнейшее общение.

Целесообразно представить в виде сводной таблицы возможности репрезентации видов неопределенности и «условного отсутствия» исследуемых местоимений ядра в английских художественных текстах (см. табл. 4).

**Репрезентация видов неопределенности
 посредством семантики неопределенных местоимений ядра
 в английских художественных текстах**

Виды неопределенности	Значения неопределенных местоимений ядра в английских художественных текстах
1. Неопределенность лица/лиц	Some («некоторые»), someone («кто-то», «кто-нибудь»); somebody («кто-то», «кто-нибудь»), any (of) («любой», «какой-то», «кто-нибудь»); anyone («кто-нибудь», «кто-либо»), anybody («кто-нибудь», «кто-то»), every («каждый», «любой»), everybody («все»), everyone («все», «каждый», «всякий»).
2. Неопределенность предмета/ов	Some (of) («некоторые из», «несколько»), something («что-нибудь», «что-то»), any (of) («любой», «что-то», «что-нибудь», «никакой»), anything («что-то», «что-нибудь»), every («каждый», «любой»).
3. Неопределенность пространства	Nothing («ничто», «ничего»), everything («все»).
4. «Условное отсутствие» лица/лиц	No one («никто»), no («никакой», «не»), nobody («никто»).
5. «Условное отсутствие» предмета/ов	No («никакой»)
6. Отрицание общего плана	Nothing («ничто», «ничего»)

Итак, в англоязычной художественной прозе неопределенные местоимения ядра установленного нами семантического поля используются для того, чтобы показать неуверенность персонажей текстов, их оценку создав-

шейся ситуации, их тайные и явные намерения. Основным фактором здесь выступает присутствие условности, обобщения и неопределенности в оценке создавшейся ситуации повествования.

2.2 Семантическая представленность неопределенных местоимений периферии и границы семантического поля неопределенности в художественных текстах

Обратимся к анализу местоимений периферии. В художественных текстах неопределенные местоимения периферии маркируют следующие виды неопределенности:

1. Неопределенность лица/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.
3. Неопределенность количества.
4. «Условное отсутствие» лица/лиц.
5. «Условное отсутствие» предмета/ов.

Каждый случай рассмотрим отдельно.

У местоимения **all** в художественных текстах указание на **неопределенность лица/лиц** осуществляется с помощью значения «все»:

... *They have all slept in their clothes under the one permitted blanket. They sleep in their socks and their trousers and their tunics, and still the cold bites them...* [Hale, Guilty parties. Street, Pamela 1990, Электронный ресурс] – [См.: Самарина 2013]. В данном случае имеет место неопределенность лиц в виде отсутствия конкретики описания в деталях. Местоимение *all* способно указать на то, что для повествования подобное обобщение в номинации действующих лиц важно как деталь показа общей картины событий (*They have all slept in their clothes under the one permitted blanket*).

Местоимение **either (of)** в исследуемых текстах своими значениями «любой», «каждый», «один из», «какой-нибудь» выражает семантику неопределенного лица:

... *Maggie, who had never learned such useful arts from **either of** the women who had brought her up, had to be shown what was required, but soon the smooth rhythm of one woman winding and the other co-operating by swinging her hands in and out as the thread unwound, pleased and comforted her* [Maitland, Three times table 1990, Электронный ресурс] – [См.: Самарина 2013]. Неопределенность в виде отсутствия конкретики упоминаемых героиней лиц (женщин, воспитавших ее) подчеркивает малую роль, которые сыграли эти лица в жизни персонажа (*who had never learned such useful arts from either of the women who had brought her up*).

На неопределенность лица указывает значение «каждый в отдельности» у местоимения **each**.

... *Two men have come up behind us. **Each** carries three feet of chain. The men's faces look familiar: they were with Dirkin on the night that we first met* [Maitland, Three times table 1990, Электронный ресурс] – [См. Самарина 2013]. В этом случае местоимение *each* используется в тексте для выражения обобщенного характера описания людей (*Each carries three feet of chain*).

Итак, в художественных текстах неопределенность лица выражается значениями следующих местоимений периферии: «все» (**all**), «любой», «каждый», «один из» (**either**), «каждый в отдельности» (**each**). При этом их употребление в художественных текстах способствует выражению незначительности для всего повествования описания этих лиц.

Неопределенность предметов присутствует в значении «каждый в отдельности», выражаемый местоимением **each(of)** в художественных текстах:

... *That should shake the audience to attention, she thought, as she picked up the first book. She ran through the first few pages of **each of** the paperbacks, her mouth falling open as she read. Really, the ideas that some people had!* [Forrester, The latchkey kid 1990, Электронный ресурс]. Неопределенное местоимение *each of* в художественном тексте может показать детализацию описания предметов, в этом случае страниц в книге (*She ran through the first few pages of each of the paperbacks*).

У неопределенного местоимения *all (of)* тоже наблюдается значение «все», которое показывает **неопределенность нескольких предметов**.

...“*All of these letters?*” asked Mr Disturnal, waving his hand around the court, which seemed to have been turned into a scriptorium. “No, sir, not *all*” [Barnes, Arthur & George 2007, Электронный ресурс]. Это местоимение в тексте своим употреблением подчеркивает обобщенность описания предметов, в данном примере общее представление обо всех письмах, выделяя их многочисленность (...“*All of these letters?*” asked Mr Disturnal, waving his hand around the court, which seemed to have been turned into a scriptorium).

Значения «оба», «обе» отмечается у местоимения *both (of)* в художественных текстах:

... *They celebrated in the cavernous vicarage kitchen with a shop pork pie and a bottle of local cider, both of which later gave five-day-old Luke colic. To The Friends, Anna's life in a slum had radical chic. Eleanor's husband had secured his first lectureship, and her first novel had been acclaimed in literary circles* [Trollope, The rector's wife 1992, Электронный ресурс]. Неопределенное местоимение *both of* может употребляться в тексте и как средство экономии языка, замены предшествующего перечня предметов (*with a shop pork pie and a bottle of local cider, both of which later gave five-day-old Luke colic*).

Проанализировав семантику неопределенных местоимений периферии, перечень которых был дан выше, мы установили, что они указывают на неопределенность как одного предмета, так и нескольких предметов посредством значений: «каждый» (*each*), «все» (*all*), «оба, обе» (*both (of)*), указывая при этом на большой объем их количества, передавая возможность более детального их описания.

Неопределенность количества, присутствующая в семантике неопределенных местоимений периферии, может иметь место в художественных текстах. Неопределенность большого количества отмечается в значении «много», «большинство», «насколько» у местоимений *much, many (of)*:

... *He wrote his beautiful long poem, Venus and Adonis, for his friend Lord Southampton, and he wrote **many of** his famous short poems, the Sonnets* [Bassett, The life and times of William Shakespeare 1993, Электронный ресурс].

... *Terry was disappointed to find so **many of** his friends scattered and his family with so little free time to spend with him* [Murphy, A nest of singing birds 1993, Электронный ресурс].

Местоимение **many (of)** в художественном тексте указывает на большой объем предметов – поэтических произведений (*and he wrote many of his famous short poems, the Sonnets*), большое количество друзей (*many of his friends scattered*) без дополнительной конкретики, отображая желание персонажа не высказываться по этому случаю подробно.

... *She winced, surprised to find how **much** she was hurt by the stinging acid in his voice, even though she knew she'd brought it on herself* [Richmond, Winter challenge 1993, Электронный ресурс]. В этом случае местоимение **much** способно в художественном тексте продемонстрировать опять же без конкретики высокую степень проявления каких-либо эмоций персонажей текста (*surprised to find how much she was hurt by the stinging acid in his voice*).

Неопределенность малого количества передают неопределенные местоимения периферии. К числу таких местоимений относится местоимение **little (of)** в значении «мало»:

... *He had met Rose, recognised what she was, and guessed why she was going up West, and what for, and he was suddenly certain that while McAllister might be a member of a sophisticated society she knew **little of** the world that Rose Bailey lived in* [Richmond, An American princess 1993, Электронный ресурс].

Местоимение **little of**, в данном случае, передавая своей семантикой малое количество знаний персонажа об окружающем мире, выделяет без дополнительной конкретики его неопытность и неосведомленность (*while McAllister might be a member of a sophisticated society she knew little of the world*).

Неопределенное местоимение **a little** функционирует в значении «немного»:

... *But there was trouble in my family. Father didn't work very hard and he drank a little* [West, Tess of the d'Urbervilles 1989, Электронный ресурс]. В художественном тексте данное неопределенное местоимение раскрывает нежелание персонажа подробно излагать неприятные для него события из прошлого (*Father didn't work very hard and he drank a little*).

Значение «мало» отмечается у местоимения *few* и значение «несколько» у местоимения *a few*:

... *"We shall do our best, of course, to hold the Residency against them, but the chances are that we are now too few to be able to do so"* [Farrell, The siege of Krishnapur 1988, Электронный ресурс].

... *There's a sensation of well-tailored black uniforms rustling in the room and I get the impression from the general atmosphere and a few exchanged looks that this is a contentious point* [Banks, Complicity 1993, Электронный ресурс].

... *She just wanted to hear her hero's lovely voice, see those flashing eyes and bolster up her imagination with a few of his telling phrases about "El Amor"* [Ashe, Sweet deceiver 1993, Электронный ресурс].

В художественной прозе местоимения *few, a few* могут показать нерешительность персонажа, отсутствие определенного мнения по поводу его дальнейших действий. Возможно, именно в этом случае неопределенность, малое количество демонстрируют отсутствие конкретики, которое не столь важно для развития последующего повествования (*a few exchanged looks – несколько взглядов, a few of his telling phrases – несколько фраз*).

Итак, неопределенные местоимения периферии в художественных текстах при маркировании неопределенности количества обладают следующими значениями: «много», «большинство», «несколько» (*much, many (of)*), «мало» (*little (of), few*), «немного» (*a little*), «несколько», «немного» (*a few*). Они используются в художественных текстах для того, чтобы завуалировать конкретику, скрыть намерения персонажа текста.

На «условное отсутствие» лица указывает значение «никто» или «никто из» у местоимения *none (of)*, используемого в художественных текстах.

... *It was a pity that **none of** the Scandinavian allies were willing to co-operate with the scheme* [Cave, Foxbat 1979, Электронный ресурс]. Данное местоимение используется для показа отсутствия лиц, не захотевших сотрудничать (*that none of the Scandinavian allies were willing to co-operate*). Но на самом деле такие люди существуют в действительности, поэтому мы предлагаем снова использовать термин «условное отсутствие».

Неопределенное местоимение **neither (of)** в художественных текстах также может номинировать «условное отсутствие» лица, обладая теми же значениями, что и **none of**:

... *And there she sat in silence beside her daughter for a full minute; and **neither of** them spoke* [Cookson, The house of women 1993, Электронный ресурс]. И в этом случае персонажи текста присутствуют в ходе событий (*her daughter for a full minute; and neither of them spoke*). В художественных текстах семантика неопределенных местоимений **none, neither** может указывать на «условное отсутствие» одного лица или группы лиц, репрезентируя неопределенность.

Местоимение **none (of)** в художественных текстах обладает значениями «никакой», «никакой из» и маркирует «условное отсутствие» предмета из группы:

... ***None of** her letters were answered...* [So very English, 1990, Электронный ресурс]. В действительности письма присутствовали, но именно данное местоимение подчеркивает в тексте, что все письма оказались без ответа (... *None of her letters*).

Что касается неопределенного местоимения **neither**, то оно обладает значениями «никакой», «никакой из»:

... *He sat at the kitchen table. On the table was that day's newspaper, and the previous day's, **neither** unfolded* [Seymour, Condition black 1991, Электронный ресурс]. Местоимение **neither** используется в тексте для того, чтобы показать наличие нескольких предметов (*that day's newspaper, and the previous day's*), отсюда в текстах имеет место условное отсутствие предмета. Именно

данное местоимение подчеркивает отсутствие дальнейшего действия с этими предметами (*neither unfolded*).

Полученные результаты представлены в таблице 5.

Таблица 5

**Репрезентация видов неопределенности
посредством семантики неопределенных местоимений периферии
в английских художественных текстах**

Виды неопределенности	Значения неопределенных местоимений периферии в английских художественных текстах
1. Неопределенность лица/лиц	All («все»), each («каждый» в отдельности), either (of) («любой», «каждый», «один из», «какой-нибудь»).
2. Неопределенность предмета/предметов	Each («каждый»), all («все»), both (of) («оба», «обе»).
3. Неопределенность количества	(a) Little («немного»), little (of) («мало»), much («много», «насколько»), many (of) («много», «большинство»), few («мало»), a few («немного», «несколько»).
4. «Условное отсутствие» лица/лиц	None (of) («никто из»), neither (of) («никто», «никто из»).
5. «Условное отсутствие» предмета/ов	None (of) («никакой из»), neither (of) («никакой», «никакой из»).

Итак, данные местоимения употребляются для демонстрации отсутствия конкретики с целью скрыть намерения персонажей текста, их желания совершать действия в ходе дальнейшего развития линии повествования.

Неопределенные местоимения, находящиеся на **границе семантического поля** в английских художественных текстах репрезентируют такие виды неопределенности, как:

1. Неопределенность лица,/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.

Неопределенность лица/лиц выражает неопределенное местоимение *other*, которое имеет значение «другой, другие»:

...“*Vitally urgent you remain in closest contact with downed plane Stop will join you earliest in the morning Stop Hawkins. Isn't that the Vice-Admiral, sir?*” None *other* [MacLean, Santorini 1987, Электронный ресурс]. Использование этого местоимения с другим местоимением *none* в художественном тексте подчеркивает уверенность автора текста в констатации факта присутствия определенного лица (*Isn't that the Vice-Admiral, sir?*” None *other*). И в тексте это выражается в качестве противопоставления предыдущей номинации лица.

Неопределенное местоимение *another* для репрезентации неопределенности лица выражает значения «другой», «еще один».

...“*How grateful we all are to you! Why, she's the girl we waved to just now!*” cried one of the Brownies, gazing hard at Brenda “*Yes, she is!*” exclaimed *another* [Cole, The lady killer 1993, Электронный ресурс]. Употребление местоимения *another* способствует опять же подтверждению со стороны автора текста констатации факта присутствия определенного лица (“*Yes, she is!*” exclaimed *another*). Неопределенность лица отображена в отсутствии уточнения автора высказывания.

Неопределенность нескольких предметов может эксплицировать местоимение *other* в значении «другой», «другие» в исследуемых текстах.

... *Fractions of the house had brown bricks and other sections had been painted a honey color. Some of the windows were square and others were circles. It was really unusual...* [Ahern, If you could see me now 2006, Электронный ресурс]. Здесь демонстрируется неопределенность предметов в противопос-

тавлении к предшествующим предметам. Данное местоимение используется для выражения экономии языка (*Fractions - other sections*).

Неопределенное местоимение *one (of)* имеет значение «один (из)». Также оно рассматривается либо как слово-заместитель вместо имени существительного для того, чтобы не дублировать его, либо как «местоимение с обобщенным значением», которое употребляется для описания в общем смысле, особенно с модальными глаголами (*generic one*).

...*One would think you intended her for something more than your waiting mai.* [Richardson, Pamela, or, The reform of a rake 1987, Электронный ресурс] – [См.: Самарина 2013].

...*Well, he could look around in time. As for marriage, yes, he fancied that. A wife and some kids, a family. What men didn't have that urge? Some, of course, but he wasn't one of them. Ivy Williams, a shopkeeper's daughter, twenty years old, was a very nice girl* [Staples, Sergeant Joe 1992]. Обобщенность, сочетающаяся с неопределенностью перечисления конкретных лиц, подчеркнута в тексте и употреблением другого неопределенного местоимения *some* (*Some, of course, but he wasn't one of them*). Это обобщенное мнение принадлежит автору-повествователю, но именно использование отрицания помогает выделить персонаж и противопоставить его другим лицам, которые выражают общепринятое мнение.

Итак, находящиеся на границе поля местоимения *other, another, one* в английских художественных текстах своей семантикой могут выражать неопределенность лица/лиц. Неопределенность одного и нескольких предметов может подчеркивать местоимение *other* в значении «другой», «другие» в текстах данной стилистической направленности.

Полученные результаты представлены в таблице 6.

Репрезентация видов неопределенности посредством семантики неопределенных местоимений, находящихся на границе поля в английских художественных текстах

Виды неопределенности	Значения неопределенных местоимений, находящихся на границе поля в английских художественных текстах
1. Неопределенность лица, лиц	Another («другой», «еще один»), other («другой», «другие»), one («один из», описание в общем смысле).
2. Неопределенность предмета/ов	Other («другой», «другие»).

Специфика использования повествователем художественного текста данных неопределенных местоимений имеет своей целью подчеркнуть противопоставление обыденности, особую характеристику персонажей.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Вопрос о стилях языка и стилях речи является одним из наиболее сложных, неразработанных и спорных в стилистике литературного языка. На сегодняшний день существует множество подходов о выделении основных функциональных стилей, где отмечаются как их общие черты, так и различные вариации выделения этих стилей.

Художественный стиль речи представляет собой сложное единство разнородных черт, отличающих его от всех других стилей современного английского литературного языка. Он допускает использование элементов других стилей, что ставит его в несколько особое положение по отношению к другим речевым стилям.

В работе выявлены возможности репрезентации семантической категории неопределенности посредством неопределенных местоимений английского языка в художественных текстах. В текстах данной стилистической направленности неопределенные местоимения ядра (*some, any, every, no* и их производные) передают своей семантикой следующие виды неопределенности:

1. Неопределенность лица/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.
3. Неопределенность пространства.
4. «Условное отсутствие» лица/лиц.
5. «Условное отсутствие» предмета/ов.
6. Отрицание общего плана.

Неопределенные местоимения периферии (*much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each, none*) в английских художественных текстах представляют такие разновидности неопределенности, как:

1. Неопределенность лица/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.

3. Неопределенность количества.
4. «Условное отсутствие» лица/лиц.
5. «Условное отсутствие» предмета/ов.

Неопределенные местоимения (other, another, one), находящиеся на границе поля, в художественных текстах на английском языке демонстрируют неопределенность следующего вида:

1. Неопределенность лица/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.

Таким образом, вышеперечисленные и ранее проанализированные виды неопределенности ядра, периферии и границы поля показали зону синкретизма, проникновение в эти зоны одних и тех же видов, которые приобретают разные по смысловой нагрузке функции в зависимости от стилистического и прагматического факторов.

По этой же причине, рассмотренные нами разновидности неопределенности ядра, периферии и границы поля в условиях разных контекстов через синонимику, вариативность приобретают разнообразные квалифицирующие оценки как в направлении интенсификации, (т.е. экспрессивности, образности), так и для выражения неопределенности, неясности, приблизительности, обобщенности.

ГЛАВА 3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОПРЕДЕЛЕННЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В АНГЛИЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

3.1 Семантика неопределенных местоимений ядра семантического поля неопределенности при их употреблении в публицистических текстах

В системе речевых стилей современного английского языка примерно с середины XVIII века начал обособляться особый стиль, который называют *публицистическим*. Как и другие речевые стили, он неоднороден. Выделяются две его разновидности: *письменная и устная*. К письменной разновидности публицистического стиля относится язык эссе, газетных статей, журнальных статей литературно-критического и общественно-политического характера, памфлеты, очерки и пр. К устной разновидности – стиль ораторской речи, а в последнее время также обзоры радиокomentаторов.

Публицистический стиль занимает специфическое место в системе стилей литературного языка, поскольку во многих случаях он должен перерабатывать тексты, созданные в рамках других стилей. Если научная и деловая речь ориентированы на интеллектуальное отражение действительности, а художественная речь – на ее эмоциональное отражение, то публицистика играет особую роль – она стремится удовлетворить как интеллектуальные, так и эстетические потребности [Гальперин 1981].

Из вышесказанного следует, что данный стиль занимает промежуточное место между стилем научной прозы и стилем художественной речи. Со стилем научной прозы его сближает логическая последовательность в изложении фактов, развернутость высказывания, более или менее строгое деление на логические отрезки. С другой стороны, публицистический стиль имеет ряд общих черт со стилем художественной речи. Образность речи и в особенности эмоциональные элементы языка, весьма характерны и для пуб-

лицистического стиля. Средства эмоционального воздействия, применяемые в публицистическом стиле, подчиняясь общим его закономерностям, не обладают той свежестью и субъективной окрашенностью, которые характерны для стиля художественной речи.

В публицистическом стиле образность речи носит устоявшийся характер. Метафоры, сравнения, перифразы и другие средства эмоционального воздействия берутся из общего языкового фонда выразительных средств. Другая черта, сближающая этот стиль со стилем художественной речи, – это проявление индивидуального в изложении содержания.

Третья черта публицистического стиля – краткость изложения. В некоторых его разновидностях она приобретает характер особого приема.

Главная функция публицистического стиля, отличающая его от других речевых стилей, может быть сформулирована следующим образом: воздействие на читателя или слушателя с целью убедить его в правильности выдвигаемых положений или вызвать в нем желаемую реакцию на сказанное не столько логически обоснованной аргументацией, сколько силой, эмоциональной напряженностью высказывания, показом тех черт явления, которые наиболее эффективно могут быть использованы для достижения поставленной цели.

Есть и еще одна важная функция, присущая данному стилю, – информационная. Специфика информационной функции в публицистическом стиле заключается в характере информации, ее источниках и адресатах. Информация в публицистических текстах не только описывает факты, но и отражает мнения, настроения, содержит комментарии и размышления авторов. Автор публицистического текста стремится писать о том, что вызывает интерес у определенных общественных групп, выделяя те стороны жизни, которые важны для его читателей [Лазуткина 2008].

Кроме информационной и воздействующей, тексты публицистического стиля, конечно же, выполняют и все остальные присущие языку функции:

– коммуникативную;

- экспрессивную;
- эстетическую.

Публицистический текст рассматривается как целенаправленное социальное действие, поскольку он обязательно имеет идеологический модус и предполагает общественную значимость. Он всегда включается в идеологическую коммуникативную ситуацию и является составной частью публицистического дискурса, понимаемого как воздействующий тип дискурса.

Так как в современной лингвистике утверждается **коммуникативный подход** к изучению текста как речевой единицы, то текст понимается не только как высший уровень языковой иерархии, но и как речевое произведение адресанта, направленное адресату. Коммуникативное намерение автора-публициста – убедить читателя в правильности авторского видения, авторской трактовки действительности. И весь публицистический текст организуется под контролем этой глобальной авторской интенции.

Специфика массово-коммуникативных процессов в целом и публицистической коммуникации в частности заключается в том, что, в отличие от других видов социальной коммуникации, они предполагают обязательное опосредование процесса взаимодействия автора и аудитории с помощью текста. Этот фактор обуславливает особую сложность создания публицистического текста, в который автор должен заложить максимальный потенциал для эффективной коммуникации – ведь другой возможности скорректировать взаимодействие не представится.

Коммуникативность публицистического стиля состоит в том, что его тексты создаются не для внутреннего пользования и не для единственного адресата, а для широкой аудитории. Коммуникация предполагает и обратную связь – ответ адресата. Для данного стиля обратная связь наиболее явно осуществляется в ситуации публичной дискуссии. Для газеты или журнала обратной связью являются письма читателей, ответы должностных лиц, статьи, присылаемые в ответ на предыдущие публикации. Писатель-публицист, журналист «ведет разговор» с многомиллионной аудиторией

на актуальные и общественно важные проблемы, обсуждает текущие события, анализирует обстановку и прогнозирует дальнейшее течение процессов [Лазуткина 2008].

Что касается экспрессивной функции языка, которая также реализуется в текстах публицистического стиля, то она позволяет автору выразить свои чувства. Как отмечает Б. Тошович, экспрессивность как категория образует сложный соотносительный круг с другими близкими категориями. Это корреляционные пары:

- экспрессивное/эмоциональное;
- экспрессивное/стилистическое;
- экспрессивное/выразительное;
- экспрессивное/образное;
- экспрессивное/коннотативное;
- экспрессивное/эстетическое [Тошович 2006].

Публицистический текст обычно ярко отражает личность автора, отличается явно выраженным и эмоционально окрашенным отношением автора к излагаемым фактам. Эстетическая функция публицистического текста представляет собой установку автора на то, чтобы сообщение своей формой в единстве с содержанием удовлетворяло эстетическое чувство адресата.

Перечисленные выше функции определяют основные требования культуры речи, предъявляемые к произведениям публицистического стиля [Солганик 2007].

Отметим основные стилевые черты современного публицистического стиля, при помощи которых осуществляются его основные функции:

- образность, выразительность;
- поиск новых языковых средств;
- открытое выражение авторской позиции;
- широкое использование устоявшихся речевых оборотов;
- огромная роль ключевых слов, характерных для определенной эпохи, идейного направления;

- сочетание логики и экспрессии;
- индивидуальность;
- избегает штампов, канцеляризмов, клише;
- жанровое разнообразие: передовые статьи, очерки, фельетоны, репортажи, интервью;
- использование как монологической, так и диалогической речи;
- ориентированность на мысль, факт, документ;
- массовость, доступность, демократичность;
- подчеркнутость авторского Я [Кожина 2008].

Образность и выразительность речи достигаются за счет:

- экспрессивности;
- эмоциональности;
- метафоричности;
- оценочности;
- использования риторических фигур [Там же].

Итак, публицистический стиль речи представляет собой функциональную разновидность литературного языка и широко применяется в различных сферах общественной жизни: в газетах и журналах, на телевидении и радио, в публичных политических выступлениях, в деятельности партий и общественных объединений в основном с целью информирования, передачи общественно значимой информации с одновременным воздействием на читателя, слушателя, убеждением его в чем-то, внушением ему определенных идей, взглядов, побуждением его к определенным поступкам, действиям.

Для рассмотрения репрезентации неопределенности посредством неопределенных местоимений, функционирующих в публицистических текстах, проанализируем **местоимения ядра: *some, any, every, no* и их производные.** В нашей работе были использованы следующие источники. Это газеты и журналы на английском языке из корпуса примеров BNC: «Amnesty International», «Articles from Practical PC», «Autocar and Motor», «BBC Good

Food», «Best», «Climber and Hill Walker», «Esquire», «The Face», «Country Living», «Gardeners' World», «The Daily Telegraph», «The Economist», «The Guardian», «The Independent», «The Liverpool Echo & Daily Post», «The Northern Echo», «The Daily Mirror», «Today» и т.д. За рамки нашего исследования выходит ряд вопросов, который требует отдельного рассмотрения, а именно: выяснение специфики функционирования неопределенных местоимений в разных видах публицистических текстов, что, вне сомнения, составляет одно из направлений в перспективе дальнейшего анализа семантики неопределенных местоимений английского языка.

Необходимо отметить тот факт, что анализ примеров показал наличие большого количества разновидностей неопределенности, приносящих в тексты разные смысловые значимости:

1. Неопределенность лица/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.
3. Неопределенность количества.
4. Неопределенность событий.
5. Неопределенность деятельности, условий деятельности.
6. Неопределенность способа действия.
7. Неопределенность окружения.
8. Неопределенность информации.
9. Неопределенность времени.
10. Неопределенность явления.
11. Неопределенность пространства.
12. «Условное отсутствие» лица/ц.
13. «Условное отсутствие» предмета/ов.
14. «Условное отсутствие» действия, деятельности.
15. «Условное отсутствие» информации.

Неопределенное лицо может маркироваться значениями следующих неопределенных местоимений: *some, someone, somebody, any, anyone, anybody, every, everybody, everyone, no, no one, nobody.*

Неопределенное местоимение *some* показывает неопределенность нескольких лиц, обладая значениями «некоторые», «кто-то»:

... *Some will be joining in the workshops, which are led by Eugene Skeef, a South African musician/poet who worked closely with Steve Biko* [The Liverpool Daily Post and Echo, Arts material, Электронный ресурс]. Неопределенность лиц в публицистических текстах демонстрирует лишь намерения этих лиц совершить в будущем тот или иной поступок (... *Some will be joining*).

Местоимение *someone* указывает на неопределенность одного лица, обладая значением «кто-то»:

... *"I thought someone was playing a joke, Hill pleaded" – failed to douse his passion for lighting up, and the BBC's voice of football reason contravened the ground regulations for 90 minutes* [The Independent, Sport material, Электронный ресурс]. Неопределенность одного лица выражает незнание автора этого лица, который совершил описываемое действие (... *"I thought someone was playing a joke*).

Наряду с этим случаем в текстах присутствует экспликация неопределенности одного лица посредством значения «кто-нибудь, кто...»:

... *You show me someone who says they come from such a set-up and I will show you a very clever liar* [The Guardian, Social material, Электронный ресурс]. Данный случай демонстрирует так называемый переход от неопределенности к определенности, т.к. здесь имеет место некоторое уточнение (*who says they come from such a set-up*).

Somebody отражает неопределенность одного лица, имея значение «кто-нибудь»:

... *Modus was a modality on a bequest, which differed from a condition. An example may help: property could be left to somebody on condition that he did something* [The Guardian, Social material, Электронный ресурс]. Неопределенность лица подчеркивает обобщенный характер приводимого примера (*An example may help: property could be left to somebody on condition that he did something*).

... *I am a singer. I would like to do something classical but I can't. It's too late to train. I was once introduced to Sir **somebody**, David Webb I think, who was in charge of the Opera House. "God, I see you as a Carmen," he said* [The Independent, Living material, Электронный ресурс]. Незнание конкретного лица, с которым помогли познакомиться (*I was once introduced to Sir **somebody**, David Webb I think*) выражает в тексте процесс размышления персонажа публицистического текста. Присутствие дихотомии в виде перехода от неопределенности к определенности оказывает влияние на возможность использования местоимения **somebody** для номинации неопределенного лица, которое конкретизируется в последующем контексте: *Sir somebody* – господин N.

Неопределенное местоимение **any (of)** эксплицирует неопределенность нескольких лиц, обладая значением «некоторые из»:

... *After hearing a summary of evidence, the magistrate will decide whether to commit all or **any of** the defendants to trial at Crown Court. The hearing is expected to last a week* [Central television news scripts, Электронный ресурс]. Данное местоимение используется в публицистическом тексте для маскировки конкретики, этому помогает и дополнительное употребление местоимения *all (to commit all or any of the defendants to trial at Crown Court)*.

Неопределенность одного лица в публицистических текстах может демонстрировать местоимение **anyone**, выражая значение «кто-то, кто-нибудь»:

... *If the track is a public right of way, Dave should report the incident to the local highway authority, although some districts and parishes have powers to maintain footpaths and bridleways and to take action if **anyone** obstructs them* [Running 1991, Электронный ресурс]. Как и в предыдущих случаях, местоимение *anyone* выражает обобщенный смысл без конкретного указания лица (*if anyone obstructs them*).

Оно же указывает на неопределенность нескольких лиц, имея значение «все»:

... *The success rate was way above **anyone's** expectations. Of 34 patients followed throughout the year, only two seemed to have no response to the healing* [Harpers & Queen 1999, Электронный ресурс]. Употребление местоимения *anyone's* отображает общепризнанность полученного успеха (*The success rate was way above anyone's expectations*).

Отражение дихотомии *определенности/неопределенности* мы находим в текстах у местоимения **anyone** со значениями «тот, кому», «тем, кому», «все, кому»:

... *Anyone who has had to reglue chairs will be painfully aware of this fact. A crossmember between these two braces helps; people frequently put their legs back under their cohair seats, and a cross brace between the front legs would be in the wax* [Woodworker 1991, Электронный ресурс]. Данный случай демонстрирует некий переход от неопределенности к определенности. С одной стороны любой (*Anyone*), а с другой стороны, выступает конкретизация (*who has had to reglue chairs*). Здесь также имеет место дихотомия неопределенности и определенности, которая выражает обобщенный характер высказываемого суждения.

Кроме этого, **anyone** может иметь значения «кто-то», «кто-нибудь»:

... *"Has anyone seen a piece of A4 I left by the phone with all my ideas on it... It's all right, I'll answer it!"* [She 1989, Электронный ресурс]. В этом случае мы сталкиваемся с традиционным употреблением данного местоимения в вопросе. Здесь ставится вопрос с целью выяснить обстоятельства дела (*Has anyone seen a piece of A4 I left by the phone with all my ideas on it...*).

Anybody в публицистических текстах отражает как неопределенность одного лица, так и нескольких лиц, выражая значения «кто-нибудь», «все», «каждый»:

... *There are some production hiccups that still need sorting and the setup should be better, but it's generally well-built, highly individual to look at and I'd recommend it to anybody just for the wonderful mixture of filth, jangle and clang that the pickups provide* [Guitarist, Электронный ресурс]. Употребление этого

местоимения подчеркивает значимость высказываемых рекомендаций для лиц в обобщенном плане (*I'd recommend it to anybody*).

В последующем примере неопределенность лица за счет употребления местоимения *anybody* имеет значения «все», «любой», «каждый кто»:

... *Anybody guilty of deliberate, dangerous play should, of course, be sent off, with his team having to play short-handed* [Rugby World and Post 1991, Электронный ресурс]. *Anybody* выражает приемлемость высказываемых суждений для ряда лиц без особой конкретики. Это опять случай сочетания неопределенности и определенности (... *Anybody guilty of deliberate, dangerous play should, of course, be sent off*) и данное сочетание выступает показателем обобщенности значения всего суждения.

На неопределенность группы лиц, в публицистических текстах указывает местоимение *every*, выражая значения «каждый», «любой»:

... "*Every team wants to beat Celtic, so the opening 20 minutes of any game is frantic*" [The Northern Echo, Leisure material, Электронный ресурс]. Употребление данного неопределенного местоимения в тексте показывает высокую значимость желаемой победы спортсменов (... "*Every team wants to beat Celtic*).

В следующем примере присутствует экспликация неопределенности одного лица посредством значения «каждый» и последующей конкретизации в контексте:

... *The new Bill, who goes before Parliament on November 16, says unions will also have to give written notice to employers of every worker who will be called on to take industrial action* [The Liverpool Echo & Daily Post 1993, Электронный ресурс]. Конкретика выступает в последующем контексте (*who will be called on to take industrial action*). И имеется в виду вся группа подозреваемых в данных действиях рабочих.

Производное местоимение *everybody* маркирует неопределенность лиц, обладая значением «все»:

... “*He has only got photographs of her and what **everybody** has told him*” said Helen. After looking forward to being present at Sophie's birth, David was crestfallen. He was past himself,” said Helen [The Northern Echo; Leisure material, Электронный ресурс]. Использование данного местоимения указывает на скрытие источника информации (*what everybody has told him*).

Заметим, что данное местоимение в публицистических текстах может отражать неопределенность лиц, впоследствии с уточняющей информацией и иметь значение «все, кто...», «каждый, кто...»:

... “*Not easily, not quickly, but I am not prepared to abandon the ambition of having a fully working economy, and having a fully working economy means there are jobs available for just about **everybody** who is looking for a job*” [The Daily Telegraph, World affairs material, Электронный ресурс]. Этот случай рассматриваем как проявление *дихотомии определенности/неопределенности*. И данный факт подчеркивает обобщенный характер высказываемого суждения (*just about everybody who is looking for a job*).

Местоимение *everyone* в публицистических текстах эксплицирует неопределенность нескольких лиц, выражая значение «все»:

... “*The first time it came to life was New Year's Eve, when lots of my parent's friends came down from Stockholm. **Everyone** was up all night and there were all these fireworks going off outside...*” [The Face 1992, Электронный ресурс]. Значение местоимения *everyone* помогает выразить обобщенность без конкретизации, хотя замечание о том, что это были друзья родителей дано в контексте ранее (*lots of my parent's friends*).

Кроме того, *everyone* может проявлять в публицистических текстах стремление к последующей конкретизации и выражать значения «все, кто», «каждый, кто»:

... ***Everyone** who has seen the Vauxhall commercials featuring Layla will be familiar with the playing of Clem Clempson* [Guitarist 1992, Электронный ресурс]. Общий характер высказанного суждения отображается в сочета-

нии данного местоимения с последующей конкретизацией (*Everyone who has seen the Vauxhall commercials featuring Layla*).

Итак, в публицистических текстах неопределенные местоимения эксплицируют неопределенность лица и нескольких лиц, обладая определенными значениями. При неопределенности одного лица это значения: «кто-то», «кто-либо», «кто-нибудь», «все», «каждый», «всякий», «любой», (*some, someone, somebody, anyone, anybody, every, everyone, everybody*). Для указания неопределенности нескольких лиц используются значения: «некоторые», «все», «каждый» (*some, any, anybody, anyone, every, everybody, everyone*).

В публицистических текстах присутствуют случаи экспликации *дихотомии неопределенности/определенности* в последующем контексте при выражении неопределенности лица и лиц [См.: Самарина 2014]. Этой способностью обладают такие неопределенные местоимения, как: *someone* («кто-нибудь»), *somebody* («кто-нибудь»), *anyone* («тот, кому», «тем, кому»), *every* («каждый, кто»), *everybody* («все, кто»), *everyone* («все, кто», «каждый, кто»).

Обратимся к анализу возможностей репрезентации **неопределенности предмета/предметов** посредством изучаемых местоимений в публицистических текстах [См.: Самарина 2014].

Неопределенное местоимение *some (of)* при указании на неопределенность предметов обладает значением «некоторые из», «одни из»:

... *Some of their favourite things for Christmas 1992 include wonderful painted wood- zebras or leopards for bowls (48), salad servers (12.50), and napkin rings (set of four, 24). Or a hedgehog soap that sits in its own wooden ridged soap dish, stylishly packed, for 8.9* [Ideal Home 1991, Электронный ресурс]. Здесь присутствует неопределенность предметов за счет использования данного местоимения для того, чтобы нацелить читателя на последующий перечень довольно конкретных любимых вещей на Рождество (...*Some of their favourite things for Christmas 1992 include wonderful painted wood- zebras or*

leopards for bowls (48), salad servers (12.50), and napkin rings (set of four, 24). Or a hedgehog soap).

Something своим значением «что-то» отражает неопределенность предмета в публицистических текстах:

... *A JILTED boyfriend left his ex-love with something to remember him by her car, crushed into a block* [The Liverpool Echo & Daily Post 1993, Электронный ресурс]. Оно помогает скрыть нежелательную конкретику оставленных вещей, напоминающих об автомобильной аварии (*with something to remember him by her car, crushed into a block*).

В публицистических текстах на неопределенность предмета указывает **any (of)**, выражая значения «какие-нибудь», «любые», «любой другой из»:

... *“Are any weatherproof switches properly protected from the elements?”* [Practical Fishkeeping, Электронный ресурс]. В данном случае присутствует традиционное употребление местоимения *any* в вопросительной конструкции, подчеркивая обобщенный характер обозначения предметов (*any weatherproof switches*).

На неопределенность предметов указывает и неопределенное местоимение **anything**, обладая значениями «все, что угодно», «всякий», «любой»:

... *Two of my brothers used to be car mechanics and would use anything washing up liquid, bleach, industrial strength cleaner to get those tell-tale oily fingernails clean before they ventured out on a date* [The Liverpool Daily Post and Echo, Social material, Электронный ресурс]. В публицистическом тексте оно отражает неопределенность перечисляемых позже моющих средств (*use ANYTHING washing up liquid, bleach, industrial strength*), подчеркивая применения любого из перечисленных.

Everything эксплицирует неопределенность предметов, обладая значением «все»:

... *HARRISON FORD! Collector and fan in search of everything (videos, interviews, articles, and etc.) Will trade or buy* [The Sky; Электронный ресурс].

В предложенном примере мы встречаем случай дихотомии *определенность/неопределенность* при неопределенности предметов, которая в последующем контексте получает конкретизацию (*videos, interviews, articles, and etc*).

Таким образом, неопределенность предмета (предметов) в публицистических текстах репрезентируется следующей семантикой неопределенных местоимений. Если это один неопределенный предмет, то мы имеем дело со значениями: «любой» (*any*), «какой-нибудь» (*any of*), что-то (*something*). При экспликации неопределенности нескольких предметов в текстах встречаются такие значения местоимений, как: «любые» (*anything*), «все» (*everything*), «некоторые» (из), «одни» (из) (*some*), «всякие» (*anything*). Семантика местоимений способна передать в таких текстах и дихотомию определенности/неопределенности, нацеливание на последующую конкретику в контексте, и обобщенный характер применения предметов [См.: Самарина 2014].

Среди значений изучаемых местоимений, раскрывающих **неопределенность количества**, отмечаются такие значения местоимения *anything* как «приблизительно», «до». Этот случай является особенным, т.к. имеет тенденцию к наречию:

... *Once they graduate, the girls can expect anything up to 15 offers of work. Past pupils have looked after the children of the aristocracy and European royals* [The Today, Электронный ресурс]. Неопределенное количество в этом случае выражается в незнании точного числа предложений, но, с другой стороны, есть и ограничение этой неопределенности – до 15 (*anything up to 15 offers of work*). Здесь выделяется проявление ограниченного характера неопределенности количества.

Местоимение *every* также может выражать **неопределенность количества** посредством значения «каждый»:

... *One business source said: "He has a low base salary and he has to stand out in the sun a great deal longer before he gets a bonus at the oasis. "So he's probably earned every cent"* [The Today, Электронный ресурс]. В публицисти-

ческом тексте отмечается присутствие традиционного употребления местоимения *every*, где значение «каждый» подчеркивает действительно каждый из неопределенного количества денег (“*So he's probably earned every cent*”).

Итак, ядерные местоимения ***anything, every*** в публицистических текстах выражают неопределенность количества посредством своих значений «приблизительно», «до», «каждый», подчеркивая проявление ограниченного количества неопределенного числа.

В текстах данной стилистической направленности местоимения имеют и другие разновидности неопределенности, не отмеченные в художественных текстах, например, **неопределенность событий**.

Местоимение ***something*** в таких текстах отражает неопределенность событий такими значениями, как: «что-то», «то, чем»:

... *Shnezhana Blagayatch carried eight month old Adisa into the terminal building – but it soon became clear something was wrong. The baby, already stricken with a tumour on the heart and given just weeks to live, had suffered a seizure on the plane* [Central television news scripts, Электронный ресурс]. Неопределенность событий раскрывается в тексте за счет намека на те обстоятельства, которые затем описываются в тексте далее, выполняя анафорическую функцию (*clear something was wrong. The baby, already stricken with a tumour on the heart and given just weeks to live, had suffered a seizure on the plane*).

Anything показывает неопределенность событий, обладая значением «все, что угодно»:

... *He waited with her for eight hours at the Northampton car park. Mr Bailey, of Sywell, Northants, said: “Diane was stranded. Anything could have happened to her”* [The Today, Электронный ресурс]. Неопределенность развития событий в этом случае носит предупредительный характер, нацеливая читателя на дальнейшее развитие сюжета текста. На это указывает и предыдущий контекст (“*Diane was stranded. Anything could have happened to her*”).

Итак, местоимения *something*, *anything* передают в публицистических текстах неопределенность событий за счет значений «что-то»; «то, чем»; «все, что угодно». Их использование нацелено на привлечение внимания читателя к описанию разворачивания последующих событий [См.: Самари-на 2014].

В публицистических текстах неопределенные местоимения ядра могут эксплицировать **неопределенность действия (действий)**. Конкретнее, местоимение *anything* передает неопределенность действия своими значениями: «что-то», «что-нибудь», «что-то вроде этого», «все»:

... *Mr Dods, 30, said: "Some of these children have never seen a cow being milked or **anything** on a farm"* [The Northern Echo, Social material, Электронный ресурс]. Неопределенность действия выражает в тексте нежелание конкретизировать эти действия при описании событий (*milked or anything on a farm*).

Неопределенное местоимение *everything* выражает неопределенность действия посредством значения «все»:

... *Food and fatness is a real problem with me, particularly after the birth of my daughter Hannah. I tried **everything** to get rid of the extra weight with no success* [BBC Good Food 1991, Электронный ресурс]. Здесь также автор стремится не конкретизировать свои действия, которые не дали желаемого результата (*I tried everything to get rid of the extra weight with no success*).

Следовательно, неопределенность действий репрезентируется семантикой местоимений *everything*, *anything* в публицистических текстах за счет значений «все», «что-нибудь», «что-то», «что-то вроде этого», отображая нежелание конкретизировать действия.

В публицистических текстах **неопределенность способа действий** эксплицируется семантикой местоимения *something* «что-то вроде»:

... *There is a strand of social theory which says that society is defined by its transgressors, that we know the civilised values that bind us together only through their breach, which we call crime. **Something** of the same analysis can be applied*

to capitalism [The Scotsman; Social material, Электронный ресурс]. Неопределенность способа действия проявляется в том, что в тексте отсутствует конкретика описания действия, имеет место обобщенный характер в нашем примере анализа действия (*Something of the same analysis can be applied to capitalism*), что, в свою очередь, может быть использовано для демонстрации неточности сделанных выводов.

Изучаемые местоимения в публицистических текстах репрезентируют **неопределенность окружения**. Неопределенность такого вида мы констатируем у местоимения *something* в его значениях «что-нибудь», «что-то», «нечто»:

... But by the time I had turned off the road from Bellingham at Kielder village and driven up the bumpy Forest Drive to East Kielder Farm, I was longing for the sight of something other than water and trees [The Daily Telegraph, Leisure material, Электронный ресурс]. Неопределенность окружения в публицистическом тексте может выражать желание автора текста иметь иное местонахождение (*I was longing for the sight of something other than water and trees*).

Ядерное местоимение *any (of)* в публицистических текстах способно передавать своей семантикой **неопределенность информации**, обладая значением «любые»:

... Please write courteous letters to the heads of the governments indicated – and let us know any of the replies that you receive [Amnesty; 1991, Электронный ресурс]. Неопределенность информации в данном случае в виде писем предполагает желание адресанта добиться от адресата ожидаемого действия (*and let us know any of the replies that you receive*).

Неопределенность информации передается и местоимением *everything*, которое выражает при этом значение «все»:

... MANAGEMENT TRAINING # Order Code: 8380 Total Disks: 1 This tutorial disk teaches Communication Skills, Interviewing Techniques, Decision Making, Time Management, Employee Evaluation and Motivation and other skills. In fact it is everything a manager needs to know so if you are bucking for promotion

you need this disk [Articles from Practical PC, 1992, Электронный ресурс]. Неопределенность информации в подобных случаях отражает ее обобщенный характер, конкретизация которого была дана в предыдущем контексте (*it is everything a manager needs to know so if you are bucking for promotion you need this disk*).

Anything в текстах данной стилистической направленности представляет неопределенность информации посредством значения «что-нибудь»:

... I didn't expect to hear anything for at least a week, but the next day she rang with the words and melody all worked out – and she had sat a school exam the same day [The Today, 1992, Электронный ресурс]. В этом примере мы имеем дело с традиционным употреблением неопределенного местоимения *anything* в отрицательных конструкциях. В тексте описывается неожиданность происходящих событий (*I didn't expect to hear anything for at least a week, but the next day she rang with the words and melody all worked out*).

Итак, неопределенность информации в публицистических текстах передают местоимения **any, anything, everything**, выражая значения «любые», «все», «что-нибудь», эксплицируя при этом или прагматическое нацеливание адресата на совершаемое действие, или обобщенный характер подытоживания предыдущей конкретной информации.

На **неопределенность времени** указывает в публицистических текстах местоимение **every**, обладая значением «каждый»:

... If the festival is a success, it's planned to hold concerts at Sudeley every summer and promote young up-and-coming performers alongside more famous ones [Central News autocue data, Электронный ресурс]. Оно используется для описания раскрытия планов совершения действий (*it's planned to hold concerts at Sudeley every summer*), когда неизвестно, удастся ли осуществить запланированное.

Необходимо отметить наличие **неопределенности явления**, которая маркируется местоимениями **any** в значении «какой-нибудь» и **anything** в значении «все, что» в публицистических текстах:

... *Collection of artwork can be arranged by ringing Trevor Hoyle, on 0706-843677. Any surplus music?* [Amnesty 1991, Электронный ресурс]. Неопределенность явления в виде неконкретного вида музыки в рамках вопроса (*Any surplus music?*) в публицистическом тексте вызовет определенный интерес у читателя, заинтересует его как будущего пользователя.

... *They would like Britain to opt back into the social chapter, but join other EC members in attempting to renegotiate its contents. In particular, they would oppose anything, which smacked of the corporatist state* [The Daily Telegraph, Электронный ресурс]. Неопределенность явления предполагает в публицистическом тексте и невозможность представления реакции в данном примере государств на действия Великобритании (*In particular, they would oppose anything which smacked of the corporatist state*).

На **неопределенность пространства** указывает местоимение *everything*, имея значение «все»:

... *The advantages of such a computerized filing system are reliability and flexibility. It has one, and only one, place for everything* [The Economist 1990, Электронный ресурс]. Неопределенность пространства подразумевает выражение неограниченности пространства действия (*It has one, and only one, place for everything*).

В тестах данной стилистической направленности присутствует возможность указания на «**условное отсутствие**» лица/лиц, которое передается разными неопределенными местоимениями. В публицистических текстах, также, как и в художественных, мы встретились с такой возможностью выражения неопределенности, как отсутствие чего-либо, например, лица. Здесь данное явление мы тоже предлагаем назвать «**условным отсутствием**», т. к. в разряд примеров попадают такие, где в действительности могут иметь место лица, предметы и т. д. Но, с другой стороны, они могут и не входить в разряд определенного круга объектов, предметов о которых в текстах запрашивается информация, т.е. отсутствовать фактически. Так,

«условное отсутствие» лица/лиц выражается значением «никто», которым обладают местоимения *somebody, anyone, anybody, nobody, no one, no*.

Местоимение *somebody* может выражать значение «никто»:

... *It was sort of a group kind of thing, but there wasn't somebody telling him, "You can't do that." It was an attempt to lead him to the realization that this was something that wouldn't work...* [Managing innovation, Электронный ресурс]. Условность отсутствия выражается в том, что на самом деле лица присутствовали, но никто из них не захотел высказываться по данному вопросу (*but there wasn't somebody telling him, "You can't do that."*).

«Условное отсутствие» лица маркируется местоимением *anyone*, которое выражает значение «никто»:

... *She was frightened by that last thought. Was it true that she didn't love anyone? And what about Paul?* [Esquire 1991, Электронный ресурс]. Это традиционное использование неопределенного местоимения в вопросительной конструкции, нацеливающее на последующую конкретизацию в тексте (*Was it true that she didn't love anyone? And what about Paul?*).

На «условное отсутствие» лица указывает местоимение *anybody*, эксплицируя значение «никто»:

... *But that only makes her feel like a jerk. She can keep cool and smile in a superior, inscrutable sort of a way. But that's not going to fool anybody* [Esquire; 1993, Электронный ресурс]. В этом случае условное отсутствие лица передает сомнение в том, что описываемое поведение создаст ожидаемый эффект (*But that's not going to fool anybody*).

Местоимение *no one* в публицистических текстах маркирует «условное отсутствие» лиц, обладая значением «никто»:

... *It is precisely the interest in the old which does not interest them. There is also almost no one there who feels enthusiastic about knowing Russian, which was imposed on them from above* [The Art Newspaper, Электронный ресурс]. Условное отсутствие лиц подразумевает выражение сомнения, на что нацеливает предшествующий контекст, автора текста в констатации описываемого

мых им событий (*There is also almost no one there who feels enthusiastic about knowing Russian*).

Неопределенность одного лица отмечается в семантике местоимения **nobody**, выражая значение «никто»:

... *Diana in Private: The Princess Nobody* by Lady Colin Campbell Smith Gryphon, 15.99 *DIANA IN PRIVATE is a nasty little book* [The Daily Telegraph, Arts material, Электронный ресурс]. Здесь мы имеем дело с интересным случаем номинации конкретного человека – присвоения титула принцессы никто принцессе Диане, акцентируя внимание на негативное отношение к ней как к человеку (*Diana in Private: The Princess Nobody*).

... “*Now, I want to put a bit of steel through the side and remind them we can't have nice games all the time.*” *We fear nobody* but Arsenal will be a hell of a test for us” [The Daily Mirror, Электронный ресурс]. Условность отсутствия подчеркивает в данном случае присутствие лиц, не вызывающие чувство страха (*We fear nobody but Arsenal will be a hell of a test for us*) в противоположность последующей конкретизации опасения.

«Условное отсутствие» предмета/ов наблюдается у местоимений **anything, nothing** при выражении значения «ничто, ничего»:

... “*Nothing*. Of course it's only a rummage-search, but as far as we've gone, there's *nothing* in that boat at all that hasn't a right to be there” ... [Practical Fish-keeping, Электронный ресурс]. Условное отсутствие предметов [См.: Попова, Самарина 2017] подразумевает все же физическое присутствие предметов (в нашем случае в лодке), но отсутствие из них нужных предметов (*there's nothing in that boat at all that hasn't a right to be there*).

«Условное отсутствие» действия [См.: Попова, Самарина 2017] эксплицируется значением «никакой» у местоимения **no** и значением «ничто» у местоимения **nothing** в публицистических текстах:

... *Nothing* will stop their quest for her killer [Central television news scripts, Электронный ресурс]. Условность отсутствия действия подразумевает все

же физическое присутствие каких-либо действий со стороны других людей, препятствующих раскрытию преступления.

В текстах данной стилистической направленности на английском языке наблюдается экспликация «условного отсутствия» информации [См.: Попова, Самарина 2017] посредством значения «никакой» у местоимения *no*:

... Britain first supplied Blowpipes to the guerrillas in 1986 and since then there have been no reports of additional supplies [The Independent, Foreign material, Электронный ресурс]. Условное отсутствие информации представляет собой ее физическое присутствие, но отсутствие именно ожидаемой информации (*there have been no reports of additional supplies*).

Представим в виде сводной таблицы (см.таблицу 7) возможности репрезентации видов неопределенности и «условного отсутствия» исследуемых местоимений в английских публицистических текстах.

Таблица 7

Репрезентация видов неопределенности посредством семантики неопределенных местоимений ядра в английских публицистических текстах

Виды неопределенности	Значения неопределенных местоимений ядра в английских публицистических текстах
1. Неопределенность лица/лиц	Some («некоторые», «кто-то»), someone («кто-то», «кто-нибудь»); somebody («кто-то», «кто-нибудь»), any (of) («некоторые из»); anyone («все», «кто-то», «кто-нибудь»), anybody («всякий», «любой», «кто-нибудь», «все», «каждый»), every («каждый», «любой»), everybody («все»), everyone («все», «каждый»).
2. Неопределенность предмета/ов	Some (of) («некоторые из», «одни из»), something («что-нибудь», «что-то»), any (of) («какой-нибудь», «любой», «другой из», «один из»), anything («всякие», «любой», «все, что угодно»), everything («все»).

3. Неопределенность количества	Anything («приблизительно», «до»), every («каждый»).
4. Неопределенность событий	Something («что-то», «то, чем»), anything («все, что угодно»).
5. Неопределенность способа действия(ий)	Something («что-то вроде»).
6. Неопределенность окружения	Something («что-нибудь», «что-то», «нечто»).
7. Неопределенность информации	Any («любой»), anything («что-нибудь»), everything («все»).
8. Неопределенность времени	Every («каждый»).
9. Неопределенность явления	Any («какой-нибудь»), anything («все»).
10. Неопределенность пространства	Everything («все»).
11. «Условное отсутствие» лица/лиц	No one («никто»), no («никакой»), nobody («никто»), anyone («никто»), anybody («никто»), somebody («никто»).
12. «Условное отсутствие» предмета/ов	Anything («ничто», «ничего»), nothing («ничто»).
13. «Условное отсутствие» действия, деятельности	Nothing («ничто»), no («никакой»).
14. «Условное отсутствие» информации	No («никакой»).

Итак, неопределенные местоимения ядра в публицистических текстах могут выражать *дихотомию определенности/неопределенности* для нацели-

вания на последующую конкретику в контексте, привлечения внимания читателя к описанию развертывания последующих событий, нежелания конкретизировать действия, демонстрации неточности сделанных выводов, для передачи обобщенного характера описываемых событий.

3.2 Семантика неопределенных местоимений периферии и границы семантического поля неопределенности при их функционировании в английских публицистических текстах

Обратимся к аналогичному анализу семантики неопределенных местоимений, которые мы отнесли к **периферии**. Среди их значений присутствуют такие, которые показывают:

1. Неопределенность лица/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.
3. Неопределенность количества.
4. Неопределенность видов в природе.
5. Неопределенность объектов.
6. «Условное отсутствие» лица/лиц.
7. «Условное отсутствие» обстановки.
8. «Условное отсутствие» сферы деятельности.

Рассмотрим каждый случай подробно.

Неопределенность лица/лиц эксплицируются в публицистических текстах неопределенным местоимением *few*, обладая значением «мало»:

... *Another problem wives face is dealing with prison regulations .Few know when they may see their husbands, or what to expect when they walk through the gates* [She 1989, Электронный ресурс]. Неопределенность лиц выражается в незнании конкретных лиц, которые в курсе всех дел по поводу свидания заключенных с их женами (*Few know when they may see their husbands, or what to expect when they walk through the gates*). В публицистических текстах такое

использование данного местоимения помогает подчеркнуть незнание конкретики описываемых событий.

A few (of) выражает неопределенность нескольких лиц, имея значения «некоторые из», «несколько» в текстах данной стилистической направленности.

... They all look alike. They dress alike. But I must say some of the American girls are slightly more polite... A few of them actually ASKED if I would mind having the clothes ripped off my back ... [The Daily Mirror, Электронный ресурс]. Здесь неопределенность лиц за счет употребления местоимения *a few(of)* показывает желание автора статьи не афишировать конкретные имена девушек (*... A few of them actually ASKED if I would mind having the clothes ripped off my back*).

Неопределенность лиц репрезентируется местоимением ***all*** в значении «все»:

... Andy is, incidentally, an Arsenal fan, but we all have our failings [New Musical Express, Электронный ресурс]. Это местоимение помогает автору статьи выразить желание оправдания поступка участника событий (*but we all have our failings*) за счет выражения обобщенного мнения о том, что все люди имеют недостатки.

Местоимение ***both*** может эксплицировать неопределенность лиц, имея значение «оба»:

... The vice-chancellors asked for papers to inform their debate on fees at Leeds. Only two vice-chancellors responded, and they both support some form of fees [The Independent, Education material, Электронный ресурс]. В данном примере мы наблюдаем осуществление перехода от определенности к неопределенности в рамках одного предложения, который помогает нацелить внимание читателя на прочтение всей статьи (*Only two vice-chancellors responded, and they both support some form of fees*).

Неопределенность лица выражает местоимение ***either (of)*** значениями «каждый из», «кто-нибудь», «какой-нибудь»:

...*“It's a great comfort to me, knowing that I'm on the end of a phone, should either of my child be taken ill,” says Elaine, 34, a part-time marketing consultant and mother of two girls under four [She 1989, Электронный ресурс].* В этом случае неопределенность лиц указывает на желание говорящего обобщить текущее положение дел (*should either of my child be taken ill*).

Each (of) в публицистических текстах в значении «каждый», выражая неопределенность лица:

... ***Each of the people whose story follows is a prisoner of conscience. Each has been arrested because of his or her religious or political beliefs, colour, sex, ethnic origin or language. None has used or advocated violence...*** [Amnesty, 1991, Электронный ресурс]. Как и в предыдущем случае, неопределенность лиц выделяет обобщенный характер описания участников событий (... *Each of the people whose story follows is a prisoner of conscience*).

Итак, находящиеся на периферии неопределенные местоимения (***a***), ***few, both, all, either (of), each(of)*** эксплицируют в публицистических текстах, как неопределенность одного лица, так и нескольких лиц, отображая их стилистическое использование для демонстрации незнания положения дел, нежелания конкретизировать и объяснять для читателя описываемые события, подчеркивая обобщенный характер, обыденность происходящего.

На неопределенность предмета/ов, обладая значением «каждый», указывает в данных текстах местоимение ***each (of)***:

... *You measure those up and make little templates to scale to represent them. You are now equipped to play the game: what is the ideal position for each of these machines allowing for you, the craftsman, to work around them and allowing for a board of a chosen dimension to go across that production set-up [Woodworker 1991, Электронный ресурс].* Неопределенность предметов связана в публицистическом тексте с желанием избежать повтора, так как ситуация ясна для всех (*You are now equipped to play the game: what is the ideal position for each of these machines allowing for you, the craftsman, to work*

around them and allowing for a board of a chosen dimension to go across that production set-up).

Это же местоимение эксплицирует «условную неопределенность» **предметов**, обладая тем же значением, когда в контексте есть указание на определенность предметов:

...*“How about a buttered roll and a chicken leg **each** wrapped in tinfoil?” “Great!” And perhaps some cold new potatoes which had been glazed in mint flavoured butter? Wonderful! Fruit yoghurt to finish? Magnificent!*” [Outdoor Action 1991, Электронный ресурс]. Как и в предыдущем случае это показатель желания избежать повтора перечня того, что было дано ранее в контексте (*How about a buttered roll and a chicken leg each wrapped in tinfoil*).

Необходимо отметить, что в публицистических текстах часто встречается экспликация **неопределенности количества** посредством изучаемых местоимений. Местоимение *much* в таких случаях выражает значения «сколько», «большая часть»:

...*“No one knows more than me **how much** I owe to this country, **how much** I vow to give back to it for what it has done to me,” he said. “I’ve lived life in many stations”...* [The Daily Telegraph, Электронный ресурс]. Неопределенность количества отражает действительное незнание других людей того количества дел, средств, которое знает и скрывает сам говорящий (...*“No one knows more than me how much I owe to this country, how much I vow to give back to it for what it has done to me,” he said*).

Неопределенное местоимение *many (of)* также указывает на неопределенность количества, обладая значениями «большинство», «большая часть», «многие», «многие из»:

... *The greater proportion (33 per cent) of people said they could function on a minimum of six hours’ sleep, though **many** claimed they could get by on five hours (23 per cent) and four hours (20 per cent)* [The Northern Echo, Leisure material, Электронный ресурс]. Использование указанного местоимения в публицистическом тексте подчеркивает неточность количества людей, выразив-

ших свое мнение по определенному вопросу о продолжительности их сна (*though many claimed they could get by on five hours (23 per cent) and four hours (20 per cent)*).

Наряду с неопределенным местоимением *many (of)* в публицистических текстах неопределенность количества отображается и местоимениями (*a little (of)*), имея значения «немного», «меньшая часть», «самая малая»:

... Melt the chocolate in a basin over a pan of hot water. Blend the flour with a little of the milk to make a smooth paste... [Ideal Home 1991, Электронный ресурс]. Неопределенность количества выражается в использовании небольшого количества применяемого вещества (*Blend the flour with a little of the milk to make a smooth paste*).

Few в значении «мало» также эксплицирует неопределенность количества:

... The goldfish is deservedly the most popular species of fish kept in garden ponds and few, if any; ponds in this country will not have had goldfish in them at some time... [Practical Fish keeping, Электронный ресурс]. В этом случае выражение неопределенного количества используется в публицистическом тексте для привлечения внимания читателя к дальнейшему конкретному контексту о судьбе прудов в стране (*and few, if any; ponds in this country will not have had goldfish in them at some time...*). На это нацеливает и дополнительное использование другого неопределенного местоимения *any*, создавая стилистический эффект.

Значения «несколько», «некоторые из» были отмечены у неопределенного местоимения *a few (of)* при выражении неопределенного количества:

... Around this lily-covered pond are growing just a few of the 3,000 members of the Araceae family. It's one which is dear to botanist Timothy Williams' heart and is the subject of Oxford Botanic garden's display at this year's Chelsea Show, despite some its members being less than sweet scented [Central television news scripts, Электронный ресурс]. Неопределенное количество используется в тексте для указания ограничения числа приводимых объектов действи-

тельности, нацеливая на дальнейшую конкретизацию в последующем контексте (*just a few of the 3,000 members of the Araceae family. It's one which is dear to botanist Timothy Williams' heart...*).

Подводя итоги, можно сказать, что в публицистических текстах неопределенность количества выражается значениями местоимений ***much, many, (a) little, few, (a) few (of)***, которые используются в текстах такого рода для определенных целей, типа привлечения внимания читателей на дальнейшую конкретизацию в тексте, для демонстрации отсутствия полной информации об описываемых объектах реальной жизни.

Местоимения ***a few (of), each (of)*** в публицистических текстах указывают своей семантикой на **неопределенность видов в природе**. Неопределенное местоимение ***a few (of)*** репрезентирует в публицистических текстах **неопределенность видов в природе**, обладая значением «несколько»:

... Others like prawns and shrimps are affected by pollution and habitat alteration. Collection of a few of the mostly common species for the home aquaria is unlikely to diminish the local fauna, except in a few special areas, which need to be respected [Practical Fishkeeping 1992, Электронный ресурс]. Неопределенность видов природы (в данном примере видов обитателей водоемов, районов обитания – *Collection of a few of the mostly common species for the home aquaria is unlikely to diminish the local fauna, except in a few special areas, which need to be respected*) используется в тексте для привлечения внимания читателя к развернутой конкретике последующей информации в тексте.

В текстах публицистического стиля местоимение ***all***, обладая значениями «всё», «все» и может указывать на **неопределенность объектов**:

... At midday, lunch is on the table. An hour later, the kitchen volunteers go back into action again to finish the Christmas meal for the evening, as it all has to be reheated and served [Good Food 1992, Электронный ресурс]. Неопределенность объектов выражает обобщенный характер (*as it all has to be reheated and served*), когда конкретизация считается излишней, так как предыдущий контекст в достаточной степени полно освещает все события.

Изучаемые неопределенные местоимения периферии в публицистических текстах выражают «условное отсутствие» лица/лиц, обладая определенной семантикой [См.: Попова, Самарина 2017].

Местоимение *none (of)* имеет значение «никто из»:

... *This of course is something I was aware of having witnessed a news conference with Miss Graf in mid-week, in which she very politely criticised her absent rivals saying that **none of** the top ranked players needed the vast amounts of money to be gained by playing in lucrative exhibition events* [Tennis World 1993, Электронный ресурс]. Условность отсутствия лиц определяется тем фактом, что на самом деле эти лица присутствуют (*that none of the top ranked players*), имея при этом дополнительные характеристики. Здесь указывается на «условное отсутствие» нескольких лиц [См.: Попова, Самарина 2017].

Подобное выражает и местоимение *neither (of)*, имея значение «никто»:

... *In all our combined climbing careers, spanning a total of 27 years, **neither of** us had broken an axe or crampon now, within the space of five minutes, we had broken one each. It was unbelievable* [Climber and Hill Walker 1992, Электронный ресурс]. Условность отсутствия лиц (*neither of us had broken an axe or crampon now*), которые существуют в реальности, соотносит читателя с последующей конкретикой в дальнейшем контексте.

Местоимение *none (of)* может указывать на «условное отсутствие» обстановки, обладая значениями «ничего», «ничто».

... *It's a smallish island, over two hours from Glasgow by air; to travel or transport freight is intimidatingly expensive; it is dark in winter and rains more than average. But **none of** this prevents things from happening. If you want to grow tomatoes but can't keep a greenhouse standing, you find something equally useful* [Country Living 1991, Электронный ресурс]. Условность отсутствия выражается в том, что на самом деле все это существует в реальности (*it is dark in winter and rains more than average*). Данный прием применяется в тексте для того, чтобы нацелить читателя на последующую конкретику в тексте.

«Условное отсутствие» действий в публицистических текстах [См.: Попова, Самарина 2017] маркируется местоимением *neither* в значениях «ничто», «ничего»:

... But he says, "I don't set out to evangelize or alert the world. If I set out to teach, rather than entertain, I would achieve neither"... [Best 1991, Электронный ресурс].

Местоимение *neither (of)* эксплицирует «условное отсутствие» сферы деятельности посредством значения «никакой из».

... Even Italy and France, however, should avoid recession in 1991. Not only will Germany continue to provide some support for their exports, but neither of the two economies spent and borrowed with the abandon of the English-speaking world in the 1980s [The Economist, Электронный ресурс]. Условность отсутствия сферы деятельности, которая существует в действительности (*Italy and France... the two economies*), используется в текстах для того, чтобы избежать ненужного повтора.

Полученные результаты можно представить в виде таблицы (см. табл. 8).

**Репрезентация видов неопределенности
 посредством семантики неопределенных местоимений периферии
 в английских публицистических текстах**

Виды неопределенности	Значения неопределенных местоимений периферии в английских публицистических текстах
1. Неопределенность лица/лиц	Few («мало»), a few (of) («некоторые», «несколько»), all («все»), both («оба»), each (of), («каждый»), either (of) («каждый из», «кто-нибудь», «какой-нибудь»).
2. Неопределенность предмета/предметов	Each (of) («каждый»).
3. Неопределенность количества	A little (of) («немного», «меньшая часть»), much («сколько», «большая часть»), many («большинство», «большая часть», «многие из»), few («мало»), a few (of) («несколько», «некоторые из»).
4. Неопределенность видов в природе	A few (of) («несколько»), each («каждый»).
5. Неопределенность объектов	All («все»).
6. Условное отсутствие лица/лиц	None (of) («никто из»), neither (of) («никто из»).
7. Условное отсутствие обстановки	None (of) («ничего», «ничто»).
8. Условное отсутствие действия.	Neither («ничто», «ничего»)
9. Условное отсутствие сферы деятельности	Neither (of) («никакой из»).

Итак, неопределенные местоимения периферии в публицистических текстах могут выразить незнание положения дел, нежелание конкретизировать и объяснять для читателя описываемые события, обобщенный характер, обыденность происходящего, привлечение внимания читателя к дальнейшему контексту, отсутствие полной информации об описываемых объектах реальной жизни, неточность количества.

Обратимся к анализу значений местоимений, располагающихся на **границе нашего семантического поля**, в английских публицистических текстах. При этом имеем следующую репрезентацию неопределенности:

1. Неопределенность лица/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.
3. Неопределенность действия.
4. Обобщенность мнения.

Каждый случай рассмотрим отдельно.

Неопределенность лица/лиц эксплицируют местоимения *another*, *others*, имея значения «один», «другой»; «другие»:

... But the number of adults who quite clearly used the line as others would use a footpath, was a surprise. One mother, near the Blue Hall estate to the north of Stockton, was dragging her three young kids along a trackside shortcut” [The Northern Echo, Электронный ресурс]. Неопределенность лиц используется для демонстрации уклонения от указания конкретных имен лиц, совершающих описываемые действия (*But the number of adults who quite clearly used the line as others would use a footpath...*).

Неопределенность предметов выражает неопределенное местоимение *one (of)* в публицистических текстах, обладая значением «один из»:

... Among exhibits are Isabella and the Pot of Basil, 1867 – one of William Holman Hunt's most important paintings, illustrating Keats's poem. Includes a set-piece display recreating the interior of one of the patron's private houses - complete with pictures by Rossetti and Burne-Jones... [Independent, Listings material, Электронный ресурс]. Использование неопределенности предметов в

тексте применяется с целью побудить читателя вспомнить конкретное название картины (– *one of William Holman Hunt's most important paintings, illustrating Keats's poem*).

Неопределенность действия отображается в публицистических текстах при помощи местоимения ***another*** в значениях «другое», «еще одна»:

*... They believe in the truth and they aren't frightened of telling you about it. Their truth of course, but they recognise no other. Furthermore they don't know about “good form” and “bad form” and saying one thing and doing **another*** [The Guardian, Social material, Электронный ресурс]. Неопределенность действия выступает в тексте как средство привлечения внимания читателя к прочтению всего текста статьи (*Furthermore they don't know about “good form” and “bad form” and saying one thing and doing another*).

Неопределенное местоимение ***one (of)*** эксплицирует **обобщенность мнения**, выражая значение «нельзя не...»:

*... **One** can't believe that players such as Colin Stephens, Aled Williams or Adrian Davies would not do a better job in the No10 jersey and it seems a far cry from the days when the Welsh standoff factory was in full production* [Scotsman, Leisure material, Электронный ресурс]. Это местоимение в данной конструкции может отразить общепринятое мнение (*One can't believe*).

Представим полученные результаты в виде таблицы (см. таблицу 9).

Репрезентация видов неопределенности посредством семантики неопределенных местоимений, находящихся на границе поля, в английских публицистических текстах

Виды неопределенности	Значения неопределенных местоимений, находящихся на границе поля в английских публицистических текстах
1. Неопределенность лица/лиц	Another («один», «другой»), others («другие»).
2. Неопределенность предмета/предметов	One (of) («один из»).
3. Неопределенность действия	Another («другое», «еще одна»).
4. Обобщенность мнения	One («нельзя не ...»).

Таким образом, неопределенные местоимения, находящиеся на границе нашего семантического поля, обладают способностью в публицистических текстах выразить уклонение от указания конкретики с целью побудить читателя вспомнить что-либо, желание привлечь внимание читателя к прочтению всего текста, общепринятое мнение.

3.3 Сопоставительный анализ функционирования неопределенных местоимений английского языка в художественных и публицистических текстах

Проанализировав функционирование неопределенных местоимений английского языка в текстах художественного и публицистического сти-

лей, необходимо сделать ряд важных замечаний по поводу *разновидностей неопределенности*, выражаемой данным классом местоимений:

– семантика в публицистическом стиле имеет более широкий спектр, чем в стиле художественной речи. По нашему мнению это обусловлено тем, что публицистический стиль имеет ряд своих особенностей и, таким образом, занимает специфическое место в системе функциональных стилей. Он обладает своими особенностями в лексике и фразеологии, в синтаксических конструкциях и т.д. Известно, что для публицистического стиля речи *основной целью* является информирование, передача общественно значимой информации с одновременным воздействием на читателя, слушателя, убеждением его в чем-то, внушением ему определенных идей, взглядов, побуждением его к определенным поступкам, действиям, используя разнообразные языковые средства. Выбор этих языковых средств зависит от интенций автора-публициста, его приемов, которые он использует для выражения своей субъективной модальности. Речь автора включает в себе индивидуальное и типовое, в ней реализуются автор, авторский замысел, стиль и другие особенности.

– Частотность использования неопределенных местоимений в художественных и публицистических текстах на английском языке существенно отличается. Данные результаты исследования представлены в таблице 10.

Частотность употребления неопределенных местоимений английского языка в текстах художественного и публицистического стилей в британском корпусе примеров (BNC)

Indefinite Pronouns (different functions)	Художественный стиль	Публицистический стиль
some	<u>24908</u>	12232
something	<u>16310</u>	2894
someone	<u>6692</u>	1468
somebody	<u>1303</u>	291
anything	<u>9369</u>	1939
anyone	<u>4240</u>	1245
anybody	<u>833</u>	232
no	<u>240657</u>	10610
nothing	<u>59180</u>	2672
no one	<u>23460</u>	407
nobody	<u>12670</u>	527
every	<u>7802</u>	4077
everything	<u>5819</u>	1451
everyone	<u>3361</u>	1172
everybody	<u>997</u>	400
none	<u>2292</u>	574
much	<u>79169</u>	6927

Indefinite Pronouns (different functions)	Художественный стиль	Публицистический стиль
many	<u>41081</u>	7797
a few	<u>6878</u>	2569
few	<u>9262</u>	4132
a little	7638	1753
little	<u>18914</u>	4586
all	<u>50740</u>	21997
both	<u>7624</u>	6007
either	<u>3809</u>	1860
neither	<u>1732</u>	1860
all	<u>50740</u>	21997
both	<u>7624</u>	6007
each	<u>4141</u>	3796
other	<u>18839</u>	9651
another	11053	6855
one	<u>48233</u>	26359

Из таблицы видно, что частотность употребления неопределенных местоимений ядра, периферии и границы поля в текстах художественного стиля гораздо выше, чем в публицистическом. На наш взгляд, это связано с тем, что совокупность приемов использования языковых средств в художественной речи собой сложное единство разнородных черт, отличающих ее от всех других стилей современного английского литературного языка. Ко-

нечно, как отмечено выше, степень эмоциональной окраски высказывания зависит от ряда причин: от характера и жанра художественного произведения, от содержания высказывания, от индивидуально-творческой манеры автора, от цели высказывания и т. д. В языке художественной прозы преобладание одних элементов над другими зависит от жанра литературного произведения, от содержания произведения, от индивидуальной манеры авторского повествования и от ряда других причин. Чаще всего в языке художественной прозы можно увидеть синтез этих двух сторон языка, знаменующих общие тенденции в использовании средств языка.

Для художественного произведения характерны восприятие посредством чувств и воспроизведение действительности, автор стремится передать прежде всего свой личный опыт, свое понимание и осмысление того или иного явления, свое отношение к действительности. Оригинальная образность речи в сочетании с эмоциональной синтаксической организацией высказывания; синтез авторского плана повествования и речи персонажей; использование элементов разных стилей речи, обработанных и приспособленных для целей художественного повествования; использование слов в производных и контекстуальных значениях – все эти особенности, взаимодействуя друг с другом, образуют свою систему, неповторимую ни в каком другом стиле речи.

Также подчеркнем, что стиль художественной речи часто рассматривается как точка пересечения различных стилей литературного языка. Это позволяет автору воплотить свой замысел путем использования всего богатства языковых и речевых средств, присущих и для других стилей. При этом художественный стиль не является конвергенцией всех стилей, поскольку сохраняет свои индивидуальные черты.

Принимая во внимание особенности основных функций художественного и публицистического стилей английского языка, мы пришли к выводу, что у них есть как *общие черты*, так и *отличительные*. Например, публицистический стиль, как и стиль художественной речи, характеризуется, *образ-*

ностью. Весьма характерной особенностью этого стиля является и наличие большого количества эмоционально-экспрессивных элементов языка. Однако средства эмоционального воздействия, применяемые в данном стиле, подчиняясь общим его закономерностям, не обладают той свежестью и субъективной окрашенностью, которые характерны для стиля художественной речи. В публицистическом стиле *образность речи* носит устоявшийся характер. Метафоры, сравнения, перифразы и другие средства эмоционального воздействия берутся из общего языкового фонда выразительных средств. Еще одна черта, сближающая этот стиль со стилем художественной речи, – это проявление индивидуального в изложении содержания. Но, здесь, конечно, степень эксплицитности индивидуального ограничена особенностями самого стиля.

Статус неопределенных местоимений английского языка неоднозначен, ситуативен и варьируется в зависимости от различных дискурсивных условий, коммуникативных ситуаций, что определяет и их коннотативные свойства. Неопределенные местоимения английского языка в художественных текстах выражают неуверенность персонажей текстов, их оценку создавшейся ситуации, их тайные и явные намерения, а в публицистических текстах – *дихотомию определенности/неопределенности* для нацеливания читателя на последующую конкретику в контексте, нежелание конкретизировать действия, демонстрацию неточности сделанных выводов. Находящиеся на периферии нашего семантического поля неопределенные местоимения в художественных текстах могут представить желание персонажей повествования завуалировать конкретику, чтобы утаить свои намерения, а в публицистических текстах – отразить незнание положения дел, нежелание конкретизировать и объяснять для читателя описываемые события, демонстрируя обыденность происходящего, показать отсутствие полной информации об описываемых объектах реальной жизни. Расположенные на границе поля неопределенные местоимения в художественных текстах выражают противопоставление обыденности, особую характеристику

персонажей, а в публицистических текстах – преднамеренное уклонение от указания конкретики с целью побудить читателя вспомнить что-либо, желание привлечь внимание читателя к прочтению всего текста.

Итак, к *ведущим отличительным признакам* сравниваемых стилей можно отнести следующие:

1. Специфика художественной речи заключается в ее структуре, главная особенность которой состоит в несовпадении производителя речи (автора) и ее субъекта. Слово в художественной речи принадлежит субъекту – рассказчику и только, в конечном счете, автору. Художественная речь, как правило, двухслойна: она представлена эксплицитно – субъектом речи и имплицитно – производителем речи.

2. Структура публицистической речи несколько иная: в ней всегда совпадают производитель и субъект речи. Рассказчиком является автор – подлинная, реальная личность, что создает принципиально иную модальность. Публицистическая речь, в отличие от художественной, однослойна (авторская речь), в чем проявляется ее выразительность и сила. Публицист непосредственно обращается к читателю, не объективируя свои мысли и эмоции, а выражая их так, как он мыслит и чувствует.

Таким образом, мы убедились в том, что данные функциональные стили имеют общие и специфические черты.

Кроме того, в ходе анализа выборки примеров, в исследовании были отмечены *особые случаи* функционирования неопределенных местоимений английского языка в художественных и публицистических текстах, а именно:

– в публицистических текстах так же, как и в художественных, мы встретились с такой возможностью выражения неопределенности, как отсутствие чего-либо, например, лиц, предметов, т.е. денотатов. Данное явление мы предлагаем назвать «**условным отсутствием**» чего-либо, т. к. в разряд примеров водят и такие, где в действительности (имплицитно) могут иметь место лица, предметы и т. д.;

– в публицистических текстах были зафиксированы такие примеры, где осуществляется некий *переход от неопределенности к определенности*, что подтверждает их диалектическое единство. В таких примерах присутствует дальнейшая конкретизация (уточнение), хотя эти случаи употребления неопределенных местоимений немногочисленны. Это явление в нашем исследовании мы предлагаем назвать случаями отражения дихотомии *определенности/неопределенности*. Неопределенные местоимения, при помощи которых был осуществлен такого рода переход в публицистических текстах на английском языке, следующие: *somebody, anyone, everybody, everyone, no one, both, each of*. Вне всяких сомнений, данные значения неопределенных местоимений контекстуальны;

– среди значений изучаемых местоимений, раскрывающих **неопределенность количества**, отмечаются такие значения местоимения *anything*, как «приблизительно», «до». Этот случай является особенным, т.к. имеет тенденцию функционального перехода в разряд наречий.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Публицистический стиль речи представляет собой функциональную разновидность литературного языка широко применяемого в различных сферах общественной жизни. Данный стиль испытывает влияние множества лингвистических и экстралингвистических факторов и сложным образом отражает жизнь общества.

В публицистических текстах на английском языке используются неопределенные местоимения ядра: *some, any, every*, *no* и их производные. Эти местоимения репрезентируют такие разновидности неопределенности, как:

1. Неопределенность лица/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.
3. Неопределенность количества.
4. Неопределенность событий.
5. Неопределенность действий.
6. Неопределенность способа действий.
7. Неопределенность окружения.
8. Неопределенность информации.
9. Неопределенность времени.
10. Неопределенность явления.
11. Неопределенность пространства.
12. «Условное отсутствие» лица/ц.
13. «Условное отсутствие» предмета/ов.
14. «Условное отсутствие» действия, деятельности.
15. «Условное отсутствие» информации.

Относящиеся к периферии неопределенные местоимения в публицистических текстах своей семантикой выражают следующие виды неопределенности:

1. Неопределенность лица/лиц.

2. Неопределенность предмета/ов.
3. Неопределенность количества.
4. Неопределенность видов в природе.
5. Неопределенность объектов.
6. «Условное отсутствие» лица/лиц.
7. «Условное отсутствие» обстановки.
8. «Условное отсутствие» действий.
9. «Условное отсутствие» сферы деятельности.

Местоимения, располагающиеся на границе семантического поля неопределенности, в английских публицистических текстах также эксплицируют ряд видов неопределенности:

1. Неопределенность лица/лиц.
2. Неопределенность предмета/ов.
3. Неопределенность действия.
4. Обобщенность мнения.

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим результатам:

1. Частотность употребления неопределенных местоимений ядра, периферии и границы поля выше в художественных текстах, чем в публицистических. Это связано с тем, что совокупность приемов использования языковых средств в художественной речи представляет собой сложное единство разнородных черт, отличающих ее от всех других стилей современного английского литературного языка.

2. Спектр семантики неопределенности в публицистическом стиле шире, чем в стиле художественной речи, поскольку публицистический стиль имеет ряд своих особенностей и, таким образом, занимает специфическое место в системе функциональных стилей, обладая совокупностью общих черт, характерных для других функциональных стилей (художественный, научный). Эти особенности позволяют публицисту использовать самые разнообразные языковые средства. Выбор языковых средств зависит от интенций автора-публициста, его приемов, которые он выбирает для выраже-

ния своей субъективной модальности. Речь автора включает в себе индивидуальное и типовое, в ней реализуются категории автора, авторский замысел, стиль и другие особенности.

3. В диссертации были отмечены *особые случаи* функционирования неопределенных местоимений английского языка в художественных и публицистических текстах, а именно:

- «условное отсутствие» чего-либо,
- в публицистических текстах были зафиксированы примеры, иллюстрирующие некий *переход от неопределенности к определенности*. Неопределенные местоимения, при помощи которых был осуществлен такого рода переход в публицистических текстах на английском языке, следующие: *somebody, anyone, everybody, everyone, no one, both, each of*. Естественно, данные значения неопределенных местоимений контекстуальны, ситуативны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функциональная лингвистика (лингвистический функционализм) как наука о языке в действии возникла в XX веке. Представители данного направления считают, что фундаментальные свойства языка не могут быть описаны и объяснены без апелляции к функциям языка. Основная идея функционализма заключается в объяснении языковой формы ее функциями. У функционализма существует множество разновидностей и направлений. Одним из главных является *функциональная грамматика*, идеи которой освещены традициями различных национальных школ. В качестве объекта изучения функциональной грамматики выступают функции единиц строя языка и закономерности их функционирования. Функциональная грамматика исследует языковые единицы, систематизируя их в виде функционально-семантического поля. Вместе с тем она все более ориентируется на анализ речевых произведений (высказываний, сверхфразовых единств, связных текстов), стремясь раскрыть механизмы реализации семантических, структурных, прагматических, стилистических и иных функций языковых единиц.

В представленной работе предпринята попытка рассмотрения одной из противоречивых грамматических категорий английского языка – неопределенных местоимений – и их дальнейший анализ в художественных и публицистических текстах на английском языке. Мы придерживаемся общих положений функциональной грамматики и функционального подхода в целом. В диссертации был актуализирован *полевой подход* к исследованию разных сторон изучаемого явления и предложено рассмотрение семантики изучаемых местоимений, репрезентирующих неопределенность с учетом их распределения в виде семантического поля, а именно градуированное измерение всех ярусов внутри поля, выявление смысловых приращений путем установления и синонимических, и вариативных сближений единиц языка в функции-реализации в синтагматике.

Общеизвестно, что *категория определенности/неопределенности* является одной из центральных категорий как в философии, так и лингвистике. Она носит универсальный гносеологический характер и свойственна всем языкам мира.

Наличие этой категории в грамматической структуре языка предполагает специальные средства ее выражения. В английском языке – это в основном артикли наряду с указательными и притяжательными местоимениями, числительными и наречиями, а также неопределенные местоимения.

В английском языке местоимения могут употребляться в функциях подлежащего, именной части сказуемого, дополнения, определения. *К неопределенным местоимениям английского языка* относят местоимения *some, any, no, every* (и их производные), *none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each, another, other, one*, хотя нет единого мнения по данному вопросу, как у зарубежных, так и у отечественных лингвистов.

В данной работе за основу берется классификация неопределенных местоимений, предложенная авторами «Grammar of Spoken and Written English» издательства Longman и предлагается их систематизация в виде семантического поля. Таким образом, *ядро поля* составляют местоимения *some, any, every, no* и их производные. На *периферии поля* находятся местоимения *none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each* и на *границе поля* местоимения *other, another, one*.

В диссертации выясняется возможность выражения семантической категории неопределенности посредством неопределенных местоимений английского языка при их функционировании в художественных и публицистических текстах в Британском корпусе примеров (British National Corpus) с их дальнейшим сравнительным анализом. В ходе исследования английских художественных текстов было выявлено, что неопределенные местоимения ядра (*some, any, every, no* и их производные) могут эксплицировать следующие виды неопределенности:

1. Неопределенность лица/ лиц («некоторый» (some), «кто-то», «кто-нибудь» (someone, somebody, any, anybody, anyone), «любой», «какой-то» (any) «каждый», «всякий», «любой», «все» (everyone, everybody, every)).

2. Неопределенность предмета/ов («некоторые из», «несколько» (some(of)), «что-нибудь», «что-то» (something, any, anything), «любой» (any, every), «никакой» (any)).

3. Неопределенность пространства (nothing «ничего», everything «все»).

4. «Условное отсутствие» лица/лиц («никакой» (no), «никто» (no one, nobody)).

5. «Условное отсутствие» предмета/ ов (no «никакой»).

6. Отрицание общего плана (nothing «ничего», «ничто»).

Неопределенные местоимения периферии (none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each) в английских художественных текстах выражают следующие разновидности неопределенности:

1. Неопределенность лица/лиц («все» (all), «любой», «каждый», «один из» (either), «каждый в отдельности» (each), «мало» (few), «несколько», «некоторые» (a few)).

2. Неопределенность предмета/ов («каждый» (each), «все» (all), «оба, обе» (both (of))).

3. Неопределенность количества («много» (much, many (of)), мало (little (of), few), «немного» (a little), «несколько» (a few)).

4. «Условное отсутствие» лица/лиц (none (of) «никто», «никто из», neither (of) «никто», «никто из»).

5. «Условное отсутствие» предмета/ов (none (of) «никакой», «никакой из» neither (of) «никакой», «никакой из»).

Неопределенные местоимения (other, another, one), находящиеся на границе поля, в художественных текстах на английском языке выражают следующие виды неопределенности:

1. Неопределенность лица/лиц (other «другой, другие», another «другой», «еще один»).

2. Неопределенность предметов (other «другой», «другие»).

One употребляется для маркирования неопределенности в общем смысле (generic one).

В публицистических текстах на английском языке также анализу подверглись неопределенные местоимения ядра (some, any, every, no и их производные). Они репрезентируют следующие виды неопределенности:

1. Неопределенность лица/лиц (some («некоторые», «кто-то»), someone («кто-то», «кто-нибудь»); somebody («кто-то», «кто-нибудь»), any (of) («некоторые из»); anyone («все», «кто-то», «кто-нибудь»), anybody («всякий», «любой», «кто-нибудь», «все», «каждый»), every («каждый», «любой»), everybody («все»), everyone («все», «каждый»)).

2. Неопределенность предмета/ов (some (of) «некоторые из», «одни из»), something «что-нибудь»), any (of) («какой-нибудь», «любой», «другой из», «один из»), anything («всякие», «любой», «все, что угодно»), everything («все»)).

3. Неопределенность количества (anything «приблизительно, до», every «каждый»).

4. Неопределенность способа действия (something («что-то вроде»).

5. Неопределенность пространства (everything («все»)).

6. Неопределенность событий (something («что-то», «то, чем»), anything («все, что угодно»)).

7. Неопределенность окружения (something («что-нибудь», «что-то», «нечто»)).

8. Неопределенность информации (any («любые»), anything («что-нибудь»), everything («все»)).

9. Неопределенность времени (every («каждый»)).

10. Неопределенность действий (anything («что-то», «что-нибудь», «что-то вроде этого», «все»), everything («все»)).

11. Неопределенность явления (any («какой-нибудь»), anything («все»)).

12. «Условное отсутствие» лица/ц (no one («никто»), nobody («никто»), anyone («никто»), anybody («никто»), somebody («никто»)).

13. «Условное отсутствие» предмета/ов (anything («ничто», «ничего»), nothing («ничто», «ничего»)).

14. «Условное отсутствие» действия, деятельности (nothing («ничто»), no («никакой»)).

15. «Условное отсутствие» информации (no («никакой»)).

Неопределенные местоимения периферии (none, much, many, (a) little, (a) few, all, both, either, neither, each) в английских публицистических текстах выражают следующие разновидности неопределенности:

1. Неопределенность лица/лиц (few («мало»), all («все»), both («оба»), each («каждый»), either (of) («каждый из», «кто-нибудь», «какой-нибудь»)).

2. Неопределенность предмета/ов (each (of) («каждый»)).

3. Неопределенность количества ((a) little (of) («немного», «меньшая часть»), few («мало»), much («сколько», «большая часть»), many (of) («большинство», «большая часть», «многие из»), a few (of) («несколько», «некоторые из»)).

4. Неопределенность видов в природе (a few (of) («несколько»), each (of) («каждый из»)).

5. Неопределенность объектов (all («все», «всё»)).

6. «Условное отсутствие» лица/лиц (none (of) («никто из»), neither (of) («никто из»)).

7. «Условное отсутствие» обстановки (none («ничего», «ничто»)).

8. «Условное отсутствие» действий (neither («ничто», «ничего»))

9. «Условное отсутствие» сферы деятельности (neither (of) («никакой из»)).

Неопределенные местоимения (other, another, one), находящиеся на границе поля, в публицистических текстах на английском языке выражают такие виды неопределенности, как:

1. Неопределенность лиц/лиц (another, others («один», «другой», «другие»)).
2. Неопределенность предмета/ов (one (of) («один из»)).
3. Неопределенность действия (another («другое», «еще одна»)).
4. Обобщенность мнения (one (of) + модальный глагол).

Сравнительный анализ функционирования неопределенных местоимений английского языка в художественных и публицистических текстах позволил установить следующее:

1. Частотность употребления неопределенных местоимений ядра, периферии и границы поля выше в художественных текстах, чем в публицистических, что обусловлено совокупностью приемов использования языковых средств в художественной речи, представляющей собой сложное единство разнородных черт и тем самым отличающих ее от всех других стилей современного английского языка.

2. В то же время спектр семантики неопределенности в публицистическом стиле шире, чем в стиле художественной речи. Это детерминировано рядом причин: а) выступая в разных ипостасях (полемист, аналитик, репортер и т.д.), оперативно откликаясь на общественные запросы, публицист, естественно, меняет характер, манеру, тональность речи, и изобразительно-выразительные средства языка; б) специфический профиль этого стиля, его особый статус в системе других функциональных стилей: обладая совокупностью общих черт, присущих другим стилям (художественному, научному). Данный стиль позволяет публицисту широко и свободно привлекать самые разнообразные языковые средства.

3. В результате обработки данных нашего исследования мы обратили внимание на *особые случаи* функционирования неопределенных местоимений в английском языке, одновременно обозначив их терминологически, а именно:

– в публицистических текстах, так же как и в художественных, мы встретились с такой возможностью выражения неопределенности, как от-

существование чего-либо, например, лиц, предметов, т.е. денотатов. Эти случаи мы предлагаем назвать «условным отсутствием» чего-либо, т. к. в разряд примеров попадают такие, где в действительности (имплицитно) могут иметь место лица, предметы и т. д. Подобное использование неопределенных местоимений отражает стилистическую специфику таких текстов.

– в публицистических текстах нами зафиксированы такие примеры, где осуществляется некий *переход от неопределенности к определенности*, что подтверждает, с одной стороны их диалектическое единство, а с другой – практически ориентирует на поиски средств конкретизации, ведущей к экспликации определенности. Стоит заметить, что такие случаи употребления неопределенных местоимений немногочисленны. В работе предлагается обозначить подобную дихотомию термином *определенность/ неопределенность*. Даем перечень неопределенных местоимений, при помощи которых был осуществлен переход такого рода в английской публицистике: *somebody, anyone, everybody, everyone, no one, both, each of*.

– внимания заслуживает и местоимение *anything* с семантикой неопределенности количества, обладающее значением «приблизительно», «до». Его особенностью является то, что оно имеет тенденцию функционального перехода в разряд наречий.

Необходимо подчеркнуть, что данные значения неопределенных местоимений контекстуальны, ситуативны.

Итак, исследовав проблему диссертации в теоретическом и прикладном планах, можно утверждать о том, что статус неопределенных местоимений английского языка неоднозначен и варьируется в зависимости от различных дискурсивных условий, коммуникативных ситуаций, что определяет и их коннотативные свойства. Таким образом, предположение о том, что неопределенные местоимения английского языка могут быть систематизированы в виде (семантического) поля, проявляя как общие, так и специфические черты посредством своей семантики в текстах разных стилей, подтвердилось.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Теоретические работы

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка (К вопросу о предмете социолингвистики) / В.А. Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276 с.
2. Адмони В.Г. Основы теории грамматики / В.Г. Адмони. – М. – Л.: Наука, 1964. – 105 с.
3. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Ленинград: Наука, 1988. – 238с.
4. Акимова Г.Н. Развитие конструкций экспрессивного синтаксиса в русском языке // Вопросы языкознания. –1981. – № 6. – С.109 – 120.
5. Алехина М.И. Категория определенности-неопределенности в современном русском языке. [Текст].: дис. ... канд. филол. наук / М. И. Алехина; Моск. гос. пед. ин-т. – М.: [б.и.], 1975. – 214 с.
6. Алехина М.И. Местоимение как часть речи // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. – М.: МГПИ им.В. И. Ленина, 1988. – С. 97 – 103.
7. Апресян Ю.Д. Дистрибутивный анализ значений и структурно-семантические поля [Текст] / Ю.Д.Апресян // Лексикографический сборник. – Вып. 5. – М.: Гос. изд-во иностр. и национальных словарей, 1962. – С. 52 – 72.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 368 с.
9. Апресян Ю.Д. Второе дополненное издание: Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. I. М.: Языки русской культуры, 1995. Второе издание: Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 8 – 101.
10. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.
11. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учеб-

ник для вузов / И.В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

12. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985, вып. 16. С. 3 – 25.

13. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1976. – 383 с.

14. Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения [Текст]. / Н.Д. Арутюнова // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. – С. 156 – 249.

15. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – 3-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 383 с.

16. Афанасьева О.В., Каталова Н.О. Лексико-стилистические средства создания образа главной героини в романе Джулиана Барнса «Англия. Англия» // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика», – 2016. – №3. – С.151–159.

17. Багиорокова И.Г. Категория определенности неопределенности в сопоставительном аспекте: На материале адыгейского и английского языков [Текст]: дис. ... / канд. филол. наук / И. Г. Багиорокова; Ин-т языкознания РАН. – М., 2000. – 191 с.

18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли; пер. с франц. Е.В. и Т.В. Вентцель. – М.: УРСС, 2001. – 416 с.

19. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 422 с.

20. Беглярова А.Л. Семантические и коммуникативно-прагматические характеристики неопределенных местоимений: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Беглярова Ася Леоновна. – Майкоп, 2010. – 195с.

21. Бердникова Л.П. Категория определенности-неопределенности и языковые средства ее выражения в современном английском языке // Университетские чтения 2006. Симпозиум 1. Сек. № 1-20. Актуальные проблемы языкознания и литературоведения. – Пятигорск: Пятигорский гос. лингвист. ун-т., 2006. – С. 38 – 42.

22. Беркнер С.С., Ильинская С.В. Язык молодых американцев в художественной прозе США конца 20 века // Коммуникативные и прагматические компоненты в лингвистическом исследовании: Сб. статей. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. – 152 с.

23. Бибихин В.В. Язык философии / В.В. Бибихин. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.

24. Бирюкова Е.В., Попова Л.Г. О тенденциях развития современного сравнительно-исторического, типологического, сопоставительного языкознания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. – №11. Ч.3. – С.40 – 43.

25. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Б.Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8. – С. 39 – 45.

26. Блох М.Я., Семенова Т.Н. Имена личные в парадигматике, синтагматике и прагматике / М.Я. Блох, Т.Н. Семенова. – М.: Готика, 2001. – 196 с.

27. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968 – 607 с.

28. Бондарко А.В. Категориальные и некатегориальные значения в грамматике // В кн.: Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976, – С. 180 – 202.

29. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1976. – 255 с.

30. Бондарко А.В. Основы построения функциональной грамматики (на материале русского языка) Текст. / А.В. Бондарко // Изв. АН СССР. Сер.лит. и яз. 1981. – Т. 40. – № 6. – С. 483 – 495.

31. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

32. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1984. – 136 с.

33. Бондарко А.В. О грамматике функционально-семантических полей // Изв. АН СССР. Сер. лит – ры и яз. 1984 – Т. 43. – № 6. – С. 492 – 503.

34. Бондарко А.В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. 1985. – № 1. – С. 13 – 23.
35. Бондарко А.В. Основания функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л.: Наука, 1987. – С. 5 – 39.
36. Бондарко А.В. Функциональная грамматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: «Советская энциклопедия», 1990. – С. 565 – 566.
37. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Определенность / неопределенность Текст. / А.В. Бондарко. Глава 3. – СПб., 1992. – 348с.
38. Бондарко А.В. Функционально-семантическое поле // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – С. 566 – 567.
39. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени / А.В. Бондарко. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – 260 с.
40. Бондарко А.В. «Значение» и «функция» в функциональной грамматике А.В. Бондарко // Исследования по языкознанию. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 44 – 50.
41. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 208 с.
42. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка / А.В. Бондарко. – М., 2002. – 736 с.
43. Борисова Е.Г. Лексическая номинация в информационных войнах // Вестник МГПУ, –2016. – №1 (21). –С.61–65.
44. Брандес М. П. Стилистика текста. Теоретический курс. Учебник / М.П. Брандес. – Москва: Прогресс-Традиция, 2004. – 416с.
45. Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация / Л. Бриллюэн. – М., 1996. – 271 с.

46. Булыгина Т.В. Грамматические и семантические категории и их связи Текст // Аспекты семантических исследований / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1980. – С. 320 – 355.

47. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7 – 85.

48. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Функциональная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 566 с.

49. Бурнакова К.Н. Категория вопросительности (монография). М.: ПАИМС, 2002. – 153 с.

50. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания, 1971. – С.105 – 112.

51. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика / Л.М. Васильев. – М.: 1990. – 176 с.

52. Васильева Э.П. Категория «определенность/неопределенность» в английском языке и ее морфологические составляющие / Э.П. Васильева // Семантика и прагматика дискурса: сб. науч. тр. – Самара, 2010. – С. 12 – 22.

53. Викулова Л.Г. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в масс-медийном коммуникативном пространстве / Л.Г. Викулова, Е.Ф. Серебренникова // Вестник МГПУ. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2014. – № 2. – С.55 – 63.

54. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики// Вопросы языкознания, 1955. – № 1. – С.73.

55. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей / В.В. Виноградов. – М., 1961. – 616 с.

56. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 5 – 93.

57. Витгенштейн Л. Философские работы, ч. 1/ Л. Витгенштейн. – М.: Гнозис, 1994. – 206 с.

58. Володина М.Н. Язык и дискурс средств массовой информации в 21 веке / М.Н. Володина. – М.: Gaudeamus, Академический проект, 2011.– 332с.
59. Вороновская И.В. Функционально-семантическая категория неопределенности в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Вороновская Ирина Васильевна. – Львов, 1984. – 208с.
60. Гайсина Р.М. Диалектика триединства «значение – форма – функция» в сфере частей речи (на материале имени существительного) // Филол. науки. – 1986. – №4. – С. 49 – 55.
61. Гак В.Г. О функциональном подходе к изучению грамматических явлений / В.Г. Гак // Иностранные языки в школе. 1974. – Вып. 8. – С. 586.
62. Гак В.Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка / В.Г. Гак // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 5 – 15.
63. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
64. Галкина-Федорук Е.М. Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями [Текст]. / Е.М. Галкина-Федорук. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – 45 с.
65. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 460 с.
66. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1981. – 316 с.
67. Гладров В. Структура поля определенности-неопределенности в русском языке // Теория функциональной грамматики. – СПб.: Наука, 1992. – С. 242 – 266.
68. Гловинская М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистикальный аспект. – М.: Наука.:1989. – С.74 – 146.
69. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А. К вопросу о методах лингвистически исследований // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал), – 2011. – № 3. – С. 57 – 67.

70. Гулыга Е.В. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке [Текст] / Е.В. Гулыга, Е.И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969. – 182 с.

71. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 398 с.

72. Гуревич В.В. О категории «определенность-неопределенность» // Проблемы языкознания и теории английского языка / В. В. Гуревич. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. 4. – С.24 – 38.

73. Гуревич В. В. О семантике неопределенности // Филологические науки, 1983, № 1, С. 54– 60.

74. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков / В. В. Гуревич. – М.: Флинта, Наука, 2001. – 168 с.

75. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка: учеб. пособие / В. В. Гуревич. – М.: Флинта, 2008. – 167 с.

76. Гухман М.М. Грамматическая категория и структура парадигм Текст. / М. М. Гухман // Исследования по общей теории грамматики: сб. работ / отв. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Наука, 1968. – С. 117 – 174.

77. Демьянков В.З. Функционализм в зарубежной лингвистике конца 20 века // Дискурс, речь, речевая деятельность: Функциональные и структурные аспекты / В.З. Демьянков. – М.: Инион, 2000. – С.26 –136.

78. Ермакова О.П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. – М.: Наука, 1989. – С. 146 – 150.

79. Ермакова О.П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений // Морфология современного русского языка: хрестоматия / сост. С.И. Богданов, В.Б. Евтюхин, Ю.П. Князев и др. / Учебно-методический комплекс по курсу «Морфология современного русского языка». – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 456 с.

80. Ефимов А. И. Стилистика русского языка. / А.И. Ефимов. – М.: Просвещение, 1969. – 262 с.
81. Звегинцев В. А. Функция и цель в лингвистической теории // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С. 120 – 146.
82. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка [Текст]. / Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1973. – 351 с.
83. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Изд-во Наука, 1982. – 368 с.
84. Золотова Г.А. Функции и дисфункции современной русской речи // Русский язык сегодня. Вып.1. Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. – М.: «Азбуковник», 2000. – 596 с.
85. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – Изд-во: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2004. – 544 с.
86. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учебник. / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высш. школа, 1981. – 285 с.
87. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка. / Б.А. Ильиш. – 2-е изд. – Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1971. – 368 с.
88. Ильиш Б.А. Строй современного английского языка: учебник / Б.А. Ильиш. – Ленинград: Просвещение, 2009. – 365 с.
89. Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1986. – 298 с.
90. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
91. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1981. – 366 с.
92. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

93. Караулов Ю.Н. Структура лексико-семантического поля / Ю.Н. Караулов // Филологические науки. – 1972. №1. – С.57– 68.
94. Кассирер Э. Познание и действительность / Э. Кассирер. – М.: Гнозис, 2006. – 400с.
95. Каушанская В.Л., Ковнер Р.Л. и др. Грамматика английского языка / В.Л. Каушанская, Р.Л. Ковнер. – 6-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 381 с.
96. Качалова К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка / К.Н. Качалова, Е.Е Израилевич. – М.: Юнвес, 1998. – 718 с.
97. Кверк Р., Гринбаум С., Лич Дж., Свартвик Я. Грамматика современного английского языка для университетов / Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English / Под ред. Верховской И.П. – М.: ВШ, 1982. – 391 с.
98. Кибрик А.Е. Проблемы синтаксических отношений в универсальной грамматике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. – М.,1982. – С. 5–36.
99. Ковтунова И.И. Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. – М.: Наука, 1979. – С. 262 – 275.
100. Кожина М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М.: Просвещение, 1977. – 223 с.
101. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М., 2010. – 464 с.
102. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, (4-е. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 464 с.
103. Козлова М.С. Философия и язык / М.С. Козлова. – М.: Мысль, 1972. – 254с.
104. Костомаров В.Г. Жизнь языка / В.Г. Костомаров. – М.: Педагогика – Пресс, 1995. – 240 с.

105. Крылов С.А. Падучева Е.В. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты. // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: Наука, 1983. – С. 25 – 96.

106. Крылов С.А. О семантике местоименных слов и выражений. // Русские местоимения: семантика и грамматика. Сб. науч. тр., Владимир: ВГПИ 1989. – 147с.

107. Крылова И.П., Гордон Е.М. Грамматика современного английского языка / И.П. Крылова, Е.М. Гордон. – М.: Высшая школа, 2003. – 448 с.

108. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

109. Кубрякова Е.С. Введение: Основные направления в современном развитии грамматической мысли // Современные зарубежные грамматические теории: Сборник научно-аналитических обзоров. – М., 1985. – С. 5 – 29 .

110. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. Монография. Изд. 3-е. – М.: Изд-во Либроком, 2009. – 208с.

111. Кузнецов А.М. Структурно-семантические параметры в лексике (на материале английского языка) / А.М. Кузнецов. – М., 1980. – 160 с.

112. Кузнецов В. Г. Функциональные стили современного французского языка / В. Г. Кузнецов. – М.: Высшая школа, 1991. – 160 с.

113. Кузьмина С.М. Семантика и стилистика неопределенных местоимений / С.М. Кузьмина // Грамматические исследования: функционально-стилистикальный аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 145 – 162.

114. Лазуткина Е.М. Публицистический стиль: новые черты / Е.М. Лазуткина. – М.: ООО «Издательство Элпис», 2008. – 79 с.

115. Лаптева О.А. Теория современного русского литературного языка: Учебник / О.А. Лаптева. – М.: Высш. шк., 2003. – 351 с.

116. Левицкий А.Э. Функциональный подход в современной лингвистике / Киев: лингв ун-т. Киев, 1999. – С. 31 – 38.

117. Ломов А.М. Аспектуальные категории русского языка и их функциональные связи: автореф. дис. ...докт. филол. наук / А.М. Ломов. – Воронеж, 1977. – 42 с.

118. Ломов А.М. Очерки по русской аспектологии / А.М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1977. – 139 с.

119. Ломов А.М. Ответы на вопросы анкеты аспектологического семинара филологического факультета МГУ / А.М. Ломов // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. – М.: Изд-во Московского университета, 1997. – Т. 2. – С. 178 – 182.

120. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – 960 с.

121. Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии / Ю.С. Маслов // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – С. 4 – 44.

122. Маслов Ю.С. Введение в языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Высшая школа, 1987. – 272 с.

123. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 840 с.

124. Маштакова М.В. Определенность-неопределенность в русском и французском языках [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / М.В. Маштакова; Российский университет Дружбы Народов. – М.: [б.и.], 2005. – 192 с.

125. Мельничук А.С. Понятия системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. – М.: Наука, 1970. – С. 38 – 69.

126. Милевская Т.В. Функционально-семантическая категория определенности-неопределенности в аспекте текстообразования // Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект. Ростов-на-Дону, 2002. – С. 135 – 138.

127. Молошная Т.Н. Категория неопределенности, выражаемая местоимениями кто-нибудь, что-нибудь, и глагольные категории в современном

русском литературном языке // Язык. Личность. Текст: Сборник статей к 70-летию Т.М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. Ред. В.Н. Топоров. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 976 с.

128. Молчанов А.А. Роль квантификаторов в семантической интерпретации предложений (на материале английского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Минск, 1980. – 23с.

129. Морковкин В.В. Идеографическое описание лексики (Анализ слов со значением времени в русском языке) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: / Морковкин Валерий Вениаминович. – М., 1973. – 27 с.

130. Морковкин В.В. Лексические минимумы современного русского языка [Текст] / В.В. Морковкин, Ю.А. Сафьян, Е.М. Степанова и И.В. Дорофеева; под ред. В.В. Морковкина; Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. – М.: Русский язык, 1985. – 608 с.

131. Морковкин В.В. Система лексических минимумов современного русского языка / В.В. Морковкин. – М.: Астрель, 2003. – 768 с.

132. Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии: Акциональность / Д.М. Насилов.– Л.: Наука, 1989. – 208 с.

133. Недялков В.П. Типология результативных конструкций: результатив, статив, пассив, перфект / В.П. Недялков, С.Е. Яхонтов. – Л.: Наука, 1983. – 263 с.

134. Нефедов И.В. Языковые средства выражения категории определенности неопределенности и их стилистические функции в отечественной рок – поэзии [Текст].: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Нефедов; Рост. гос. пед. ун-т. – Ростов-на-Дону: [б.и.], 2004. – 180 с.

135. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Научный центр проблем диалога, 1997. – 756 с.

136. Николаева Т.Н. Актуально-просодические средства выражения категории определенности-неопределенности // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. – М.: [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики, 1979. – С. 119 – 174.

137. Николаева Т.М. Категория определенности-неопределенности // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 349 с.

138. Николаева Н.Н. Функционирование неопределенно-личных местоимений somebody и someone в современном английском языке: биокогнитивный подход: Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2014, вып. 2.– М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана №2, 2014. – 132с.

139. Павлов В.М. Системность языка и полевые объединения грамматических явлений // Взаимодействие языковых единиц различных уровней. Межвузовский сборник научных трудов ЛГПИ им. А.И. Герцена / Отв. ред. Л.В. Шишкова. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1981. – С. 63 – 79.

140. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса / Е.В. Падучева. – М.: Наука, 1974. – 292 с.

141. Падучева Е.В., Крылов С.А. Дейксис: общетеоретические и прагматические аспекты // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: Интион, 1983. – С. 25 – 96.

142. Падучева Е.В. Точка отсчета в семантике времени и вида / Е.В. Падучева // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – Т. 1. – С. 140 – 156.

143. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания / В.З. Панфилов. – М.: Наука, 1982. – 357 с.

144. Петрова О.В. Местоимения в системе функционально- семантических классов слов / О.В. Петрова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1989. – 158 с.

145. Пивоварова О.П. Вербализация категории пространства в семантическом и лингвокультурологическом аспектах (На материале лексем и фразеологизмов русского языка с пространственным значением): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 Челябинск, 2005. – 193 с.

146. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию [Текст] / М.М. Покровский. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 382 с.

147. Попова З.Д. Полевые структуры в системе языка [Текст] / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. – 196 с.

148. Пospelов Н.С. О синтаксическом выражении категории определенности-неопределенности в современном русском языке // Исследования по современному русскому языку. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1970. – С. 182 – 189.

149. Прошина З.Г. Китайско-русское взаимодействие через английский язык как посредник // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика», – 2012.– №4. – С.78 – 85.

150. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика / Н.М. Разинкина. – М.: Наука, 1989. – С. 48 – 49.

151. Ревзин И.И. Анкета по категории определенности-неопределенности // Балканский лингвистический сборник. – М.: Наука, 1977. – С. 220 – 242.

152. Ревзина О.Г. Функциональный подход к анализу категории определенности/неопределенности//Категория определенности / неопределенности в славянских и балканских языках [Текст]/ О.Г. Ревзина. – М.:, 1979. – 364 с.

153. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 536 с.

154. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка / Д.Э. Розенталь. – М.: Высшая школа, 1989. – 316 с.

155. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика / Д.Э. Розенталь. – М.: 2001. – 381с.

156. Рудяков А.Н. Функциональная семантика / А.Н. Рудяков. – Симферополь: Таврия, 1992. – 154 с.

157. Рыжова Л.П. Коммуникативно-функциональная лингвистика. Лингводидактика. Лингвострановедение // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения. Седьмой межвуз. семинар по лингвострановедению: сб. ст. в 2 частях. М.:МГИМО – Университет, 2010. – Ч.1. – С.104 –112.

158. Садовский В.Н. Основания общей теории систем: Логико-методологический анализ / В.Н. Садовский. – М.: Наука, 1974. – 279 с.

159. Самарина Н.В. Функционально – семантическое поле как объект изучения в современной грамматике // Вестник Адыгейского государственного университета, –2012. – Вып. 1. – С.273 – 277.

160. Самарина Н.В. Семантическое выражение неопределённости лица посредством английских неопределенно-личных местоимений в электронных художественных текстах // Вестник Сургутского государственного педагогического университета, – 2013.– Вып. №5 (26). – С. 149 – 153.

161. Самарина Н.В. О возможности экспликации семантической характеристики неопределенного местоимения *some* в английских публицистических текстах // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, – 2014. – №1. – Т.1.– С. 111 – 117.

162. Самарина Н.В. Специфика семантического наполнения неопределенных местоимений английского языка в художественных и публицистических текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. –№10 (76). – С. 110 –117.

163. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры /В.З. Санников. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с. – (Язык. Семиотика. Культура).

164. Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа «все» и типа «кто-нибудь». // Вопросы языкознания. 1964. – №4. – С. 80 – 90.

165. Селиверстова О.Н. Местоимения в языке и речи / О.Н. Селиверстова. – М.: Наука, 1988. – 151 с.

166. Селиверстова О.Н. Труды по семантике / О.Н. Селиверстова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 960 с.

167. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1983. – 319 с.

168. Сергиенко Н.В. Функциональная семантика неопределенных местоимений, производных от *some*, *any*, *every*, *no*, в сочетаниях с адьюнктом (На материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: Барнаул, 2003. – 138 с.

169. Симонова К.Н. Функционально-семантическое поле количественности в современном английском языке в сопоставлении с русским языком: дис.... канд. фил. наук / К.Н. Симонова. Пятигорск, 2003. – 206 с.

170. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1981. – С.3 – 56 с.

171. Слюсарева Н.А. Функциональная грамматика в Великобритании и Нидерландах Текст. / Н.А. Слюсарева // Современные зарубежные грамматические теории. – М.: Наука, 1985. – С. 175 – 212 с.

172. Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка Текст. / Н.А. Слюсарева. – М.: Наука, 1986. – 214 с.

173. Слюсарева Н.А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 564 с.

174. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти / А.А Смирнов. – М., 1956. – 199 с. С.: Федин К.А. Собр. соч. – М., 1973. – Т.9. – 351 с.; Кольцов М. Писатель в газете. – М.: Просвещение, 1961. – 360 с.

175. Смирнов Ю.Б. Семантико-функциональные особенности неопределенных местоименных прилагательных [Текст]. / Ю.Б. Смирнов // Русский язык в школе. 1985. – № 4. – С. 90 – 93.

176. Собянина В.А. Коллоквиальные фразеологизмы терминологического происхождения // Гумбольдтские чтения. Перспективы развития в свете требования Болонских реформ: Межвуз. сб. науч. тр.– М.: МГПУ, 2017.– Ч.2.– С.53 – 62.

177. Солганик Г.Я. Выразительные ресурсы лексики публицистической речи / Г.Я. Солганик // Поэтика публицистики / под ред. Г.Я. Солганика. – М.: МГУ, 1990. – С. 10 – 20.

178. Солганик Г.Я. Газетные тексты как отражение важнейших процессов в современном обществе (1990-1994) / Г.Я. Солганик // Журналистика и культура русской речи. – 1996. – № 1. – С.13 – 24.

179. Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи / Г.Я. Солганик, Т.С. Дроняева. – М.: 2002. – 256 с.

180. Солганик Г.Я. Язык средств массовой информации: Учебное пособие по специализации. Часть 2. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416с.

181. Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи: Учеб. пособие для вузов по направлению и специальности /»Филология» / Г.Я. Солганик, Т.С. Дроняева. – 4. изд., испр. – М.: Academia, 2007. – 251 с.

182. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование: 2-е изд. / В.М. Солнцев. – М.: Наука, 1977. – 341 с.

183. Сребрянская Н.А., Данилова И.С. Динамические аспекты исследования лексических полей // Вестник ВГУ, 2012. – № 1. – С. 24 – 28.

184. Степанов Ю.С. Семиологическая структура языка: (три функции и три формальных аппарата языка) // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. – Т. 32. – № 4. – С. 340 – 353.

185. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1981. – 361 с.

186. Степанов Ю.С. В поисках прагматики: (Проблема субъекта). // Известия АН СССР. Серия Литература и Язык. 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 325 – 332.

187. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства) / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 335с.

188. Степанов Ю.С. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов; Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.

189. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. – 171 с.

190. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание / И.П. Сусов. – М.: Восток – Запад, 2006. – 382 с.

191. Сучкова Л.А. Синтаксическая семантика неопределенных местоимений в современном английском языке: дисс. ... кандидата филологических наук: 10.02.04. – Ленинград, 1982. – 223 с.

192. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1988. – 654 с.
193. Тошович Б. Соотносительный круг экспрессивности // Славистика: синхрония и диахрония. Сборник научных статей к 70-летию И.С. Улуханова / Под общ. ред. д-ра филол. наук проф. В.Б. Крысько: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М.: ИЦ Азбуковник, 2006. – 663 с.
194. Трунова О.В. Природа и языковой статус категории модальности / О.В. Трунова. – Барнаул-Новосибирск. – БГПИ, 1991. – 130с.
195. Тураева З.Я. Художественный текст и пространственно-временные предложения // Семантико-стилистические исследования текста и предложений. – М.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. – С. 3 – 11.
196. Уляшева Я.О. Функционально-семантическое поле определенности-неопределенности [Текст]: автореф. дисс ... канд. филолог. наук/ Я.О. Уляшева. – Таганрог, 2002. – 35 с.
197. Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка / А. А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – АН СССР. – М., 1961. – С. 30 – 63.
198. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1968. – 272 с.
199. Уфимцева А.А. Типы сложных знаков [Текст] / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. – 208 с.
200. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Языковедческие исследования в честь акад. Ст. Младенов. – София, 1957. – С. 525 – 539.
201. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов / Ф.П. Филин // Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – С. 227 – 239.
202. Филичева Н.И. Синтаксические поля. Пособие по грамматике немецкого языка Текст. / Н.И. Филичева. – М.: Высшая школа, 1977. – 213с.

203. Филичева Н.И. Zur semantischen Isofunktionalität von Wortverbindung und Kompositum im Deutschen. – «Deutsch als Fremdsprache», Heft 2, 1996.
204. Флоренский П.А. Сочинения, т. 3 (1) / П.А. Флоренский. – М.: Мысль, 1999. – 623с.
205. Фурсенко Д.И. Порядок слов как одно из средств выражения неопределенности/определенности имен существительных // Русский язык за рубежом. 1970. – №4. – С.68 – 72.
206. Холодович А.А. Проблемы грамматической теории / А.А. Холодович. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1979. – 304 с.
207. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива: Русский императив / В.С. Храковский, А.П. Володин. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
208. Чейф У. Л. Значение и структура языка / У.Л. Чейф.– М.: Прогресс, 1975. – 432 с.
209. Чупрына О.Г. Лексический аспект межкультурного дискурса. – Сборник научных трудов Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации. – сборник научных трудов / Московский гос. обл. ун-т, Ин-т лингвистики и межкультурной коммуникации, Фак. романо-германских яз., Каф. англ. филологии; [отв. ред. Э. А. Сорокина]. – Москва: Изд-во МГОУ, 2016. – С. 17 – 21.
210. Шахматов А.А. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку: (учение о частях речи) / А. А. Шахматов. – М.: Уч. пед. гиз, 1952. – 272 с.
211. Шведова Н.Ю. Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики. – М.: Наука, 1985. – С. 30 – 37.
212. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание: VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. Доклады советской делегации. – М.: Наука, 1973. – С.458 – 483.

213. Шведова Н.Ю. Дихотомия «присловные – неприсловные падежи» в ее отношении к категориям семантической структуры предложения // Славянское языкознание: VIII Международный съезд славистов. Загреб; Любляна, сентябрь 1978 г. Доклады советской делегации. – М.: Наука, 1978. – С. 450 – 467.

214. Шведова Н.Ю., Белоусова А.С. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / РАН Отделение литературы и языка. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Институт русского языка РАН, 1995. – 120 с.

215. Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над «Русским семантическим словарем» Текст. / Н.Ю. Шведова // Вопросы языкознания. 1999. – № 1. – С. 3 – 16.

216. Швейцер А.Д. Современная социалингвистика: Теория, проблемы, методы / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1976. – 176 с.

217. Швейцер А.Д. Современная социалингвистика. Теория. Проблемы. Методы / А.Д. Швейцер. – М.: Либроком, 2012. – 176 с.

218. Шейдаева С.Г. Номинативные процессы и динамика познания мира // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. научн. трудов. Вып. 9 (по материалам Междунар. научн. конф.), Перм. у-нт – Пермь, 2005. – 350с.

219. Шелякин М. А. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке. // Ученые записки Тартусского университета, 1978. – Вып. 442. – С. 3 – 22.

220. Шелякин М.А. О сущности и функциях грамматической семантики // Функциональная семантика (язык, семантика знаковых систем и методы их изучения). – М.: Изд-во РУДН, 1997. – Ч. I. – С. 37 – 39.

221. Шелякин М.А. О спорных вопросах русской аспектологии / М.А. Шелякин // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – Т. 1. – С. 210 – 219.

222. Шелякин М.А. Функциональная грамматика русского языка / М.А. Шелякин. – М.: Рус. яз., 2001. – 288 с.

223. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 168 с.

224. Шмелев А.Д. Определенность / неопределенность в аспекте теории референции // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/ неопределенность. – СПб.: ТФГ, 1992. – С. 189 – 231.

225. Шубина О.Ю. Семантические и понятийные категории как основа для сопоставления раз личных языков // Вестник КРСУ, 2003. – Т. 3. – № 1.

226. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике [Текст] / Г.С. Щур. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

227. Якобсон Р.О. Разработка целевой модели языка в европейской лингвистике в период между двумя войнами // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1965. – Вып. 4. – С. 372 – 377.

228. Якобсон Р.О. Избранные работы / Р.О. Якобсон. – М.: Прогресс, 1985. – 460 с.

229. Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка // Типология грамматических категорий: Мещаниновские чтения. – М.: Наука, 1975. – С. 5 – 23.

230. Ярцева В. Н. Контрастивная грамматика / В. Н. Ярцева. – М.: Наука, 1981. – 110 с.

231. Aarts B. Oxford Modern English Grammar. / B. Aarts. – Oxford University Press, 2011. – 432p.

232. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English./ D. Biber., S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – Longman, 2008 – 1204p.

233. Baldinger K. Semantic theory: towards a modern semantics / Baldinger K. – Oxford: Basil Blackwell, 1980. – 320 p.

234. Bates E., MacWhinney B. Functionalism and the competition model // The crosslinguistic study of sentence processing. – Cambr. etc.: Cambr. UP, 1989. P. 3 – 73.

235. Chafe W. L. Prosodic and functional units of language // *Talking Data: Transcription and Coding in Discourse Research*. – Hillsdale; London, 1993. – P. 33 – 44.

236. Corblin F. Indefini, definit demonstratif: Constructions linguistiques / F. Corblin. – Geneve: Droz, 1987. – 263 p.

237. Daneš F. On Prague school functionalism in linguistics // *Functionalism in linguistics*. – A.; Ph.: Benjamins, 1987. – P. 3 – 38.

238. Dornseiff F. *Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen* / F. Dornseiff. Berlin, New York: De Gruyter, 1970. – 922 S.

239. Guy G.R. Form and function in linguistic variation // *Towards a social science of language: Papers in honor of William Labov*. – A.; Ph.: Benjamins, 1996. Vol.1. Variation and change in language and society. P. 221 – 252.

240. Haiman J. Ritualization and the development of language // *Perspectives on grammaticalization*. – A.; Ph.: Benjamins, 1994. P. 3 – 28.

241. Halliday M.A.K. *A short introduction to functional grammar* / M.A.K. Halliday. – L.: Edward Arnold, 1985. – 387p.

242. Hallig R., Wartburg W. von Begriffssystem als Grundlage für die Lexikografie. Versuch eines Ordnungsschemas / R. Hallig, W. Wartburg. – Berlin, 1952. – 140 S.

243. Jakobson R. Current issues of general linguistics // *Roman Jakobson: On language*. – Cambr. (Mass.); L.: Harvard UP, 1990. P. 49 – 55.

244. Jespersen O. *Essentials of English Grammar* / O.Jespersen. – Routledge, 2006. – 340 p.

245. Martinet A. Elements of a functional syntax // *Word* 1960, v.16, N 1, 1 – 10. Repr. // *Syntactic theory, 1: Structuralist: Selected readings*. – Harmondsworth: Penguin, 1972. P. 186 – 194.

246. Nida E. *A Synopsis of English Syntax* / E.Nida. – Norman: Univ. of Oklahoma, 1966. – 233 P. Part B. On the requirement that Transformations Preserve Meaning. – *Studies in Linguistic Semantics*. – New York, 1971. – P. 1 – 21.

247. Nord C. So treu wie möglich?: Die linguistische Markierung kommunikativer Funktionen und ihre Bedeutung für die Übersetzung literarischer Texte // Linguistik und Literaturübersetzen. – T.: Narr, 1997. S.35 – 59.

248. Porzig W. Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft / W. Porzig. – Bern-München, 1967. – 264 S.

249. Reuning K. Joy and Freude. A comparative study of the linguistic field of pleasurable emotions in English and German / K. Reuning. – Swarthmore, 1941. – 25 S.

250. Roget's international thesaurus / by P.M. Roget. – N.Y.: Growell. – 1961. – 1257 p.

251. Roget's thesaurus of English words and phrases/ New ed. Completely modernized by R.A. Dutch. – N.Y: St. Martin's press, 1964. – LII. – 1309 p.

252. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin: Volk und Wissen, 1995. 323 S.

253. Schneider W.L. Die Analyse von Struktursicherungsoperationen als Kooperationsfeld von Konversationsanalyse, objektiver Hermeneutik und Systemtheorie // Beobachtung verstehen, Verstehen beobachten: Perspektiven einer konstruktivistischen Hermeneutik. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. S. 164 – 227.

254. Seiler H. A functional view on prototypes // Conceptualizations and mental processing in language. – B.; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1993. P. 115 – 139.

255. Trier J. Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes / J. Trier. – Heidelberg, 1931. – 347 s.

256. Van Valin R.D. A synopsis of role and reference grammar // Advances in Role and Reference Grammar. – A.; Ph.: Benjamins, 1993. P. 1 – 164.

257. Weisgerber L. Von den Kräften der deutschen Sprache / L. Weisgerber. – Duesseldorf; Schwann, 1962 – 431 S.

Список художественных текстов, использованных в исследовательской работе

1. Ahern C. "If you could see me now" / C. Ahern. – New York: Hyperion, 2006. – 317 p.
2. Appignanesi L. "Memory and desire" [Электронный ресурс] / L. Appignanesi. – London: Fontana Press, 1992. – 410 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2012).
3. Ashe J. "Sweet deceiver" [Электронный ресурс] / J. Ashe. – Mills & Boon. – 1993. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).
4. Banks I. "Complicity" [Электронный ресурс] / I. Banks. – London: Little, Brown & Company. – 1993. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).
5. Barnes J. "Arthur & George" [Электронный ресурс] / J. Barnes. – Издательство: АСТ, АСТ Москва – 2007. – 221p. URL: rutracker.org/forum/viewtopic.php... (дата обращения: 21.06.2013).
6. Bassett J. "The life and times of William Shakespeare" [Электронный ресурс] / J. Bassett. – Oxford Bookworms edition. Oxford: OUP, 1993. – P. 1 – 48. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).
7. Beechey W. "The reluctant Samaritan" [Электронный ресурс] / W. Beechey. – Oxford: OUP, 1991. – P. 1 – 131. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).
8. Bingham Ch. "In sunshine or in shadow" [Электронный ресурс] / Ch. Bingham. – London: Bantam (Corgi), 1992. – P. 11 – 103. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).
9. Border R. "Dr. Jekyll and Mr. Hyde" [Электронный ресурс] / R. Border. – Oxford Bookworms edition. Oxford: OUP, 1991. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).
10. Bowring M., Richmond S., "Vets in opposition" [Электронный ресурс] / M. Bowring, S. Richmond. – Mills & Boon, 1993. – 356 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2012).

11. Brayfield C. “The prince” [Электронный ресурс] / C. Brayfield. – London: Chatto & Windus Ltd, 1990. – 256 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2012).

12. Burley W. “Wycliffe and the cycle of death” [Электронный ресурс]/ W. Burley. – London: Corgi Books, 1991. – P. 42-174. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

13. Byrne J. “My enemy, my love” [Электронный ресурс] / J. Byrne. – Mills & Boon, 1993. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

14. Cave P. “Foxbat” [Электронный ресурс] / P. Cave. – Wallington, Surrey: Severn House, 1979. – P. 11 – 146. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

15. Chester P. “Murder forestalled” [Электронный ресурс] / P. Chester. – UK: Chivers Press, 1990. – 158 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

16. Clifford D. “The affair of the forest” [Электронный ресурс] / D. Clifford. – Windlesham, Surrey: Springwood Books, 1983. – P. 1 – 102. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

17. Cole M. “The lady killer” [Электронный ресурс] / M. Cole. – London: Headline Book Pub, 1993. – P. 143 – 269. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

18. Conran S. “Crimson” [Электронный ресурс] / S. Conran. – London: Penguin Group, 1992. – 426 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

19. Cookson C. “The house of women” [Электронный ресурс] / C. Cookson. – London: Corgi Books, 1993. – P. 181 – 320. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

20. Dahl M. “Roald” [Электронный ресурс]/ M. Dahl. – Harmondsworth: Puffin 1989. – P. 7 – 240. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

21. Forrester H. "The latchkey kid" [Электронный ресурс] / H. Forrester. – London: Fontana Press, 1990. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

22. Gilliat P. London. "What's it like out?" [Электронный ресурс] / P. Gilliat. – London, Virago Press Ltd, 1989. – 234 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 11.08.2012).

23. Grant-Adamson L. "Guilty knowledge". [Электронный ресурс] / L. Grant-Adamson. – London, Faber & Faber Ltd, 1988. – P.133-259. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 11.08.2012).

24. Grey A. "Saigon". [Электронный ресурс] / A. Grey. – London: Pan Books Ltd, 1983. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

25. Hassall A. "Jubilee wood" [Электронный ресурс] / A. Hassall. – Oxford: OUP, 1989. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

26. Hornby N. "Fever Pitch" / N. Hornby. – London: Penguin Group, 1992. – 207 p.

27. Hornby N. "How to be Good" / N. Hornby. – London: Penguin Group, 2002. – 125 p.

28. James D., Richmond S. "Bay of rainbows". [Электронный ресурс] / D. James. – Mills & Boon, 1993. – 258 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

29. James R. "Payback" [Электронный ресурс] / R. James. – London: Victor Gollancz Ltd, 1993. – 288 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

30. Josipovici G. "The big glass" [Электронный ресурс] / G. Josipovici. – Manchester: Carcanet Press, 1991. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

31. Kearney P. "The way to Babylon" [Электронный ресурс] / P. Kearney. – London: Victor Gollancz Ltd, 1992. – P.155 – 254. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

32. King B., Chambers A. “Highelves” [Электронный ресурс]/ B. King, A. Chambers. – Nottingham: Games Workshop, 1993. – P. 4 – 81. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

33. Maitland S. “Three times table” [Электронный ресурс] / S. Maitland. – London: Chatto & Windus Ltd, 1990. – 245 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

34. Marshall P. “An American princess” [Электронный ресурс] / P. Marshall. – Mills & Boon, 1993. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

35. MacLean A. “Santorini” [Электронный ресурс] / A. MacLean. – London: Fontana Press, 1987. – P. 7 – 136. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

36. Murphy E. “A nest of singing birds” [Электронный ресурс] / E. Murphy. – London: Headline Book Pub, 1993. – P. 235 – 366. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

37. Nash E. “Strawberries and wine” [Электронный ресурс] / E. Nash. – Cheltenham: New Author Pub, 1993. – P. 181 – 280. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

38. Nilson P. “Palmberg, who took out death in advance” [Электронный ресурс] / P. Nilson. – Vol. 39, Iss. 1. – P. 8 – 68, 1995 (Fall) URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

39. Oberndorf Ch. “Writers of the Future” [Электронный ресурс] / Ch. Oberndorf. – Vol. 118, Iss. 1/2. – P. 27 – 55, 2010 (Jan/Feb 2010) URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

40. Pearce M. “The Mamur Zap and the night of the dog” [Электронный ресурс]/ M. Pearce. – London: Fontana Press, 1991. – P.197. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

41. Richmond E., Richmond, S. “Love of my heart” [Электронный ресурс]/ E. Richmond, S. Richmond. – Mills & Boon, 1993. – 267 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

42. Richmond S. “Winter challenge” [Электронный ресурс] / S. Richmond. – Mills & Boon, 1993, URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

43. Roberts M. “Daughters of the house” [Электронный ресурс] / M. Roberts. – London: Virago Press Ltd, 1993. – 153 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

44. Samuel R. “Pamela or, the reform of a rake” [Электронный ресурс] / R. Samuel. – Morgan, Fidelis and Giles Havergal. UK: Amber Lane Press, 1987. – 234 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2012).

45. Seymour G. “Archangel” [Электронный ресурс] / G. Seymour. – London: Fontana Press, 1983. – 125 p. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

46. Seymour G. “Condition black” [Электронный ресурс] / G. Seymour. – London: Fontana Press, 1991. – P. 17 – 142. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

47. Staples M. “Sergeant Joe” [Электронный ресурс] / M. Staples. – London: Corgi Books, 1992. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

48. “So very English: a Serpent's Tail compilation” [Электронный ресурс] / London: Serpent's Tail, 1990. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

49. Stoppard, T. “Rosencrantz and Guildenstern are dead” [Электронный ресурс] / T. Stoppard. – London: Faber & Faber Ltd, 1986. – P. 9 – 93. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

50. Street P. “Guilty parties” [Электронный ресурс] / P. Street. – London: Robert Hale Ltd, 1990. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

51. Tanith L. “Dark dance” [Электронный ресурс] / L. Tanith. – London: Warner Books, 1993. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

52. Taylor A. “The raven on the water” [Электронный ресурс] / A. Taylor. – London: Fontana Press, 1992. – P. 7 – 136. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

53. Trollope J. “The rector's wife” [Электронный ресурс] / J. Trollope. – London: Black Swan, 1992. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

54. West C. “Tess of the d'Urbervilles” [Электронный ресурс] / C. West. – Oxford Bookworms edition, Oxford: OUP, 1989. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

55. Wingrove D. “Chung Kuo book one: the Middle Kingdom” [Электронный ресурс] / D. Wingrove. – Sevenoaks, Kent: Hodder & Stoughton Ltd, 1989. – P. 251 – 342. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 15.08.2012).

Список публицистических текстов, использованных в исследовательской работе

1. Amnesty. London. – Amnesty International, 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

2. Articles from Practical PC. London. – HNL Pub. Group, 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

3. Autocar and Motor. Teddington, Middlesex. – Haymarket Magazines Ltd, 1990. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

4. BBC Good Food. London. – Redwood Pub, 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

5. Best. London. – Periodical Pubs Assoc, 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

6. Central television news scripts. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

7. Central News autocue data. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

8. Climber and Hill Walker. Glasgow. – George Outram & Company Ltd, 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

9. Country Living. London. – The National Magazine Company Ltd, 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

10. The Daily Telegraph, World affairs material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

11. The Daily Telegraph, Arts material.[Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

12. The Daily Telegraph, World affairs material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

13. The Daily Telegraph, Leisure material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

14. The Economist, 1990. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

15. Esquire. London. – The National Magazine Company Ltd, 1991, 1993. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

16. The Face. London. – Nick Logan, 1992. – P. 11 – 130. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

17. The Face, 1998. – P.14. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

18. Gardeners' World. London. – Redwood Pub, 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

19. Good Food. London. – Redwood Pub, 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

20. The Guardian Social material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

21. Guitarist. Ely, Cambs. – Music Maker Pub, 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

22. Guitarist. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

23. Harpers & Queen. London. – The National Magazine Company Ltd, 1999. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

24. Ideal Home. London. – South Bank Pub. Group, 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

25. The Independent, Living material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

26. The Independent, Sport material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

27. The Independent, Foreign material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

28. The Independent, Education material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

29. The Liverpool Echo & Daily Post. Liverpool. – Liverpool Daily Post & Echo Ltd, 1993. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

30. The Liverpool Daily Post and Echo. Arts material, 1994. – P.17. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

31. The Liverpool Daily Post and Echo, Social material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

32. Managing innovation. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

33. New Musical Express [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

34. The Northern Echo, Leisure material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

35. The Northern Echo Social material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

36. Outdoor Action. London. – Hawker Consumer Pub, 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013)

37. Practical Fishkeeping. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

38. Practical Fishkeeping. Peterborough, Cambs. – EMAP Pursuit Pub. Ltd, 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

39. Rugby World and Post. Reading. – Rugby Pub, 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

40. Running. London: Stonehart Leisure Magazines, 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

41. Scotsman Social material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

42. Scotsman Commerce material. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

43. She magazine. London. – The National Magazine Company Ltd, 1989. – P.12. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

44. Tennis World. Sussex. – Presswatch, 1993. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

45. The Art Newspaper. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

46. The Daily Mirror. 2002. – p16. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

47. The Today. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

48. The Today. London. – News Group Newspapers Ltd, 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

49. Woodworker. Hemel Hempstead. – Argus Specialist Pub, 1991. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

50. Zzap 64! Ludlow, Shropshire. – Newspaper Pub, 1992. – P. 4 – 68. [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/> (дата обращения: 20.08.2013).

Список словарей, использованных в исследовательской работы

1. Апресян Ю.Д. Новый большой англо-русский словарь: в 3-х т. Апресян Ю.Д., Медникова Э.М., Петрова А.В. и др. Под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна. – М.: Рус. Яз., 1993. – 832 с.

2. Большой русско-английский словарь: С приложением кратких сведений по английской грамматике и орфоэпии. сост. А.И. Смирнитский/ О.С. Ахманова, З.С. Выгодская, Т.П. Горбунова и др.; Под общ. Рук. А.И. Смирнитского; Под. ред. О.С. Ахмановой. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003. – 768 с.

3. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

5. Новая философская энциклопедия в 4 т./ Ин-т философии РАН; Нац. Обществ. - научн. фонд; Предс. Научно-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2010.

6. Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем его мире (80 концептов, относящихся к духовной, ментальной и материальным сферам человека) // отв. ред. акад. РАН Н.Ю. Шведова; РАН, Институт русского языка им. Виноградова. – М., 2011. – 1032с.

7. Языкознание. Большой энциклопедический словарь/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил.

8. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language, 2-nd ed. – BCA, 2003. – 491 p.
9. Dictionary of English language and culture. Longman Group UK Limited. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 1528 p.
10. Dictionary of English language and culture. Longman Group UK Limited. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 1528 p.
11. Glossary of grammatical terms used in English Grammar: Theory and Use (2nd edition) by H. Hasselgard, P. Lysvag, S. Johansson. – Oslo: Universitets forlaget, 2012. – 678 p.
12. Энциклопедия – Фонд знаний «Ломоносов» [Электронный ресурс: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia>].
13. Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Longman: Pearson Education Limited, 2007. – 1950 p.
14. Longman Dictionary of Contemporary English. Third Ed. – Bungay (Suffolk), 2001. – 1680 p.
15. Macmillan Dictionary and Thesaurus: Free Dictionary Online [Электронный ресурс] URL: <http://macmillan-dictionary.com>.
16. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, International Student Edition. – Macmillan, 2008. – 1748 p.
17. The advanced learner's dictionary of current English / Толковый словарь английского языка. – М.: «Сигма-пресс», 1996. – 1200 с.